

В 1(52)

ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2019

18+

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
Л.К. ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 1 (52)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
С.С. КОЗЛОВ
С.И. ЕГОРОВ
А.Н. СКОРБЕНКО
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
М.А. ФЕДОСЕЕНКОВ
А.П. ЯРКОВ
И.А. ШИРМАНОВ
Л.Г. ЕФРЕМОВА

Тюмень
2019

Содержание

ПРОЗА

Иван ЦУПРИКОВ Дедовские истории	3-12
Виталий ОГОРОДНИКОВ Пятый горизонт	17-25
Александр СТЕШЕНКО Короткие рассказы	30-35
Ирина АНДРЕЕВА Зарисовки	41-49
Татьяна ПОТЕМКИНА Рассказы	54-57

ПОЭЗИЯ

Ирина ТРОФИМОВА (13), Станислав ЮРЧЕНКО (26), Николай ВТОРУ- ШИН (36), Маргарита ЧЕКУНОВА (38), Людмила ЕЛИСТРАТОВА (50), Тамара ЗУЕВА (58), Маргарита СЛАДКОВА (60)	
--	--

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Артем ТИХОМИРОВ Уран Земной	62-71
Марина КЛИМОВИЧ Стихи	72-74
IGUAR ROFE История.....	75-79
Ярослав МАЛЬЦЕВ Стихи	80-83
Владимир КУТРУНОВ Сочинение	84-86
Анатолий ЕФИМОВ Мои стихи ушли	87-89

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Наира СИМОНЯН Стихи	90-92
---------------------------	-------

БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Екатерина ПИОНТ О чудо!	93-94
-------------------------------	-------

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Надежда ВАСЬКОВА «Тобой и Господом храним»	95-97
--	-------

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей СМЕТАНИН	98-103
Александр ТИХОНОВ	104-105
Тамара КАЛЕНОВА, Сергей ЗАПЛАВНЫЙ	106-110
Валентин КУРБАТОВ	111-112
Эдуард АНАШКИН	113-116

КРАЕВЕДЕНИЕ

Альбина КУЗЬМИНА	117-135
Ольга ОЖГИБЕСОВА	136-140
Николай ЗЕНЗИН	141-152
Сергей БИРЮК	153-160
Сергей СЕДЫХ	161-163

НАШИ ГОСТИ. КОВЧЕГ

Об альманахе	164
Яков ШАФРАН	165-168
Олеся МАМАТКУЛОВА	169-170
Евгения КУРГАНОВА	171-172
Александр КЕРДАН	173-179
Светлана МАКАШОВА	180-182
Виктор БОРИСОВ	183-188

Литературная хроника	189-191
Коротко об авторах	192-199

ПРОЗА

Иван ЦУПРИКОВ

Дедовские истории

Огонёк свечи замер, через секунду-другую потянулся вверх, словно пытаюсь через моё плечо посмотреть, чем занимается у печи дед Архип. Посмотрел, опустил назад, и ожидает его возвращения к столу.

– Да вот так и было, – затянувшись трубкой, кашлянул дед. – Бывало-тя, наметет снегу до крыши, и выйти не знашь как. Вот так, унучек, было! Мы тогда летом-то прорыли под землёй от подвала проход к бугру. И всё. Если намете, там выходим. Так хитрюга росомаха узнала наш секрет-то. Вот. Туда лазать стала. Проход нет чтобы прорыть в одну сторону с дверью, так нет – с другой стороны избы сделали. А в избе как-то холодать стало. Батька мне и говорит, посмотри. Ну пошёл, а в подвале всё нормально, тока в бочке солёного мяса стало меньше. Думаю, батька взял, мало ли зачем, не стал спрашивать. Потом смотрю, картошка промёрзла, а такого раньше не было, так-то, унучек. И снег стало у подвал заносить, думал пар мороз садит. И собака выть стала. Чего, спрашивается? Может, мишка, волк, а может и болезнь кака. Вот так было.

Дед встал в полный рост, затянулся трубкой, закашлялся.

А свеча любознательная, снова вытянулась вверх, за дедом Архипом наблюдает. И я тоже, обернулся:

– И померла? – спрашиваю у него.

– Кто?

– Да собака.

– А-а, так нет. Её в избе поселили, ну мало ли чего идёт. Мой дед, кхе-кхе, – откашлялся старик, – говорил, может, кака невзгода на земле готовится. То перед тряской, то перед пургой, собака как старик, чувствует всё, беспокоит хозяина. Кхе-кхе.

Наблюдаю за свечой, тянется её огонёк всё выше и выше, и наконец замер.

– Так вот, спим ночью, а собака в пол уставилась да дрожит всё. Не гавкат, не-е-е, а пыщит, как волк, больной чумой. Ну деда Иван говорит, мол, держися, щас трясанёт нас. Ну-у, я Шарика обнял, а он в дрожи весь, аж я трясусь с ним. Чай будешь, унучек? Так наливай, и мне!

И свеча задрожала, словно торопит меня: быстрее наливай, а то дед забудет, о чём рассказывал.

Тоже верно. Наливаю чаю себе, деду, банку варенья малинового на середину стола ставлю, хлеба нарезанного. Черпанул мизинцем варенья, свечу подношу, угощаю: попробовала, не понравилось, снова вытянулась...

– Так вот, дрожим мы с Шариком, – садится дед за стол, – а сам на дедку Ваньку смотрю. А он храпит. Вот хитёр, а, унучек. Напужал, а сам храпака даёт.

– Так что, землетрясение должно было быть?

– Вот то-то. Ну надоело мне, есть захотел, открыл подпол, свечу туда сую, а она погасла. И всё, ветер значитца дует оттуда и холод такой, а Шарик залаял.

Деда проснулся, ружье взял, вниз, да как бахнет, бахнет. А потом оттуда росомаху вынес. Вот така была большая, – дед развёл во всю ширину руки. – Дыру сделала в проходе-то и давай воровать всё у нас с подпола: рыбу, мясо. Вот так, унучек, было.

– Вот здесь лежала шкура её, когда был гольцом батька твой, на ней спать любил, – дед постучал по блюдцу трубкой, выбивая из неё пепел.

Огонь свечи запрыгал, словно смеётся до упаду над рассказом деда.

– А сейчас тот проход сохранился, дед?

– А? – не расслышал Архип.

– Ну подземный проход сохранился?

– А-а, – наконец понял дед, о чём его спрашиваю. – Не-ет, то старая была изба, это уже третья после неё.

– Понятно.

Закивала и свеча, и ей понятно.

Чай вкусный, смородиновый. Варенье скатывается с корки хлеба на стол, подхватить капельку рукой не успел. А дед хоть и глуховат, но зоркий. Улыбается.

– Как уроню каплю, так слизывать со стола её любил. Бабка моя ругалась, а дед Иван – нет. Струнил её, так вкуснее унуку. Вот как-то, когда он был мальцом, жисть себе из-за того сохранил. Упала капля варенца на стол, наклонился, а черепица в костре стрельнула, и её осколок прямо над его головой прошёл, в стенку уткнулся. Вот так было.

А у того деда Ивана, – почесав бороду, заулыбался дед Архип, – дед был Васькой. Смела-ай! Две войны прошёл, но это потом. А как мальцом был, так из глины солдаток делал. Смажет их жиром, салом-то, и налепливает на них из листочков форму-то солдатску. Много солдат наделал и играл ими всю зиму. А как весна пришла, снова их смальцем смазал, кору стал клеить с дерева, лыцарей делать. А неподалёку от нас мишка проснулся. Матё-ер, худючий! Ну и пошёл к избе пра-пра-пра-деда, скока я сказал «пра»? Так вот, а Васька-то, мой дед, пра-пра-пра, а ещё пра, так вот, услышал мишку-то и в избу бегом, закрылся.

А мишка всех его солдат и поел-то. Наелся глины и оставил моего пра-пра-прадеда Ваську живым. Вот так-то...

...Свеча догорела, доела свою ниточку и уснула. Темно стало в избе, только слышен дед храп и тихий гуд вьюги за окном: у-у-у-у. Укрывшись одеялом, натянул на голову ещё и ватник, чтобы теплее было, а дрожь всё никак не успокаивается. Только бы мишка с росомарой в гости к нам не пришли с дедом, думаю я. Спали бы в своей норе и в берлоге, как мы с дедом в избе, и снились бы им хорошие сны про их дедов, пра-прадедов и пра-пра-прадедов, зазевался я.

Лых-хо

Михаил присел у корня сосны. Дерево огромное, ствол диаметром с полметра, не меньше. А корень больше напоминает застывшего осьминога с оборванными щупальцами. Оставшаяся часть центрального корня особенно привлекла к себе. Такое впечатление, будто его выкрутили, а сосну аккуратненько подняли и положили, чтобы не сломала соседних деревьев. Следов от техники, которой это сделать было бы по силам, тоже нет, как и возможности пробраться ей сюда, не завалив соседних деревьев. Других подсказок не было, мох девствен, не мят.

– И ветра такой силы вроде бы не было? – посмотрев на Виктора, предположил Михаил.

– Кто знает, – не согласился с ним товарищ. – Мы сейчас от посёлка в семидесяти километрах. У нас ветра нет, а здесь может такая буря пройти... А дерево-то, смотри, ещё живое.

Действительно, и иголки не потемнели, изумрудным блеском играют в солнечных лучах, пробивающихся через кроны деревьев. И резкий запах смолы идёт от корней дерева от смоляных сосуллек, свисающих в местах обрыва.

Второе, что не менее удивило, дерево лежит метрах в шести от места, где росло.

Михаил осматривает образовавшуюся яму от корней дерева. Трудно даже предположить, как такое могло произойти: дерево не пружина.

Жаль, собак нет. Минут тридцать назад куда-то убежали и всё. Дума-ли глухаря подняли или лося. Но вокруг тишина, лая, даже эха от него не слышно. Шарик у Витьки настоящий медвежатник, Белка Михаила с ним из одного помёта, но больше по глухарю работает. Обе собаки голо-систые, даже за километр в еловом лесу их слышно, а здесь сосновый бор, голосу только разгуляться, ничто его не заглушит. Как не хватает сейчас этих четвероногих друзей, всё бы «рассказали» о тайнах упавшего дерева.

Виктор, поправив на плече рюкзак, ружьё, направился по тропинке дальше. Михаил остался, но ненадолго, махнув в сердцах рукой на неразгаданную тайну, побежал за товарищем.

Тропинка чистая, мхом не зарастает. Только иногда встречаются на ней шишки, раскрошенные вездесущими кедровками, белками. На спуске к болоту, рядом с вывернутым трухлявым корнем, лежит мятое красное пластмассовое ведро. Вокруг него рубиновый бугорок из крупных ягод клюквы, искрящимися в солнечных лучах ягоды.

Виктор остановился возле него, осматриваясь по сторонам, поджидая Михаила.

– Видно, мишка ягодника пугнул.

– Так медведь бы и собрал её всю, – поднял ведро Михаил. – Скорей всего, ручка сломалась, ведро упало, клюква рассыпалась, и ягодник с горя по ведру ногой пнул.

– Треснул? Да чтобы такое ведро так раздавить, мужику иль бабе нужно весить более, чем мы с тобою вместе взятые раза в два-три.

Действительно, стенки у ведра толстые. Михаил попробовал его ногой сдавить, не получилось.

– Ладно, Холмс, уже четыре часа дня, а до избушки ещё километров десять топать. Лучше поторопиться, а то кто знает, может, от неё одни головёшки остались. Как в прошлом году, помнишь, дед Евсей со своею бабкой и зятем её под самогонку чуть не сожгли, если б не мы с тобой.

– Только этого еще не хватало, а то тогда через болото до следующей избы мы навряд ли до свету доберёмся.

– А я о чём...

Пошли дальше. Тропка бежит по склону вниз, по бережку болота, через ручей, и прячется в зарослях рябины, скинувшей свою листву. Тяжёлые красные гроздья северного винограда завораживают красотой, хочется потянуться к каждой из них и попробовать, но терпкий вкус ягод сразу же отталкивает от этой мысли. Берега ручейка устланы высокой травой. В некоторых местах она ещё зелёная.

Удивительна природа Зауралья. Вот-вот снег пойдет, ударят морозы, а трава ещё и не думает отдавать свои соки корням, цепляется за каждый солнечный луч, напитываясь их энергетической силой перед долгим сном.

– Стоп! – Виктор вопросительно смотрит на своего товарища, показывая ногой на большую кучу ягодного «варенья» на тропинке.

– Медвежья каша.

– Смотри, – и показывает на клок серой шерсти.

Она длинная, сантиметров за 20–30. В её прядях седые волосы, тонкие. Медвежью шкуру Виктор не раз видел у Кольки Футова, трогал, но не помнит, чтобы волос у нее был таким мягким и длинным. Видно, мишка старый, люди говорят, до шестидесяти лет живёт...

– Да уж, – Виктор вытаскивает дробовые патроны из ружья, меняет их на пулевые. – Но с той сосной даже большой медведь так не справится! Да и отпечатков когтей на ней не было. Заметил?

– А я тебе о чём? Если б там такой ветерок прогулялся, куча деревьев бы вокруг лежала. А тут одно...

– Одно, одно! – передразнил Михаил. – Я понимаю, что это не по силам медведю. Что, обтрусался? Беги домой, поджав хвост! – и сплюнув, пошёл дальше.

Твёрдости Михаила Виктор всегда подчинялся. Сколько себя ни корил за это, но так получалось, что за его другом всегда оставалось последнее слово. Так и сейчас.

Наконец тропинка выходит на широкую лесную дорогу с глубокой колеёй, оставленной от колёс гусениц тракторов в весеннюю распутицу. Это зимняя дорога, по которой лесники вывозят срубленный лес из делян. Летом-осенью сюда на технике не добраться, вокруг болота.

Выйдя на дорогу, охотники с облегчением вздохнули, осмотрелись и пошли влево в сторону вырубов, плотно заросших молодой сосной, берёзой и осиной.

Идут быстро, торопятся. Октябрь на носу, темнеет рано. С дороги громкой пулемётной очередью вспорхнул выводок рябчиков, рассеявшийся на ветках берёзы. Перезарядив ружья и на счет два-три сбили с веток по одному молодому петушку – на шулюм.

Вот и начало сосново-елового бора, с одной стороны его поджигает болото, с другой – выруб, заросший молодым березняком, как сорняком. Белки с громким цоканьем встречают непрошенных гостей, кедровка раскричалась, как испуганная сорока, и сопровождает их, предупреждая всю живность вокруг, что пришли охотники.

По привычке Михаил и Виктор стараются не обращать на неё внимания, идут вглубь леса по знакомым только им ориентирам. Тропинку после строительства избушки заложили мхом, дерном, чтобы не привлекала к себе незнакомых ягодников с охотниками.

Слева обломок сухой сосны с корнями наружу, справа ель, старая, обросшая мхом – это «ворота» к избе. Чуть дальше – бревно-шлагбаум, лежащее на двух пнях, за ним направо – кустарник, потом спуск к ручью и опять резкий подъём.

Изда стоит на месте, её потемневшие от времени сосновые брёвна потрескались местами. Веранда тоже сохранилась неплохо, ее крыша не просела под тяжестью весенних талых снегов. Дверь в избу тоже не покосилась, отворяется с легким скрипом, только петли нужно не забыть смазать сальцем. В избушке темно, вечерний свет еле пробивается через толстое стекло окна. А как внутри приятно пахнет каким-то лесным духом и плесенью.

Виктор находит подвешенную у двери лампаду, заливает в неё из капроновой бутылки керосин, и зажжённый огонь растёт, тянется по стеклу вверх, осветляя небольшую комнату – печку, нары, установленные

с двух сторон стола, упёршегося в оконную раму. На полке подоконника в двух гранёных стаканах покоятся скривившиеся от солнечного тепла, пробивающегося через стекло, свечи. У печи аккуратно уложены дрова, на них, завернутые в целлофановый куль, спичечные коробки, из-под них выглядывает топорщице. Всё на месте.

На других полках банки с солью, сахаром. С вбитых в стену гвоздей свисают целлофановые кульки с рисом, перловкой, гречкой.

Вечерело. Ребята прибрались в избе. Бочку скатили к ручью, промыли её, а потом, вернув на место, заполнили родниковой водой. Протёрли окно. Обмазали глиной печку, разожгли в ней огонь, поставили чайник и котелок с водой, положив в него картошку, лук, мясо рябчиков.

Тепло от печи начинает прогревать комнату, дым не весь выходит в трубу, часть его растекается по верху комнаты. Но это ненадолго, горячий воздух быстро очистит печную трубу от паутины, попавшей в неё листвы, мха, и весь дым потянется в вытяжку.

Где-то рядом начала протяжно посвистывать рябчиха – циии-у, циии-у, созывая семейство. На её зов откликнулся петушок: циии-у, циии-у, цив-цив-цив.

Здесьнюю птицу охотники не трогают, берегут свой «курятник». В прошлом году здесь поселилась глухарка-капылуха. Частенько по утрам встречала гостей, сидя на нижней ветке дерева или расхаживая по полянке. Никого не боялась. Вот и сейчас, откуда ни возьмись, капылуха, эта крупная серая курица, по своей стати больше напоминающая индейку, с сильным хлопаньем крыльев садится на поляну, осматривается по сторонам и начинает гордо, вытянув шею, расхаживать рядом с домом. Виктор шёпотом подзывает Михаила, и в окно наблюдают за нею.

Капылуха остановилась около старой, покрытой седым мшаником доски, на которой Виктор разложил несколько горстков ягод брусники и рябины. Наклонилась, и вдруг что-то неожиданно глухо стукнуло сзади избы, и птица тут же взлетела.

– Что это может быть? – поднял ладонь вверх Михаил.

– Ветка сломалась, что ли?

Михаил снимает с гвоздя ружьё и выходит наружу. За ним – Виктор. Тишина. Обходят избушку.

– Иди сюда, – шёпотом зовёт Михаил за дом и показывает на трухлявое, торчащее из земли дерево, ствол которого стал домом-муравейником. Виктор любил здесь полакомиться муравьиной кислотой, опуская в их скопище травинку, которую они тут же облепляли... Но теперь муравейник полностью разрушен, ствол и корневища дерева разломаны. Вся земля вокруг разрыта. Медведь похозяйничал.

А невдалеке та же картина, что им встретилась несколько часов назад: за кустарником на земле лежит огромная сосна. Листва на ней ещё зелёная, от вытащенных из земли корней-осьминогов сильно пахнет смолою.

Осмотрели её. Отпечатков медвежьих когтей на стволе дерева нет. Центральная корень выкручен. А вот где же то место, на котором она росла?

– Может, там, где муравейник? – предположил Виктор.

Принесённой из избы лопатой перерыли вспаханную у муравейника землю. Свежих корневищ дерева не обнаружили. Опять загадка.

– Может, костёр разведём у двери?

– Зачем? – спрашивает Виктор. – Думаешь, мишка где-то рядом или йети?

– Не накличь только беды! Кольку Футова так и не нашли. Уже две недели как в лес ушёл, и нет его.

– Поминать его рано. Он в лесу с детства с отцом медведя, лося, оленя бил, шкуру соболя, горноста, белки заготавливал. Так что кто его знает, зачем ушёл. Может, новую избу где-то ладит, капканы на соболя, медведя, лося ставит. Знаешь, сколько он зимой капканов на соболя готовит? Не менее полутора сотен. А здесь глухарей, косачей, ворон столько не добыть. Скорее всего, оленьей да лосятиной снаряжает капканы.

– Только не кричи! Блин, где же собаки? Боюсь, наоборот, огонь его может только привлечь...

– Йети?

– А ты знаешь, чего он боится твой йети? Помнишь, дед Анисим рассказывал, да Дашка с Фёдором, когда он их с болота погнал. Метров под пять ростом. Подошёл к сосёнке, вытащил её из земли, да как бросит её в них, чуть не зашиб. Хрен кого он боится, тот йети. А ты вспомни, чьи тогда мы с тобою следы видели на кладбище хантыйском, восьмидесятого размера, не меньше. Медведя? Его бы ханты сами забили. А они тогда дрожали, нас звали. А кто же рядом с их избой медведя на части разорвал? Кто, думаешь, духи ханты?

– И на кой ему дерево вынимать надо из земли? Чтобы нас напугать?

– Заколебал, блин, откуда я знаю!

Охотники пошли к избе. Виктор, идущий впереди, вдруг отпрыгнул в сторону и вскрикнул: «Смотри!» Михаил присмотрелся к тому, на что показывал его товарищ, и замер. На старом покоцанном топором пне лежал огромный звериный череп с оставшейся шерстью на затылке, с разрозненными челюстями.

– Вроде медвежий, еще и воняет, фу... – прикрывает нос Михаил. И побежал в избу. – Помнишь, где я замок там оставлял?

– Да Женька вроде его тогда забрал.

– О Боже!!! Давай неси дрова, у веранды костёр разведём.

– Сам тащи!

– Только ругаться ещё нам не хватало! – отбросив ногой в сторону ветку, Михаил пошёл к поленнице.

Костёр своими горящими крыльями быстро охватил чурбаны, осветив поляну. Несмотря на тепло, идущее волнами от него, Виктор почувствовал озноб.

– Может, по сто грамм? – предложил он товарищу.

– Что-то не тянет. Давай так будем дежурить по нескольку часов.

– Тоже дело. Неужели ты веришь в этого...? В посёлке же узнают – засмеют.

– Трезвонить-то зачем?

– Тоже верно...

Громкий шум в лесу от падающего дерева и ломающихся веток взорвал ночную тишину. Друзья тут же, как по команде, бросились в избу. Виктор держит закрытую дверь за ручку, Лёшка хватается топор и его обухом приколачивает край двери к косяку огромным гвоздём.

Присели около печи на корточки. Тишина. Минута, другая. Сколько так просидели, прислушиваясь, трудно сказать. Может, четверть часа, а может, и целый час. Единственное, что отвлекало и снимало напряжение, – это тонкий свист сверчка, старого знакомого. Пришло в дом тепло, очухался он ото сна и запел. Виктор подбросил дров в печь. Но встать с пола так и не решились.

А сверчок их действительно не боится, уже у Мишки сидит на колене, пришёл поздороваться. В мерцании печного света блестит его угольное тельце. Михаил прихватывает его ладонью, раскрывает пальцы. Сверчок сидит на ладони, не шевелится.

– Слушай, – говорит Виктор, – надо все патроны достать.

– Доставай.

– Супа хочешь?

– Пошёл ты!

– Чё, боишься? – Виктор соломинкой чешет щёку Михаила.

– Да пошёл ты! – отмахнулся от него тот.

Опять что-то щекочет, изловчился, хотел схватить Витькину руку, да не она это оказалась. Посмотрел на ладонь – сердце ёкнуло: раздавленный сверчок. Сверчок!? Вот нервы распатались. Достал из бокового кармана фляжку, открыл её, приложил к губам, глотнул. Огонь неразбавленного спирта обжёт гортань.

– Дай и мне, – Михаил тоже делает несколько глотков.

– Что будем делать?

– Я спать, – Михаил встаёт, снимает с вешалки куртку, стелет её на полу у печи, рюкзак бросает под голову и ложится.

Виктор упёрся спиной о стену, уже прогретую от печи, поставил рядом ружьё и прислушивается к лёгкому храпу спящего друга, треску горящих дров. Блики огня от печи играют на стенах, по потолку. Почувствовалась усталость, подбородок тяжелеет, опирается на колено. Но спать нельзя, встряхивает голову раз, другой, прогоняя сон.

...Вдруг какая-то тёмная сила из облака превращается в огромного седого медведя с человеческой головой, поросшей волосами и...

Виктор открывает глаза. Тишину нарушает только потрескивание горящих дров. Открывает печь, кладёт в неё ещё два полена. Тепло растекается к локтям, к груди, веки тяжелеют...

...Длинные когти рассекают дверные доски, но те не крошатся. Клыки из открытой пасти растут...

Нет, спать нельзя. Виктор хотел приподняться, но понимая, что все эти когти и клыки приходят к нему только во сне, успокаивается. Подносит циферблат часов к печи – 21.47. Ночь только наступает, через час он разбудит Михаила и выспится.

...За избой что-то происходит, кто-то трётся о её стены. Виктор открывает глаза – слышен только храп товарища. Вот у кого нервы железные.

Виктор так и остался сидеть, не меняя позы, и вдруг какая-то сила с лёгкостью подхватила его и опустила на болото, в самую няшу.

Открывает глаза – в избе темно, Михаил храпит, воздух стал прохладным. Открывает крышку печи – всё в ней сгорело, только слабо золотятся огоньки золы. Раздул их, положил немного коры от берёзы, веток, огонь просыпается.

Разбуркался с ним и Виктор, закашлявшись от кислого запаха дыма. Огонь растёт, охватывает ветки...

В окно кто-то смотрит одним большим глазом. Может, это блики огня от печи? Виктор отворачивается от окна, засовывает в печь нарубленные сосновые ветки... И после того как они охватились огнём, смотрит в окно. А это всё же глаз. Большой зелёный глаз фосфорится в окне, огонь такого цвета в печи не бывает. Страшно, руки быстро находят ружьё, наводят его стволы в окошко, он нажимает курки...

Виктор открывает глаза, тело знобит от холода. В избе так же темно. Мишка храпит, огонь в печи погас. Растолкал товарища, но тот только

перевернулся на другой бок и снова захрапел. Вот нервы железные. Где же спички? Ага, в нагрудном кармане. К счастью, береста рядом, он разжигает её...

«Уууу-у-уу», – неожиданно завыло за дверью, да так протяжно, что Виктор задул спичку, расталкивает Михаила. Вой продолжается, и Михаил, скидывая со своего плеча руку Виктора, поднимается.

– Что это? Волк?

Слышно, что это животное теперь радостно заскулило. Собака? Волк разве радостно заскулит?

– Кто там! – кричит Михаил.

Животное, скуля в ответ, скоблит лапами по двери.

– Кто там? Шарик? Белка? Да это же наши собаки пришли, открывай дверь!

Витька отыскал топор, Мишка зажёл свечу. Шляпку гвоздя с трудом нашли в доске двери, выдернули. Дверь открывается – и в избу заскакивает собака, прыгает к Михаилу, Виктору, с визгом облизывая им руки.

Это была крупная, чёрная, отощавшая лайка, и только по белому воротничку её признали – Кольки Футова Джек.

– Вот тебе на! Значит, он где-то рядом, может, у избы? – воскликнул Михаил.

Выскочили во двор, осмотрелись – никого. Нет его, только слышно, как Джек громко лакает в избе. Не воду, а шулюм из котелка, поставленного ещё вечером на пол у печи.

– Джек, Джек, где хозяин?

Собака вытащила морду из котелка и завиляла хвостом, да с такой силой, что её корпус еле удерживают лапы, и она завалилась на бок. Со всем слабая.

Виктор вышел из избы и громко скомандовал: «Джек, где хозяин? Вперёд!»

Но пёс продолжал сидеть и лакать шулюм.

Дождались рассвета, собака, отдохнув, набралась сил, и на призыв искать хозяина потихонечку побежала к болоту. Ребята пошли за ней. Болото, к счастью, подсушено, идти по нему легко, и метров через сто собака остановилась, виляя хвостом у заросшего бородой, истощённого, лежащего на кустарнике человека.

Колька на вид был уже не жилец. С трудом подняли его, тихонько пошлёпали по щёкам. Тот очнулся и в испуге – откуда только у него столько силы нашлось – оттолкнул Михаила от себя и отполз назад.

Виктор, словно ожидая этого, придавил Николая своим телом к земле: «Коля, мы свои, успокойся. Я Виктор Носов. Успокойся!»

Тело Николая начало сильно дрожать, глаза расширились, с каким-то неподдельным испугом он всматривался в лицо Виктора.

– О-о-о, люди! – выдавил он из себя.

Рядом с Николаем не было ничего. Ни рюкзака, ни ружья. Куртка изодранная и грязная от болотистой жижи. И всё. Ребята подняли его, накинули на плечи куртку и повели к избе. Радостная собака бежала впереди, поскуливая. Но Николаю, видно, не нравилась эта помощь, он сопротивлялся, отталкивал от себя чужие руки, пытался оглянуться назад, шепча: «Лыххх, лыххх..., лыхх-хо...»

В избе он сразу же потерял сознание. Ребята положили его на нары, накрыли ватником, подбросили дров в печь, поставили чайник. Все вчерашние загадки забылись, но ненадолго.

Присев на скамейку около избы, Виктор чувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Собака спала под нарами, порыкивая кому-то во сне. Уж собаку не проведёшь и спящую, чутьё у неё сильное, значит, всё это чудится, успокаивает себя Виктор.

Михаил пошёл заготавливать дрова, рубит сухую ель. Надо ему помочь. Виктор поднялся, но услышав стоны Николая, вернулся к нему. Тот лежал на спине с широко открытыми глазами, но не видящими стоящего над ним Виктора.

– Ой, уйду-у, уйду-у, оставь меня, оста-авь, – шептал он, сильно трясая головой.

Виктор окликнул Михаила.

– Ой, уйду-у, уйду-у, оставь меня, оста-авь, – продолжал стонать Николай.

Неожиданно собака, спящая под нарами, завизжала и, ощерясь, залаяла на открытую дверь. Виктор и Михаил схватились за ружья. Джек лаял, приседая на все лапы. И вдруг неожиданно Николай пришёл в себя и громко гаркнул на своего пса, что ещё больше потрясло Виктора с Михаилом.

– Ребята, не лезьте туда, собирайте вещи и уходим! – слова Николая были громкими и предостерегающими. Он сидел на нарах уже не измождённый, как минуту назад, а напряжённый, исхудавший, дрожащий.

– Нам с ними не совладать. Мы для них куклы. Мужики, пошли отсюда... – твёрдость в голосе Николая нарастала. Он встал и, пошатываясь, вышел из избы. Собака за ним.

Глядя на удаляющегося Николая, Виктор и Михаил бросились за ним. Боковым зрением Виктор видит, что какие-то огромные тени или что-то похожее на них движется сбоку от ручья. Виктор боится даже посмотреть туда, подталкивает Михаила в спину, торопит.

И тут же услышали, как брёвна избы скрипнули и с глухим стоном развалились, раскатываясь по поляне. Как это произошло, они не видели, бежали сломя голову за Николаем. Бор остался позади, дорога, перерытая гусеницами, препятствий не создавала, только дышать становилось труднее и труднее, на что никто не обращал внимания. Остановились только у ручейка, что километрах в пяти от избы, но ни один не присел на валяющиеся бревна, а стояли и всматривались в то место, откуда прибежали.

– Расскажи, как всё было? – через несколько минут отдышавшись, спросил Виктор у Николая.

– Завалил лосиху. Правда, сначала её теленка, а только потом её. Я к ней, а тут, чувствую, как земля заходит под ногами, какая-то сила бросила меня в кусты. Даже не понял. Поднимаюсь – они стоят, больше моего экскаватора каждый... Один поменьше, правда, метра под три. Он ко мне, а я в него из обоих стволов... А они как зарычат: «Лых-хо». Больше ничего не помню. Очнулся, не пойму, где нахожусь, кругом выруб. Шёл, шёл, Джек потом появился. Смотрю, они на краю леса стоят, все трое, словно и не стрелял в меньшего, и ко мне идут. Думал, всё, крыша у меня поехала. Побежал по вырубам, на то болото, что за Малым Воем. Оно вязкое, и они за мною, споткнулся обо что-то, упал, встать не могу. Всё, думаю, конец, но вы появились.

Так что лучше не будем здесь задерживаться, – стирает слезу с лица Николай, – а то чувствую их рядом.

– Миша, я ружьё забыл, – перебил Николая Виктор.

– Я тоже, – поднялся и осматривается по сторонам Михаил. – Блин, попался.

«Лых-хо» – зашумело где-то рядом.

И только секунд через десять после этого Михаил понял, что бежит за Виктором и Николаем.

...Через какое-то время запыхавшись, остановились. Николай осел на землю. Смотреть на него неприятно: весь дряхлый, осунувшийся, что-то шепчет, отталкиваясь трясущимися руками от чего-то невидимого.

И тут же его заросшее чумазое лицо начало бледнеть, руки бессильно упали на колени. Виктор, ещё не понимая, что надо делать, схватил за поясницу Николая и попытался приподнять его. Но не получилось, его тело обмякло, как гора верёвок, и нет удобной возможности, чтобы подхватить этот ворох и приподнять. А Михаил, стоящий впереди, полуоткрыв рот, широкими глазами смотрел куда-то за спину Виктора, пятясь назад.

– Бери его, бери! – неистово заорал Виктор. – Потащили! Быстрее! Бегом! Мишка?

Михаил замотал головой, повернулся и побежал куда-то в лес. Виктор, закинув тяжёлое тело Николая на плечо, покачиваясь из стороны в сторону, пошёл за ним.

«Лых-хо!» – громкий, непонятно откуда идущий из леса или из-под земли громоподобный рёв волной ужаса накатывался сзади на него и с огромной воздушной силой толкал вперёд. Виктор, не поддаваясь испугу, продолжал тащить на себе обвисшее тело земляка, пытаясь хоть как-то ускорить шаг, и со временем, уже пообвыкнув к тяжести тела Николая, шёл напролом через кустарники и бугры.

«Лых-хо!» – всё громче ударял ему в спину этот звук, имеющий какие-то осязаемые и физические силы, гоня вперёд. – Лых-хо!»

Николай пришёл в себя только под утро, дрожа от холода. Что есть силы напрягшись, приподнял голову и в этот момент почувствовал, как его подбородок ломает тонкий лёд лужи, посередине которой он лежал. Никого рядом не было, ни Михаила, ни Виктора. Только у кустарника стояло подобие «УАЗика» с развороченными боками, выкрученными наизнанку дверьми с выбитыми стёклами. Только по номеру машины он понял, что это его любимый «козлик»...

ПОЭЗИЯ

Ирина ТРОФИМОВА

Лебеди у дороги

Силы небесные с синью озёрною
Воля весенняя взвила из небуди –
Боже мой! В наши края нефтечёрные
В кои лета возвращаются лебеди!

Видели люди: в урманах заваленных
Стаи в озерах гусиные нежились,
Только вот так – на помойных проталинах
Не жили птицы небесные, не жили...

Кто вы, всегда осторожные, гордые –
Стая глупцов или неба посланники,
Рядом с жестоким дымящимся городом
Так неужели гнездиться и станете?!

Вот вы взлетели над озером-лужею,
Что-то почуяли? Нет, опускаетесь!
Люди – одни – побежали за ружьями,
Люди – другие – впервые покаялись...

Покров

Ненужные слова, заблудшие слова,
Теряются в бездонной белизне –
Над белым светом снова – время Покрова,
Пора под снег уйти тебе и мне...

Под снег – как под крыло, где тихо и тепло,
Где ровное дыхание и сон,
Не думать: «Боже мой! Куда нас занесло?»,
А лишь благодарить, что занесён.

Природа не всегда готова к Покрову –
Не сброшен лист, и зелень на земле.
Куда уж нам – торчим, повыпятив листву,
А ей давно пора уж быть в золе...

Слова – в огонь, в отстой, в поправление, под спуд,
Настало время белой тишины,
Когда закончен круг и наступает суд,
Который будет длиться до весны.

Судья – велик и мудр, и под Его покров,
Смирясь, душа склоняется чиста.
Небесной манной вновь с небес идёт Любовь,
Начертанная с чистого листа.

Первая жара

Стоп, календарь!
Лето Господне,
Царствуй и жарь –
Впредь, как сегодня!
Выжатый день
Струйкою нервной
Вылился в тень
Кондиционера.
Кипень берёз,
Грозы по кругу,
Ливень внахлест –
Через фрамугу.

Ловит сирень
Душным дурманом,
Катится день
Катамараном.
Манит река
Серебром белым,
На берега
Вывалив тело.
Ночь – два часа
Нету лишь света
На небесах...
Господи! Лето...

Предвестники

Апрель – а ветер зимний, колкий,
Весь день – снежок, и нет тепла...
Промозглый вечер льдистой коркой
Покрыл окружие ствола
Берёзы, что дрожит, раздета –
Где солнце? Холодно... А сок,
Скопившийся за зиму, где-то
Толкает ледяной сосок
Из глубины древесной плоти –
Пока чуть-чуть, ещё не срок...
...Ладонь – к стволу, в груди – колотит,
И по запястью – капли. Сок?

Электричка

Слепящей клипсой солнца золото прилипло
Под шевелюрой туч на горизонте,
Въезжаем в вечер. Электричка, хрипло вскрикнув,
Подтягивает хвост на мост – не троньте
Забрала окон – их захлопывать не надо:
Ура! Жара! И завтра, даст Бог, лето
Вольётся в утро долгожданным солнцепадом
И – ветром в пассажиров разогретых...

Свет

Есть свет.
И только он.
Тьмы нет.
Есть – грусть окон.
Когда
Покинут дом,
И свет
Тихонько в нём
Заснёт –
Лишь до поры,
Пока
Тихи дворы.
Но зашуршит
Листва
В полночной
Тишине,
И блики фар
Едва
Сверкнут
На том окне,
И вот
Проснётся свет.
И кот.
И всем – привет!

Февральская генеральная

Вспыхнули искры в глазах ручейка,
Скачет по льдинкам, щекочет сугробы.
Баба-зима отлежала бока,
Снежная отяжелела утроба.

День-непоседа (как вырос, шельмец!)
Брызжет в лицо полным ковшиком света.
Где же мороз, этот горе-отец?
Ночью – кряхтел, а к утру – уже нету!

Дочки-снежинки, обнявшись, сопят –
Им уж недолго гулять в хороводе
Солнца лучей, этих бравых ребят:
Жизни замужней зальёт половодье...

Хочешь – не хочешь, а надо вставать,
Чай, с Рождества не прибирано в хате,
Вымести хлам да прохлопать кровать,
Хватит, бесстыжая, нежиться, хватит!

...И заметелилось платье-сугроб:
К гостье-Весне приготовиться надо.
Бусы-цепочки серебряных троп
Чистит зубным порошком снегопада...

Город

Пухлый сугроб за чугунным забором –
Здесь его жительство каждую зиму,
Так же, как тропки в саду, по которым
Стаи собачьи лишь шмыгают мимо.

Жители эти весной уберутся,
По ручейкам уплывут в океаны,
И на асфальте, в серебряных блюдцах
Лужи поселятся. Полным карманом

Всякой рассады весенней хвалиться
Станут балконы в апреле и мае,
Шустрых автобусов хитрые лица
Дачникам будут кивать, понимая...

Время травы неотступно, как старость.
Каждое лето – зелёная битва
Между людьми, что на лето остались
И сорняками, что будут убиты.

Ветер утих – и деревья в аллее
Тоже умолкли, закончив беседу.
Знать, пристыдили рябину: алеет
Первой средь августа! В осень из лета

Перешагнули заборы и крыши –
Иней искрится на них, как алмазы,
Город невестится – в ветви неслышно
Вместо листвы бросил снежные стразы...

...Новый январь в этом городе старом,
Утро синеет в проёме оконном.
Что с нами было, и что с нами станет –
Люди забудут. А город запомнит.

ПРОЗА

Виталий ОГОРОДНИКОВ

Пятый горизонт

– Представь себе, – говорю я своему туркменскому другу, что у нас над головами сейчас тринадцатиметровый столб воды. Бек Мурад пристально всматривается в небо, делает глубокий вдох, чтобы уж посмеяться так посмеяться.

«Этот русский такой шутник, всегда что-нибудь отмочит», – думает он, показывает цифру тринадцать на пальцах, качает головой: – Ай-яй-яй, – полагая, что я разыгрываю его. Никакого столба над своей головой он не ощущает. Потрогал для верности рукой – ничего кроме нескольких капель пота. Бек Мурад переводит взгляд на мою вспотевшую макушку и, отмерив на глазок метров тринадцать, видит только пустоту. Опять ничего.

«Все русские шутники», – подумал Бек Мурад.

Человеку, который видел дождик последний раз лет пять назад, трудно было представить столько воды особенно над своей головой. Откуда здесь столько воды, когда вокруг только пустыня да горы. Отмочил, так отмочил. Удод, пролетавший мимо, и услышавший, что речь идёт о воде, забыл, куда летел, и сел на свесившуюся от жары ветку саксаула. Зной сковал округу, прижал барханы, пригладил их и отутюжил все пять горизонтов, которые я наблюдаю в теодолит. Барханы лежат неподвижно вместе со своими сусликами, тушканчиками и змеями.

Бек Мурад любовался сказочной птицей и всматривался, нет ли над хохолком удода хоть какого-то столбика воды. И, не в силах скрыть своего разочарования, только качал головой:

– Ай-яй-яй. А я любовался солнечным оперением птицы.

– Молла Куш? – сказал я выразительно, стараясь придать этому обороту величественную интонацию. Бек Мурад одобрительно кивнул и похвалил меня:

– Запомнил, молодец.

Я знал несколько слов по-туркменски благодаря моим многочисленным учителям, которых я сам нахожу повсеместно. Даже на улицах, рынках, этих шумных восточных базарах пытаюсь говорить по-туркменски, весьма успешно. Молла Куш в переводе с туркменского – Святая птица. Благодаря этой фамилии и имени она живёт себе довольно хорошо – не обижают мальчишки, бегающие по пустыне с палками. Дело в том, что родители учат детей сызмальства уважать Святую птицу, ни в коем случае не трогать, относиться к ней с почтением. И так из поколения в поколение. Поэтому ей вольготно на этих просторах. А я раньше её только на картинках видел.

– Мы с природой в добрососедстве, – пояснил Бек Мурад, и меня порадовала эта формулировка, подтверждение которой я ощущал здесь на каждом шагу.

Я протянул GPS Garmin Бек Мураду, где в строке «высота» чёрным по белому красовалась счастливая цифра «тринадцать» да ещё и со знаком «минус». Он издали начинает улыбаться, ожидая очередного подвоха, но выражение лица на всякий случай меняет, потому что и раньше я показывал ему настоящий прибор, в способностях которого на тот момент никто не сомневался.

– Мы с тобой сейчас ниже уровня Балтийского моря на тринадцать метров, – поясню я ему. Чудеса. Удод с удивлением крутит головой. И тут Бек Мурад начинает вспоминать потрёпанный учебник географии за пятый класс, какие-то карты, начерченные, наверное, молоком верблюдицы Дюя, привязанной к изгороди (кажется контурные карты), атлас, обёрнутый в газету «Пионерская правда»... Да-да, вот там, где-то на третьей-четвёртой странице и было написано что-то типа: «Самая низкая часть суши – это берег Каспийского моря. Его отметка минус двадцать семь метров».

«А ведь точно, он же прав», – подумал Бек Мурад, и память его пролистала и другие страницы учебника, и других учебников, и лица друзей. Он вспомнил и учителей, и ещё то, что никогда не забудешь.

«Давненько это было», – задумался он. Я не стал возвращать его из этих воспоминаний, тем более что мысли его прокрались в такие сладкие дебри памяти, что он сглотнул слюну и сказать ничего не мог – просто смотрел в сторону солнца.

– Уникально! – подвёл он итоги своим раздумьям.

– Да, конечно. У вас тут всё уникальное, – прервал я его воспоминания, да и вы туркмены – уникальный народ.

Я в Туркмении в служебной командировке. Врастаю в особенности здешнего климата, быта. По долгу службы я, бывало, попадал с шестьдесят седьмой параллели на тридцать девятую. Это ведь мы сами – геодезисты изрисовали всю Землю параллелями и меридианами. Вот и носимся теперь по ней, где только нас нет.

Живу я в самих Каракумах, в западной части пустыни. Взаялся за изучение туркменского языка. Ещё в Ашхабаде на Русском базаре я купил разговорник русско-туркменский. Он помогал мне где-нибудь в чайхане спросить пиалу чая или чала. Звучит почти одинаково. Чал – это напиток из верблюжьего молока. Мои туркменские друзья, Бек Мурад и Амаш, снабжали меня им каждый день в неограниченном количестве. Чал хорошо утоляет жажду и словно умиряет пустынный зной. Частенько ребята привозили ко мне гостей. А один раз гостей приехало очень уж много. К людям в возрасте я с почтением обращался – Яшули. К мальчишке обращался Джигит, хотя правильно Жигим.

Как я потом понял, Бек Мурад хотел показать им русского геодезиста. Он говорил им что-то, показывая на пальцах цифру тринадцать, протирая свою макушку и кивая на меня. Мальчишки бегали, пытаюсь догнать мою собаку, но Бахтымыз ловко дурил их, размахивая своими ушами как бабочка крыльями и почти не выдохся. Яшули в чалмах на головах что-то говорили – я не понимал, а жесты всяк по-своему толкует. Один и тот же жест я переводил по-разному. Вдруг мне показалось: – Какой он умный. И вдруг тот же самый жест я уже перевожу: – Ты, что не видишь – у него же не все дома. Гости были ранее мне не знакомы, после проверки моего туркменского, нескольких пиал чала и бесед о тайнах Вселенной, я уважительным тоном сказал, обращаясь, естественно к старшим. Мне помогла фраза, сказанная Бек Мурадом:

– Яшули, у вас тут всё уникальное, и встретив одобрительные взгляды аксакалов, продолжил:

– Что далеко ходить, у вас тут под боком памятник археологии III века до нашей эры. Там найдены следы человека и есть наскальные рисунки.

Яшули переглянулись, поправили бороды и погрузились в раздумья, словно они могли помнить, что тут было до нашей эры.

– Орудия каменные, добавил я несмело.

Бек Мурад, конечно, сразу вспомнил про тринадцатиметровый столб над своей головой и на всякий случай протёр вспотевшую макушку. Раз уж мне всё равно не верят, я спокойно продолжил свою линию: – Тут недалеко, – и махнул в сторону огромной горы, заглядывающей за один из горизонтов. Гости продолжали общаться по своему, ребятишки всё бегали за собакой, и скоро стало непонятно, кто за кем бегают.

– Сейчас.

Но что они так увидят, и я быстренько установил теодолит на штатив. Грот давно был у меня под прицелом, я знал уже все ориентиры, от которых легко определиться. Словом, через несколько секунд перекрестье сетки нитей зрительной трубы уставилось в тёмную точку на скале.

– Вот.

А сам отступил на пару шагов, дав возможность посмотреть всем. Аксакалы по очереди подходили, смотрели. Ребятишки стояли, раскрыв рты и побросав палки, Бахтымыз что-то в песке упорно искал, упираясь задними лапами и копая передними. Он опять мне кролика напомнил. Аксакалы иногда виртуозно переговаривались по-туркменски, что считалось в присутствии русского гостя не совсем прилично, но ведь знание моего родного языка у всех разное, и мы всё-таки на их Земле. Это вызывало определённое неудобство в компании, но Бек Мурад удивительно деликатно нивелировал эти отклонения, переводя речи ещё до того как я спрашивал, а иногда до того как они были произнесены:

– Говорит, что мы пацанами там бегали.

– Говорит, что плохо видно.

– Говорит, что всё в тумане.

Я подошёл, подправил кремальеру (резкость).

– Говорит, зачем он это крутит, можно ли ему покрутить?

– Говорит, что так всё близко.

– Говорит, что горы.

– Говорит, что....

– А ничего не говорит, – махнул он рукой в сторону Бердышки – своего племяша, а тот сделал вид, что не обиделся.

Я понимал, что все сомневаются в достоверности моих рассказов.

Мальчишки стояли, не смея подойти к прибору. Бахтымыз перестал рыться в песке и, чтобы показать свою преданность, вертелся юлой и тоже, наверно, хотел посмотреть в теодолит, и на задних лапках подскакивал, тоже хотел что-то сказать, но не мог. Возможно, он был когда-то человеком и что-то понимал в нашей беседе, но это было так давно. Тут я схватил и поднял его на руки, поднёс к теодолиту и даже поцеловал от непонятной радости под общий смех моих друзей.

Потом наступило молчание. Вернее, голоса продолжали звучать, но ушли на второй план. Я смотрел в сторону грота и видел в рельефе гор, в складках камня, похожих на морщины старца, печати и оттиски тысячелетий.

Время, само по себе нематериальная величина, обретало видимые образы. Представлялись фигуры людей, идущих из прошлого. Они спускаются с гор и машут нам руками.

Степенный Гюйз Мурад. Задумчивый, молчаливый вдруг заговорил, но сейчас речь его была сбивчива. Он волновался и корил себя за то, что должен рассказывать этому русскому о своём родном, близком и от грота перешёл к горам вообще:

– Когда идёт дождь, здесь такая красота! Ты бы только видел это – дождь льёт и льёт, и смывает с гор всю пыль, грязь. Он моет горы до блеска и стекает с них ручьями, и ничто не устоит на его пути. Он – сила. И видя моё удивление, добавил:

– Кишлаки смывает, мостики под воду ныряют.

– А как же люди?

– Люди уходят.

– Куда?

– Уходят, потом приходят. Как ты бросишь такую красоту? Все возвращаются. Всё восстанавливают. Вот такие здесь дожди!

Я никогда таким не видел Гюйз Мурада и сказал:

– И люди! А часто здесь дожди?

– Да последний раз лет пять-шесть назад был. Красота! Ты бы только видел!

«Совсем недавно», – подумал я, и все благополучно забыли про грот, хотя я добавил тихонько:

– Надо бы туда слазить.

Частенько я глядел в ту сторону, представлял себе наскальные рисунки и даже самого художника. Рисунки мне представлялись настолько чётко, что я брал уголёк саксаула из костра, подходил к листу фанеры бесхозно стоящему у вагончика и воспроизводил их. Уголёк свободно гулял по здоровенному листу фанеры, увлекая за собою мысли и руку. Крошки угля со звоном отскакивали от неровностей фанеры и рассыпались по песку. Трудно было разобрать, что получалось, но лист всё больше походил на «Чёрный квадрат» Малевича. Кроме рисования в свободное время я занимался скульптурой, которую выставлял на обозрение сусликов и тушканчиков. Мои произведения были популярны и вызывали живой интерес обитателей пустыни. В натуральную величину я лепил из глины фигурки сусликов, курков, зайцев, лисиц.

В некоторые фигурки помещал что-нибудь съестное: морковь, петрушку, кусочки капусты. На жарком туркменском солнце они высыхали до прочности камня, и надо было видеть, а я это видел в тридцатикратную трубу теодолита, как суслик расправляется со своим глиняным двойником. В какие-то секунды он распетрушивал его на мелкие частички, хватал сюрприз в зубы и исчезал, весело помахивая хвостом, оставляя только пыльную дорожку за собою.

Суслики похожи на белок. Меня поражает акустика пустыни. Когда я играл на флейте, казалось, что вся эта огромная пустыня слышит и подывает. Птицы чуть на голову не садятся. Из своих норок на звук флейты выбегали зверьки и прислушивались к незнакомому звуку. Наверно в голосе флейты они улавливали интонации друзей и подруг. При этом в своих лапках они все крутили какие-то веточки, похожие на маленькие флейты, покусывали их. Такое впечатление, что они тоже играют, подыгрывают мне. Музыка разливается и течёт по барханам за пятый горизонт.

А саксаул согнулся от жары и стал походить на женщину, стирающую бельё в речке. Ребята и детей привозили, чтобы показать мои творения, Бек Мурад водил экскурсии и рассказывал малышам про обитателей пустыни. Один раз спросил меня:

– Ты что, Бахтымыза вылепил?

– Неужели похож? – возгордился я.

– Нет. Просто кого тут ещё лепить?

Ни с чем не спутаешь клич верблюдов, когда они уходят в пустыню, этот клич звенит на всё небо, будто он созывает всех, кто заблудился ещё

на Шёлковом пути и никак с него не сойдёт. А ведь есть и другие дороги. Дороги к своему дому, к своему времени.

Порода ахалтекинских скакунов постепенно разбавляется кровями арабских скакунов. Моё жилище километров в трех от ипподрома, и я часто вижу всадников на лошадях. И когда они скачут в песчаную бурю, то создаётся впечатление, что они эту бурю и создали, поднимая за собой барханы в самое небо. И тогда видны только головы всадников и лошадей, а ощущение такое словно это люди на крылатых лошадях.

Я рассказывал о первых геодезистах – этих землемерах, мореходах, которые шли, кто по Земле, кто по воде, изучали и измеряли, рисовали и чертили, вычисляли и додумывали. О первых инструментах, ведь как красивы даже названия их. Астролябия, например, дословно переводится «схватить звезду», может отсюда пошло «хватать звёзды с неба»?

– Тут юлдуз, – повторил я по-туркменски, проиллюстрировав это жестом, и ещё раз убедился, насколько язык жестов доходчивее моего туркменского.

– В него я вижу пять горизонтов. Один перекрывает другой. Бугрится бархат барханов.

Скрасить моё одиночество наведывались ко мне разные животные: ежи, змеи, вараны, тушканчики. Приходили и собаки – два огромных алабая, но все ненадолго, и только кокер-спаниель, которого я назвал Бахтымыз – счастье пришло (турк.), прижился, и мы подружились. Похоже, что хозяева его не состояли в обществе любителей животных – вид у него был жалкий. А понравилось мне в нём то, что он пришёл потрёпанный, но не побеждённый. Собаку не жаловали лаской, и потому, видать, ко мне он долго не подходил, хотя угощался с удовольствием тем, что я ему готовил рядышком с вагончиком. Угостится тем, что я ему оставляю, и убегает. Чем-то он мне кролика напоминал. Нет, не длиной своих ушей. Он и хвост поджимал по кроличьи и даже его иноходь походила на бег зайца, которого обгоняют собственные задние ноги. Я только появлялся – он тотчас от своей мисочки удирает. Но быстро исправился, окреп и осмелел. Вспомнил, что он собака, стал даже лаять. А в один из дней подошёл ко мне, сунул морду в мои ладони и задрожал. С тех пор мы друзья.

Время шло однообразно, и вот в одно прекрасное утро к моему жилищу подкатила белая иномарка. За рулём водитель с русским именем – Аркадий. Классный водитель, что выяснилось чуть позднее.

«К чему бы столь ранний визит?» – подумал я.

В этот день я встал раньше обычного, что-то не спалось. Поздоровались. Я водителя зову чайку попить – он отказывается, мол, попил уже, из машины выходить не хочет.

Руль этой иномарочки в руках Аркадия казался просто игрушечным. Машинка была сделана явно не для туркменских богатырей, и я вообще не понял, как Аркадий смог в этой машинке себя разместить. Может, он зашёл в машину, когда был маленький и вырос в ней? Эту догадку подкреплял вид его тубетейки. Ощущение было такое, будто он не снимал её класса с третьего. Выходить он не стал, поправил тубетейку и сказал:

– Поехали.

Для большей убедительности повторил уже по-гагарински:

– Поехали!

– Куда?

Тут и Бек Мурад не выдержал:

– Куда мечтал! – крикнул он, вскинув обе руки вверх, обращаясь,

должно быть, к небу. И тут до меня дошло, что эхо есть. Я его не придумал, потому что его слышали и горы, и кишлаки, а в каменных гнёздах зашевелились птицы. В городах мы про эхо забываем. Его вроде и нет, а здесь вот оно. Гремит: – Поехали!

Я просиял, посмотрел вокруг. Кручи и без того огромные словно вымахали ещё! Подросли что ли?

Бек Мурад и его племян Бердышка сели на заднее сиденье. Я запрыгнул на переднее сидение, которое мне гостеприимно было предоставлено, и машина плавно тронулась с места. Какая красотища эта Туркмения!

Не знаю, почему, но виды Туркмении мне навевали мысли о присутствии инопланетян. Вот и сейчас, когда мы ехали, я подумал: что же они, инопланетяне, сейчас видят, если наблюдают за нами? А видели они малюсенькую машинку размером с муравья, которая пыхтя на подъемах, карабкалась к горам, а за ней бежала собачка, уж та вовсе размером с песчинку. «Зачем, куда?» – думали они и не могли понять нас, людей. Извилистой дорожкой бежала наша иномарочка, плавно огибая низкорослые кустики саксаула, приседая на кочках и поскрипывая. Бахтымиз, поняв, что свою преданность он доказал, остановился в раздумьях, куда бежать, и выбрал обратную дорогу. За разговорами я и не заметил, как мы оказались у подножия притягивающей горы.

Я посмотрел вверх и не узнал места, которое изучил в теодолит. Там-то я поднимался с помощью зрительной трубы в одно мгновение – приподнял трубу и ты в гроте, сейчас грот был высоко-высоко.

– Здесь, – сказал коротко Аркадий. Дай Бог ему здоровья, устроил же для меня праздник. Он остался в машине, а мы начали восхождение, которое было богато украшено рассказами Бек Мурада о разных случаях с человеком в горах. Его страшилки напомнили мне пионерское детство. Там всегда находились рассказчики подобных страшилок, которые были неотъемлемым атрибутом после звучной команды горна «Отбой» и выполняли задачи своеобразных колыбельных, без которых засыпать никто не соглашался. Я слушал эти басни, насвистывая «Синенький скромный платочек». Я старался казаться равнодушным, но похоже, мне это плохо удавалось. По пути мы встретили фиговое деревце. Оно угостило нас сочными плодами и укрыло в тени на коротком привале. С библейских времён идёт молва о доброте этого дерева, за которую оно было наказано Богами. Когда Адам с Евой были изгнаны из рая, им никто не должен был давать ничего. И только дерево дало им первую одежду – свои листья. Вот и страдает за свою доброту. Мы попили воды и поели хлеба с плодами. С меня пот катился градом.

Внизу была тихая жизнь – коровки пасутся, люди на полях работают. Бердышка почти не говорит по-русски, поэтому Бек Мурад то по-русски, то по-туркменски продолжает:

– Фиговое деревце было наказано Богами и не цветёт никогда, у него сразу плоды. В горах и барсы есть, правда они выше. Иногда только спускаются, а вдруг это «иногда» именно сейчас.

Бердышка – парень крепкого телосложения – успевает забегать вперёд, фотографирует нас, ждёт, выслушивает указания Бек Мурада. Кишлак внизу всё меньше. Нелёгко было путь к гроту, к первобытному жилью, но мы пробирались к прошлому человечества.

– Гиены к нам заходят.

Я машинально обернулся, чтобы удостовериться, что за спиной нет гиены.

– Ну шакалы-то само собой, хоть и не так опасны к тому же по одному

они не нападают, а по пять по шесть стая может атаковать, – продолжал Бек Мурад без умолку о съеденных волками, гиенами и анакондами путниках. Зной был такой, что хотелось пригнуться, как это бывает в русской бане, когда плещут на каменку.

– По одному они, правда, редко ходят.

Наблюдая за мной, он иной раз одёргивал меня, видя мою неподготовленность к подобного рода занятиям.

– Прижмись к скале, куда ты свою пятую точку выставил? – закричал он. Мне некогда было считать свои точки и определять, какая из них пятая, шестая, седьмая, но подсознание подсказало мне, и я буквально прилип к скале – не оторвёшь, а он улыбнулся и уже тише продолжал: – Хорошо, хорошо, дальше.

Где шли, где карабкались, цепляясь за выступы скал, от которых отскакивало палящее на всю мощь солнце. Я несколько раз видел внизу тени от орлов. Внизу текла привычная жизнь, а мы были всё выше и выше. Восхищению восхождением не было границ. И вот он – грот! Он дохнул на нас прохладой и принял за своих. Мы шаг за шагом начали спускаться в полную неожиданностей темноту. Путь был то пологий, то крутой. Каждый шаг сопровождался взглядом назад. Удостовериться, что ещё видны признаки света, что выход есть. Там где-то грифы кружат. Может и не грифы, а просто точки кружат.

В гроте Бек Мурад продолжал:

– А совсем недавно из Афгана приползла анаконда длиной пятнадцать метров, так она...

– Дальше я знаю, а какого размера были сапоги? – спросил я.

– Откуда у анаконды сапоги? Ты что, всё знаешь? – но он ни капли не расстроился, а продолжал:

– Если там будет анаконда, и она съест нас с тобой, то внутри у неё будет смесь из чёрного и белого, такая пёстрая колбаса, – сказал он, придавая своему голосу нотки ужаса.

– Ты – белый, а я – чёрный.

Я лишний раз убедился в остроте местного юмора. Тем более в темноте мы все были одинаковые – ни чёрных, ни белых.

Интересно, что в темноте каждый ясно представлял мимику повествующего, и когда тот менял тембр голоса, переходил с шёпота на крик, то уже никто не понимал, кто из нас больше боится.

Ещё раньше Гюйз Мурад рассказывал, что анаконда съела солдата вместе с сапогами, и делал такое ударение на слове «сапоги», словно они были главным в этом рассказе. – Прямо с сапогами! – повторял он, вытаращив глаза.

Бек Мурад продолжал нагнетать и без того нервную обстановку. Я слышал, как колотится сердце, словно это было сердце самого грота. Мне тоже надо было говорить:

– Ана... она анна...конда, короче, – решив объяснить, что это заикание якобы от холода.

Тоннель закончился овальным пространством диаметром метров десять. Только камни и пепел. Анаконды нет. Наскальные рисунки, должно быть, сбежали или попрятались. Меня опечалило их исчезновение, ведь были, подумал я. Холодно и неудобно. Свет от наших фонариков прыгал по оплывшим каменным глыбам, пытаюсь хоть за что-то зацепиться в поисках рисунков, но ничего не находил.

– Даже летучих мышей нет, – расстроился Бек Мурад.

– Тс! – Бек Мурад приложил палец к губам.

И я тоже услышал в абсолютной темноте звук, каким бывает «до» в момент соприкосновения смычка со струной.

Приходит расстройство от падения тайн. Я вспомнил время, когда этот грот был загадкой для меня, и он был только малюсенькой чёрной точкой в теодолите.

Стало грустно, что уже много тысячелетий, как ушли отсюда люди. Я представил себе, как они уходят: мужчины несут утварь, оружие, женщины держат за ручки детишек. На всех одежда, подаренная фиговым деревом. Несмотря на недовольство Богов, дерево продолжает дарить людям и одежду и пищу. Люди смотрят вперёд и сквозь время видят трёх человек в незнакомых одеждах, совершенно на них непохожих. Я смотрю в небо и вижу четырёх грифов и думаю, когда же я заберусь на такую высоту. Они встали в небе четырьмя крестами и охраняли небо своими телами, и перья трепетали на ветру.

В небе парят четыре грифа. Из грота выходит мальчик, в руках у него уголёк. Он смотрит вверх и пытается понять, как это птицы так высоко поднялись и свободно парят. На небе лунный серп.

– Как ты думаешь, кого анаконды больше любят русских или туркменов? – задал он мне вопрос, на который я ответил ухмылкой, смахнув со лба холодный пот.

Ночью в пустыне другая жизнь. Надо остерегаться пауков и других животных. Мне приходилось ночевать в пустыне, и это что-то особенное. Когда лежишь на спине, на клочке кошмы, видишь мириады звёзд, которые постоянно приближаются, но ближе не становятся. Когда я смотрю на туркменское небо, у меня всплывает в памяти один и тот же образ: зимняя снежная ночь, едешь на мотоцикле по таёжной дороге, снежинки в свете фар, похожие на летящие звёзды, и мимо проносятся галактики. Они проносятся мимо и тем быстрее, чем быстрее мчишься ты. Если притормаживаешь на ухабах, звёзды чуток успокаиваются, но потом ещё быстрее летят и исчезают за спиной в дремучей темноте. Пытаешься понять траекторию их полёта, но не можешь уследить за этим полным радости и восторга зрелищем.

– Удачи!

– Удача будет, если помнить заветы предков!

Вылезать из пещеры помогали друг другу – подавали руки. Пахло долгожданным зноем, по которому я уже успел соскучиться.

Покинув чрево грота, мы шли с останковками, не торопясь. Спуск был весёлым тоже. Поблагодарил своих друзей за интересную, волнительную экскурсию.

– Зря Аркадий не пошёл.

Бердышка укладывает что-то в рюкзак.

Грот сблизил нас, а мне пора уезжать. Попрощаться приехали и яшули, и жигимы. Бахтымыз только слонялся, потом сел и смотрел в пустыню.

Бахтымыз всё понял. Ходил, опустив голову, отчего его уши и вовсе волочились по песку. Ему было тяжело прощаться, и он отвернулся, чтобы упростить расставание. Мне тоже было грустно, но мои друзья заверили меня:

– Не волнуйся, не бросим.

Казалось, что Бахтымыз на что-то обиделся – он отвернулся и сидел неподвижно, лишь ветер трепал его пушистые уши.

– Бахтымыз, – позвал я собаку, – Бахтымыз!

– Не слышит. Полные уши песка.

– Бахтымыз! – он не поворачивался. – Бахтымыз, пока.

Я открыл дверь машины, собака не тронулась с места.

– Не бойся за него – не бросим, – успокоил меня Бек Мурад.

Прощаться вышел и Аркадий из-за руля игрушечной машинки. Он протянул мне ладонь, которой бы позавидовал и Геракл. Я всмотрелся в его лицо и почему-то спросил:

– Ты не был знаком с императором?

Аркадий посмотрел на Бек Мурада в надежде на помощь. Что тут ответишь? Я говорил по-туркменски, хоть и не верно, но зато всегда весело.

– Слушай, Бек Мурад, здесь Александр Македонский проходил со своим войском. Тут совсем не далеко.

Бек Мурад снисходительно улыбается моему туркменскому, и у каждого из нас на душе хорошо и спокойно, отчего все мы как по команде сначала улыбаемся до ушей, а потом заходимся смехом, который продолжается в наших объятиях.

ПОЭЗИЯ

Станислав ЮРЧЕНКО

Аэропорт

Закончен долгий день, притих аэропорт,
свидетель чьих-то встреч и дружеских прощаний,
застрял между берез всем надоевший норд,
мерцает млечный путь дорогою над нами.

Мы курим и молчим, нам просто хорошо
от запаха весны и хвойного настоя,
пусть вылет отменён, он все же предрешён,
и нет пути назад, а прочее – пустое.

Вечерняя тоска, ворча, уходит прочь,
считают срок часы так далеко от дома.
Короткие стихи тихонько шепчет ночь,
как будто в первый раз, но всё-таки знакомо.

Где ожидают нас любимые глаза,
и радости побед, и горечь поражений?
Слова обычных фраз не могут рассказать,
что ощущаем мы в предчувствии движенья.

Светлеет горизонт, рассеивая мрак,
а на душе светло и радостно, как в детстве,
наш самолёт заправил полный бак,
и, предвкушая взлёт, подпрыгивает сердце.

Под утро дождь прошёл и дышится легко,
несмелый первый луч вершины зажигает,
и в поволоке даль, но видно далеко,
а это значит, что скоро улетаем.

Возвращение

Всё леса да леса в Зауралья просторах,
жилки синие рек меж сосновых куртин.
Я сюда улетел от бессмысленных споров
под восторженный гул самолётных турбин.

Сердце бьётся в груди перепуганной птицей,
я взволнован нечаянной встречей с тобой.
Город юных надежд, я сумел возвратиться
переполненный радостью, будто домой.

Ветер треплет остатки волос на макушке,
и встречают улыбки знакомых людей,
здесь когда-то считала мне годы кукушка,
и журчал свою песню прозрачный ручей.

В заповедных местах, на заросших тропинках
мы искали с друзьями дороги свои,
а волшебный цветок белоснежной кувшинки
до сих пор от меня свою прелесть таит.

И осенний туман, и сибирская стужа,
город ветреный мой – всё тебе по плечу!
Для меня навсегда ты бесценен и нужен,
и надеюсь, что я для тебя – хоть чуть-чуть.

У последней черты есть суровая проза,
но поэзии подлинной дар не забыть.
Пусть шумят над тобою весенние грозы,
улыбается утро и хочется жить.

Дождь в Тыловском, Сахалин

Закончилось, едва начавшись, лето,
желтеет раньше времени листва,
не дарит ни намёка, ни просвета
погода по причине естества.

Обрывки низких туч летят с востока,
осенний лес от сырости продрог,
гремит весь день вода по водостокам,
текут ручьи в кюветы у дорог.

В проливе шторм: терзают берег волны,
барашки пены катятся из тьмы.
Аэропорт до края переполнен
такими же бродягами, как мы.

Четвёртый день сидим и ждем без дела,
на лицах неподдельная печаль,
последняя надежда улетела
кричащей чайкой в солнечную даль.

Вахтовики в углу играют в карты,
студенты песни грустные поют,
всем не хватает хоть немного фарта,
чтобы вернуться в городской уют.

А там, конечно, суше и теплее,
на клумбах астры поздние цветут.
Нет ничего обидней и глупее
сидеть и ожидать чего-то тут.

Мы не летим к любимым поневоле,
над островом разверзлись небеса.
И плачут самолёты на приколе –
грунтовая раскисла полоса.

Предчувствие

Что-то зреет во мне.
Что-то сердце сжимает в кулак.
Я предчувствием новой строки переполнен до края.
Я берусь за перо, но опять погружаюсь во мрак,
что сгустился вокруг в пустоте и с рассветом не тает.

Я хожу, как слепой, от стены до соседней стены,
сгусток мыслей моих в этот час не подвластен велению.
Ожиданье прозренья сродни ожиданью войны,
там и там – стук в висках и противная слабость в коленях.

Обрывается нить.
И теперь остаётся одно:
наплевать на мечту, окончательно выйти из боя.
Но по воле ветров ветвь рябины стучится в окно,
мне давая понять, что сегодня сдаваться не стоит.

Лопнет с треском пространство и брызнет загадочный свет:
это жизнь возвратилась, простые мгновенья рифмуя.
«Вот такие дела!» – про себя усмехнётся поэт
и за первой строкой непременно напишет вторую.

* * *

Есть прелесть нераскрытых книг,
предощущение находок,
гудков прощальных пароходов,
нерасплетённой тайны миг.

Когда-то мне она поможет
перешагнуть через века,
взлететь внезапно, как во сне,
услышать времени течение.

Я глажу пальцами слегка
обложки глянцевою кожу.

И разглядеть в кромешной тьме
моей судьбы предназначенье.

Павловский парк

Липы к центральному плацу
в линию, словно солдаты,
вписаны в круг аберраций
клумбы, скульптуры и даты.

и тополей серебристых
с разноголосицей трелей
звонких пернатых артистов.

Павел с мальтийскою тростью
в пышной дворцовой огранке.
И пригласительный в гости
к маленькой речке Славянке.

Кажется скучным и мелким
в этом зелёном заслоне,
где вездесущие белки
тащат орехи с ладони,
всё, что осталось снаружи.

Дуб с обезглавленной кроной,
выстояв в битвах и сечах,
выглядит белой вороной,
кавалергардом увечным
между танцующих елей

Лечит хандру и мигрени
вязь белоснежная кружев
лестничных львов и ступеней.
В зеркале водных каскадов
не угадаешь, хоть тресни,

что тебе в принципе надо
в этом намоленном месте,
где шелухой отлетают

страхи, болезни и годы.
Как нам всегда не хватает
счастья, любви и природы.

Аян

В краю, там, где месяцев девять зима
и месяц неяркого лета,
весною грохочут о скалы шторма,
а осень – лилового цвета.

Здесь пихты и ели по склонам стоят,
морских рубежей часовые,
и в бухте скалистой посёлок Аян
хоронит свои кладовые.

Мехам и металлу конвоем придан
с казацкой вольги и доньине.

И Мая впадает не в море, в Алдан,
где моют пески золотые,
что с давней поры и до наших времён
несётся в азарте и пене
меж горных отрогов, всегда устремлён
к сибирской красавице Лене.

Как было здесь здорово, не передать,
работать и девочек гладить,
и главное дело – друзей не предать
и походя жизнь не изгадить.

А тихий Аян молча ловит кунджу
и варит по осени крабов,
пытаясь, как может, осилить нужду
и выжить до лета хотя бы.

ПРОЗА

Александр СТЕШЕНКО КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Утро

Бесстыжий рассвет нагло сдёрнул платье тумана с низинной поймы, скомкал его и бросил на холодную утреннюю воду. Обнажённый речной берег застенчиво затих в томительном ожидании чуда.

Но звенящую тишину разорвал недовольный крик ранней чайки.

Из-под заиленного топляка резко вынырнула щука, долго сидевшая в ночной засаде, и тут же, ухватив зазевавшегося чебака поперёк туловища, замерла. Через пару минут она повернёт жертву головой к себе и начнёт неторопливую трапезу.

Несколько шустрых окуней в зелёных «тельняшках» с чёрными полосами проплыло мимо, не обращая никакого внимания на щуку-бревно – у этой «братвы» своя хулиганская охота. Сейчас они найдут стаю мальков и будут глушить их своими хвостами. А уже потом, изрядно «контуженных», жадно заглатывать.

Две серые цапли застыли неподвижными идолами на небольшой песчаной отмели, карауля мелкую рыбёшку. Вдруг одна из них совершила молниеносное движение длинной шеей, и крепкий клюв, окантованный острыми зубцами, надёжно зафиксировал долгожданную добычу. Тут же подбросив её вверх, опытная охотница ловким движением отправила серебристый деликатес внутрь своего желудка. Её напарница только чуть вздрогнула, завистливо отреагировав на удачную попытку партнёрши.

Огромный сохатый выглянул из-за кустов прибрежного тальника и настороженно взглянул на тёмную речную воду. Быстрое течение в фарватере озадачило матёрого самца. Покрутив огромными ушами-локаторами, он возмущённо потряс массивной головой, отчего его горловая «серьга» всколыхнулась. Постояв в недолгих раздумьях, лось недовольно фыркнул, оттопырив верхнюю губу, и исчез в густых зарослях.

Наконец-то рассвет добрался до тальниковой лохматости речного берега, прикрывающей вход во внутреннее озеро. Острым лучом солнца он неудержимо проник сквозь разрыв прибрежных кустов в глубину озерной протоки. И яркое огненное светило радостно выскочило из-за своего ночного укрытия.

Чудо утра свершилось!

Неожиданный порыв случайного ветра удовлетворённо выдохнул – оуух...

Переселение душ

Раннее утро.

Огненное светило, прячась за верхушками деревьев, готовилось к решающей атаке на ночную тьму. Вот оно переместилось чуть выше, и его острые лучи россыпью огненных стрел безжалостно пронзили ослабевшую оборону ночи. Рваные клочья сумрака, убегая от разящей атаки, трусливо прятались в глубине леса.

Ещё мгновение – и солнце взмыло ввысь, торжественно водрузив знамя победы над окружающим лесом.

Я сидел в укрытии, в тени куста у небольшого лесного озера, и наблюдал за пробуждением природы. За рождением нового дня. Вдыхая бодрящую свежесть утреннего воздуха, крепко заваренного ароматами трав.

Красногрудые зарянки выводили вечную мелодию любви. Первые проснувшиеся бабочки суетливо порхали около распустившихся бутонов, спеша полакомиться свежим нектаром. От большой коричневой кучи хвойных иголок нескончаемым потоком потекли рыжие ручейки. Это муравьи торопились на работу по уборке лесной территории.

Прямо передо мной из толщи озёрной воды по качающемуся стеблю камыша выползла буро-зелёная наяда – личинка стрекозы. Она на мгновение остановилась, осваиваясь в новой для неё обстановке. Затем с медленным достоинством продолжила свой путь по влажной от росы камышинке. Выбрав удобное место, обильно прогреваемое солнцем, она затихла, неподвижно застыв на травяном стебле.

Лёгкий утренний ветерок развеивал камышовые локоны лесного озера. Дневные жители местной акватории уже давно приступили к своим повседневным делам. А наяда продолжала неподвижно висеть на колышавшейся опоре, обсыхая и греясь в тёплом потоке солнечных лучей.

И вдруг в верхней части спины каракатицы появилась трещина, и начались какие-то шевеления. Несколько секунд – и в трещину просунулась «глазастая» голова. Фасеточные зрачки нарождающейся стрекозы были заметно крупнее, чем у её личинки. Будто взглянув на красоту окружающего мира, они расширились от удивления и восторга.

Продолжая активно помогать себе челюстями, стрекоза выбиралась наружу. Вот уже появились тоненькие, ещё неокрепшие лапки. Ещё немного – и туловище наполовину освободилось от тесного кокона.

Через некоторое время молодая стрекоза полностью покинула прорванную оболочку. Её брюшко, подобно гармошке со сжатыми мехами, стало медленно растягиваться. Будто невидимый баянист вступал в игру, выводя мелодию, воспевающую рождение новой жизни.

Первоначально скомканные в «мокрую тряпку» морщинистые зачатки крыльев стали расправляться. Прошло достаточно времени, прежде чем из них сформировалось две пары прозрачных удлинённых пластинок с густой сетью многочисленных жилок, наполненных жизненной праной. Я продолжал спокойно наблюдать за чудесными метаморфозами – спешить мне всё равно было некуда.

Молодая стрекоза отползла от старой оболочки и, ухватившись лапками за камышинку, начала карабкаться вверх. Её качало на ещё слабых ножках, но она упорно продолжала восхождение.

Взобравшись на верхнюю часть камышового листа, стрекоза удобно расположилась на нём. Некоторое время она нежилась в теплых лучах яркого солнца, после чего интенсивно затрепетала крыльями, разогревая свои подъёмные механизмы. Затем, оторвавшись от зелёного стебля, на мгновение зависла в воздухе. И, почувствовав неограниченность свободы, её душа легко устремилась ввысь. Навстречу новому дню. И новой жизни.

Брошенное морщинистое тело осталось болтаться ненужной капсулой на зелёном камышовом листе. Душа, покинув старую телесную оболочку наяды, вселилась в новое тело молодой стрекозы.

И это превращение совершилось прямо на моих глазах!

Вот вам и переселение душ! Истинное переселение.

А ведь когда-то я полностью отрицал саму возможность этого. Посмеивался над верованиями индуистов. Совершенно не верил в мистику. На семинарах кафедры в университете аргументированно опровергал невозможность подобного процесса, подводя под свои доказательства строгую научную концепцию.

А теперь?

Теперь я верю. Убедился в этом. Проникся чувством и ощущениями. Полностью проникся.

Потому что теперь...

Потому что теперь я – серая пупырчатая жаба, мирно наблюдающая из своего укрытия под кустом за тем, что происходит рядом. На опушке у небольшого лесного озера.

Свободный полёт

Пожилой мужчина с тросточкой, прихрамывая на правую ногу, прогуливался по весеннему парку. Его часто можно было видеть здесь. Вот и сейчас он неспешно «отмерял» парковые метры, радостно встречая окружающий мир с открытым добрым лицом, на что указывали лукавые морщинки в уголках его смеющихся умных глаз.

По всему следовало, что мужчина был одинок. Никто и никогда его не сопровождал...

Дойдя до середины центральной аллеи, мужчина сел на свежеевыкрашенную голубую скамейку, натужно откашлялся и вытянул вперёд правую ногу. Отставив тёмно-коричневую трость с набалдашником в форме льва, он стал интенсивно массировать больное колено. Затем блаженно откинулся на наклонную спинку лавочки и посмотрел вверх – на скомканные ватные хлопья белёсых облаков, которыми чья-то невидимая рука протирала купол высокого весеннего неба.

Мужчина закрыл глаза и погрузился в свои мысли, чему-то улыбаясь. Возможно, он радовался теплу и солнцу. Весенней сказке, плавно переходящей в яркое лето и ещё одному очередному маю, пришедшему в его одинокую жизнь.

Солнечные зайчики играли в пятнашки на его лице. Легкий майский ветер нежно причёсывал седые волосы. Детские голоса рассекали пространство парка, конкурируя с многоголосием птичьего оркестра. И жизнь продолжалась в окружении этого волшебного чуда.

А душа, задыхаясь от восторга и восхищения, рвалась в полёт.

Она, как и в прежние далёкие годы, была легка на подъём, но уставшее тело сдерживало её неудержимый порыв. Ведь стареет только тело, а душа остаётся молодой.

Но почему бы ей на самом деле не полетать? Немножко. Хоть самую малость. Хоть крохотное, неосоздаемое мгновение. Да, конечно же, надо полетать! Обязательно надо!

«Пусть уставшее тело пока отдохнёт на голубой скамейке. А я летаю... где-нибудь рядом... вместе с ветром и птицами», – подумала душа.

Очередное дуновение весеннего ветерка только раззадорило её. И она, ухватившись за невесомые струи восходящего потока, устремилась... в свободный полёт.

И вот она уже скользит по молодым зелёным листочкам ближайшей берёзы, наблюдая за жизнью местных обитателей. Какой-то большой тёмно-коричневый жук с мохнатыми лапками карабкается по её стволу. Вот прыгнул на ветку воробей, и радостно прочирикав какую-то птичью новость, тут же исчез в берёзовой кроне. Вдогонку за ним пронеслась озорная ватага таких же пернатых, безуспешно пытавшихся перекричать друг друга.

Накачавшись вдоволь на берёзовых листочках, душа, напевая звонкую песенную мелодию, полетела вдоль зелёной аллеи в сторону паркового озера. Здесь молодые мамы гуляли с детьми, некоторые малыши сладко спали

в открытых колясках. Седая морщинистая старушка отламывала кусочки хлеба и бросала их в воду плавающим рядом с берегом уткам. На середине озера пара лебедей кружила хоровод любви. Мальчишки кидали в воду камешки, на спор – у кого будет больше отскоков.

Душа так увлеклась, утонув в потоке эмоций, что не заметила, как беспощадное время съело минуту. Потом другую. ...Прошёл час ...Ещё...

Вечерело.

Дневное светило, сваливаясь от усталости за горизонт, уже с трудом цеплялось за верхушки деревьев. Его отражение ярко-оранжевым «масляным пятном» растеклось по водной глади.

Становилось прохладнее.

Люди покидали парк.

* * *

День завершился.

Надвигающиеся сумерки проглотили солнечный блин, густо обмакнув его в «сахарный сироп» паркового пруда. «Пора возвращаться», – подумала душа. Она легко проскользнула между кронами засыпающих деревьев. Вот и знакомая голубая скамейка. Кажется, здесь.

Лавочка была пуста...

Лишь у её правого края одиноко стояла знакомая тёмно-коричневая трость.

Душа резко метнулась вдоль парковой аллеи, тревожно осматривая каждую скамейку.

Пожилого мужчины не было...

Нигде.

Вязкие сгустки тьмы лениво растеклись по осиротевшему парку. И холодная ночь накрыла пространство плотным чёрным покрывалом...

Падал жёлтый лист

Падал жёлтый лист.

Он падал и думал: как же коротко лето, как быстро оно закончилось, неожиданно налетели колючие ветра холодной дождливой осени, как мгновенно падение и скоротечна жизнь.

Падал жёлтый лист.

Его не съели прожорливые гусеницы, не иссушил жестокий июньский зной, не оторвал ураганный ветер разбушевавшейся в середине лета стихии.

Его миновал страшный лесной пожар – огонь остановили свежесрытый ров и тёплый июльский ливень. А лесорубы не тронули дерево, оставив материнское растение на краю вырубki.

И все жизненные неурядицы обошли его стороной.

Падал жёлтый лист.

Наверное, он был баловнем судьбы. Проклюнувшись из клейкой бурой почки в светлый день тёплого мая, он удивлённо взглянул на окружающий мир. А вокруг среди реликтовых сосен и вековых кедров просыпался лиственный подлесок и кипело буйными насыщенными красками безграничное пространство таёжного леса. Ярко-оранжевые жарки, жёлтые первоцветы, красно-розовые и фиолетовые лёгочницы-медуницы обильно декорировали зелёное полотно одиноких полянок. Важные напыщенные глухари деловито осматривали прошлогодние брусничники. А жёлтощёкий уж лениво лежал на солнцепёке, разогревая кровь, остывшую за долгую сибирскую зиму.

Осмотревшись и осознав радость бытия и молодости, лист оптимистично развернул свои плечи, затёкшие от скрюченной спячки в почечной капсуле, и пошёл в неудержимый рост навстречу новому дню, теплу и солнцу мощным нарастающим крещендо.

Падал жёлтый лист.

Он рос на самой верхушке высокого дерева здоровым и сильным. Его ласкало и нежило доброе солнце, вливая жизненную энергию Космоса в каждую клеточку юного организма, раскрашивая богатой зеленью хлорофилла и превращая лист из слабого бледно-зелёного младенца в уверенного крепыша.

Бесспорно, он был красавцем и выгодно выделялся среди подобных ему – с ровным выверенным силуэтом и классическими формами, яркий представитель своей породы.

Падал жёлтый лист.

Налетевший порыв ветра чуть-чуть приподнял его и вселил надежду. На мгновение ему показалось, что сейчас он вернётся на прежнюю высоту, в прежнюю жизнь., тёплое и беззаботное лето, окажется на привычном и любимом месте – на самой верхушке большого раскидистого дерева, где неиссякаемый солнечный океан омывал его ласковыми водами, разбрызгивая живительные флюиды тепла и счастья, где был бесконечный праздник, молодые и весёлые листочки шелестели дружным хором под аккомпанемент радостного ветерка, напевая жизнеутверждающий гимн: всё, что зелено и молодо и растёт изо дня в день – неудержимо.

Но в прошлое не возвращаются. Никогда.

И ветер не вернул его в прежнюю жизнь, а лишь на мгновение приподнял ввысь, сыграв короткий ностальгический этюд воспоминаний и возбудив несбыточные мечтания. Но земное притяжение вернуло в реальность.

И падение продолжилось вновь.

Падал жёлтый лист.

А ведь когда-то он был высоко, не где-то там, на нижних ветвях и даже не в середине густой раскидистой кроны, а на самом верху огромного мощного дерева, где было больше всего тепла и света и откуда было всё видно. Он гордо смотрел вокруг и снисходительно вниз.

Падал жёлтый лист.

И чем выше когда-то находился, тем больше падение. Но боль возникает не от удара о землю. Она появляется в глубине тебя. Ещё до столкновения с земной поверхностью, от осознания того, что ты обязательно упадёшь, понимания неотвратимости этого, тупой опустошающей беспомощности. И эта невыносимая внутренняя боль намного сильнее приближающейся физической.

И чем дольше ты падаешь, тем больше находишься в состоянии раздумий и размышлений. А изнуряющая, выматывающая, непреходящая, гнетущая хроническая боль убивает твою волю.

Медленное кружение в хороводе листопада с неизбежностью завершения этого осеннего танца только усугубляет тяжёлое состояние.

Падал жёлтый лист.

Он оторвался от родительского растения и покинул место своего обитания одним из последних. Не в конце лета, при первых ночных заморозках. И даже не в начале осени, когда начались холодные затяжные дожди. Он переждал первые атаки наступающих холодов и успел порадовать своей нарядной ярко-жёлтой окраской таёжные просторы в короткие тёплые дни бабьего лета. Он стойко выдержал непрерывные разрывные удары шквальных ветров

поздней осени и настойчивые притязания мокрого липкого снега, обильно разбавленного дождевой влагой.

Друзья-листья давно его покинули, даже очень близкие, которые когда-то были рядом, на соседних ветвях, оставив одного, не выдержав тяжёлых испытаний. А он упрямо сопротивлялся в гордом одиночестве и не рассчитывал на чью-либо помощь.

Но вдруг как-то сразу постарел в одночасье, превратившись в жалкое сморщенное подобие гербарного экспоната. Слабых старческих сил оказалось недостаточно, чтобы сохранять прежнюю позицию. Оторвавшись от верхушки дерева, он покинул родное место и ушёл в последнее несвободное падение.

Пал жёлтый лист.

И вот он упал и теперь лежал в грязной мутной луже среди разных листьев и листочков причудливых форм и очертаний, различных размеров, некогда таких же сильных, как и он когда-то, слабых, еле обозначивших своё существование в этом мире, жёлтых, бледно-жёлтых и ярко-жёлтых, разных оттенков и с изъятиями, бурых и даже красных. Былые заслуги здесь не учитывались. Пространство лужи было распределено между ними случайным образом.

Жёлтый лист ещё видел кусочек светлого голубого неба, неуверенно пробивающегося через тёмные дождевые облака, но уже слышал чьи-то приближающиеся шаги, хлюпающие по прокисшим осенним лужам.

Вот и всё.

Ботинок случайного прохожего смачно втоптал его в мутную грязь.

Толстая рифлёная подошва уничтожила индивидуальность.

И земля уравнила всех.

ПОЭЗИЯ

Николай ВТОРУШИН

Благость весны

И солнце сияет, и дали в тумане,
И воздух струится слегка.
И вьётся дымок из растопленной бани,
И радостью льют облака.

Растаял весь снег, что по берегу речки
Лежал здесь всю зиму ковром.
Работает трактор, пуская колечки,
Дымит непрогретым движком.

И небо какой-то особенной сини,
И гуси на север летят,
И есть что-то вечное в чёткости линий,
И вечное что-то кричат.

На дальней берёзе хлопочут сороки –
Гнездиться настала пора.
И правит сосед свой забор кособокий,
И слышится стук топора.

Весеннее небо и дали в тумане,
И рвётся на волю душа...
И этот дымок из растопленной бани...
И благость мне в сердце вошла.

Звёздная вечность

Обозначилась звёздами вечность,
Мы частица вселенской души,
И галактики путь в бесконечность,
И Господь свою волю вершит.

Может быть, мы совсем одиноки
В необъятных просторах времён.
Лишь у нас небосвод синеокий,
И под Божьей защитой живём.

Только мы не всегда замечаем
Благодати цветов луговых,

И ошибок друзьям не прощаем,
И туманов не видим седых.

На любовь вам ответят любовью,
Звёзды надо почаще считать,
И делиться и хлебом и солью,
И рассветную даль целовать.

И тогда будет жизни дорога
Обозначена смыслом любви,
И душевная будет свобода –
Бесконечная радость в груди.

Околица в дымке печали

Вся околица в дымке печали.
На полях зеленеет осот...
Здесь луга моё детство качали
И ласкал голубой небосвод.

Здесь когда-то стояла деревня,
Небогатых четыре двора.
Умывались росой деревья
Да купалась в реке детвора.

Здесь блаженством сияли закаты
В торжестве неземной тишины.
Можно было на речке когда-то
Отраженье потрогать луны.

А туманы плескались, как море,
Так бывает, пожалуй, в раю...
И об этом на радость иль горе
Я теперь, вспоминая, пою.

Про околицу в дымке печали,
Где в полях зеленеет осот...
Про луга, что мне детство качали,
И про тот голубой небосвод.

Никуда не полечу

Не бывал я в Гватемале,
Мне и дома жить легко –
Ночью сплю на сеновале,
Пью утрами молоко.

Днём пашу, как папа Карло –
То посев, то сенокос...
Не поеду в Монте-Карло –
Я корнями здесь прирос.

На лугах медовый запах
И цветочный карнавал...
Ночь придёт на мягких лапах
И ко мне на сеновал.

А ещё в сенную благодать
Я подругу приведу.
Нацелуемся мы в сладость,
Ночь как в сказке проведу.

Только утро заалеет,
Встану бодрый, полный сил.
Словно ангел – вестник неба
На руках меня носил.

Что мне делать в Гватемале?
В Монте-Карло не хочу,
Лучше ночь на сеновале...
Никуда не полечу!

Маргарита ЧЕКУНОВА

* * *

А поедем в Ялуторовск?
Можно на тройке.
Пусть фигуры в метели танцуют глиссад.
Пусть вдали силуэты советской постройки
бесшабашно напомнят старинный фасад.

Я умею быть самой простой единицей
в этом веке,
но им не исчерпано дно.
Хочешь, ты говори, что душе твоей снится,
и не вздумай сказать мне, что это смешно!

Здесь для всех вольнодумцев и всех звездочетов
есть почетная ниша и маленький кров.
Мне осталось пропасть для мещанских расчетов
в мире бешеных скачек,
полей и костров.

Старый дом декабристов, предмет наших дум. Два
этих дома. Мой город, ты помнишь их след.
Это в прошлом,
но в нынешнем жертвы, безумства,
дружбы, верности, чести ты думаешь, нет?

Ты приходишь мне детским разыгранным скерцо,
в мои сны ты врываешься из темноты.
Своим сердцем хочу говорить с твоим сердцем.
И так будет навеки,
пока будешь ты.

Я хочу объясниться, найдя человека
вдалеке от безумных изломанных трасс,
где наш дом и реалии прошлого века
защитят, и простят,
и не выдадут нас.

Околица в дымке печали

«Когда ты молод, ты дела верши,
все будут славно, pourquoi pas!»
Жизнь отгаскает тебя за уши
и вырвет семь пятей из лба,
оставив две нечётких линии,
похожих издали на крест.
Из комнат, где каштан и лилии,
шагнешь в прокуренный подъезд.

И ты поймёшь, что в этом проклятом,
ничем не высветленном дне

ты жил неясным иероглифом,
узлом, повязанным извне
в той городской наивной пропасти,
где все так прямо, без узлов.
Пастух чужих идей, ты выпасти
не смог своих несчастных слов.
И ты поймёшь, что ты не прощенный
ещё с пелёнок, с первых дней,
когда упал своей взъерошенной
смешной головкой на пол, вне
реальности своих гонителей,
так пожелавших наказать,
Оказываясь. Победителей
не судят. И твои глаза
сулили гений, толпы тешаций,
не разглядели одного:
ты просто ноль, дурак, посмешище,
и ты не понял ничего,
твой компас стать путеводителем
не смог, а только сбил с пути.
Молчи. Твой голос отвратителен,
и ни к кому не походи.

Попробуй, разомкни, сорви его
и закричи, и этот крик
впервые будет убедителен,
как хрип, с которым жил старик,
как крик израненного коршуна,
которого задрал другой.
Ты возомнил, что свет в окошке, но
все понял и махнул рукой.
«Ты победишь», – сказали зрители.
Они смеялись над тобой.
А вечер пил вино из примеси,
как сон, небесно-голубой,
И ты узнал, как распинается
луч в небе, как молчит толпа.

Ты жив, все только начинается.
Все будет славно, pourquoi pas.

Реминисценция

Здесь, как ни думай, всё предрешено.
Вот комната за аппаратной следом,
где снимут в жанре скучного кино,
какое и не снилось нашим дедам.

Что будет дальше? Будет фестиваль,
где сотни вер смешаются. Их миксер,
всё размолов, начнёт торжествовать,
светясь из камер в сотни мегапикселей.

Ну а потом маршрутка, и лететь,
смотреть в пути, как бьют младенца руки
той женщины,
что родила детей
как минимум от похоти или от скуки.

Мне всё равно, кто первый, кто второй.
Мне всё равно, поскольку я не с ними.
Со мной есть самый пламенный пароль,
которым не поделишься с другими.

В разгар ночи, и в этот симбиоз,
В апофеоз горячки и плодячки,
Фонарик мой, мой призрак, мой пегас,
Спаси меня от мёртвой спячки.

И я не знаю, кто ты и откуда,
Мой ангел на плече в маршрутке в горький час.
Но если здесь давно не верят в чудо,
Вполне возможно, чудо верит в нас.

Беглянка из времени Y

Я молча смотрю. Мигают часы на стенах.
Сто мыслей, несвоевременных, несовременных:

как падала в снег, разбивая о лёд колени,
как слышала в смехе симфонии поколений,
как видела раздвоение, растроенье
двуногих упрямцев, не верящих в исчезновение
своих идеалов, и вынужденных скрываться,
как мир повернулся спиной, а тебе – только двадцать,
как знала, что тон – не зависит от камертона,
а любить платонически – выше идей Платона,
как писала слова молитвы на льду нечётко,
и кричала толпе, как может кричать девчонка:
«пускай дан орлу полёт, а пингвину – ласты,
последний – взлетит!» – и меня не любили схоласты.

По-прежнему верю в то, что однажды приснилось,
пусть небо за тысячелетье не изменилось,

и мой инструмент – это резкий смычок Минервы,
и век восемнадцатый – лучше, чем двадцать первый,
и в тонкой одежде абсурда и грёз пришедших
я лучший друг всех истинно сумасшедших.

Пусть пух откровений не крепче бетонной фальши,
мне хочется верить, что всё повторится дальше.

ПРОЗА

Ирина АНДРЕЕВА

**Всё возвращается на круги своя
(времена года)**

Зима

Декабрь. Озорные снеговики

Снега в декабре выпало больше сезонной нормы. Наступили морозы – всё как положено в Сибири в эту пору.

И вот на дворе самый канун Нового года. Наряжены ёлки в доме и на сугробе под окном. Закуплены подарки, бенгальские огни, свечи, мандарины и шампанское к столу. Написано письмо Деду Морозу (от имени внука). И вдруг оттепель! Да такая сильная, что осели, огрузли от влаги снега. Ша-лишь, природа!

Гуляем с внуком. Дышится легко, воздух пахнет весной. Это настраивает на какой-то весёлый лирический лад. Решаю слепить внуку необычных снеговиков – задорных, отчаянных. Пусть это будут снеговики-спортсмены. Снег скатывается легко. Накручиваю заготовки для голов и туловища, поднимаю их на сугроб рядом с ёлкой. Первый свесил с сугроба ноги, как с горки. Второй стоит на голове ногами кверху. Нахожу нужные детали: старую кепку, непарные перчатки и носки, сучки для рук и ног. Морковь для носа нашлась одна. Это не беда. Тому, который стоит на голове, нос формирую из снега. Обоим вставляю глаза-угли, первому надеваю на руки-сучки перчатки, второму носки на ноги-сучья. Последний штрих: давлю ягоды рябины, выступившим соком рисую рты. Ай да снеговики получились! Весёлые озорные ребята! Внук теперь любителю ими прямо из окна.

Январь. Гало

Близятся Крещенские морозы. Студёно с утра. Солнце на небосвод выкатывается яркое – день будет ясный. Примета верная, день простоял ослепительно солнечный. Эта яркость вызывает в природе атмосферное оптическое явление – эффект гало – свечение, ореол вокруг солнца. За редким исключением сегодня свечение состоит из полного спектра цветов, как при радуге. Значит, в воздухе высокая влажность – насыщенность ледяными кристаллами, сквозь которые проходят солнечные лучи. Их преломление и вызывает это чудесное явление. Кажется, что на небе сразу два светила. Жди перемены погоды: приближение снежного бурана или ещё более сильных морозов.

На гало невозможно долго смотреть незащищённым глазом, оно буквально слепит. Однако зрелище столь завораживающее, что опять и опять притягивает взгляд. По привычке обхожу свои «владения», разглядываю всё, что встречается на пути. Вот небольшое, приземистое деревце облепихи, оно всё в куржаке – кристаллах изморози. Если смотреть через его крону на гало, над облепихой тоже появляется ореол – красноватая радуга с горбинкой посередине. Может, это снегири уронили алое оперение, украсив плодовитое деревце?

Зимний день короток. Солнце идёт на закат, окрашивая небосвод сиреневым, а горизонт коралловым цветом. Завтра будет новый день. Что он принесёт?

Февраль. «Буря мглою небо кроет...»

Завьюжило, забуранило с раннего утра. В саду жалобно поскрипывает беседка-качели. Как птица, пойманная в силки, беспомощно бьётся, хлопает крыльями полога летняя веранда. В некоторых местах ветер до земли выдирает снег. Хорошо, что ещё с осени я устроила снегозадержание: где бросила пустой ящик, где укрыла многолетники сухой мякиной. На образовавшихся бугорках снег мало-помалу задерживается, образует наносы и надёжный покров.

В такой ненастный день не хочется выходить из дому. Но дела не ждут. Иду навстречу ветру боком, стараясь смягчить напор снеговых вихрей. Ветер рвёт полы одеяния, норовит забраться под одежду, бросается пригоршнями колючего сухого снега. Из глаз непроизвольно катятся слезинки. Не в такой ли день русский классик написал незабываемые строки: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...»? Классика на века!

После такой зябкой прогулки особенно ценишь домашнее тепло и уют. Горячий чай с золотистым мёдом, впитавшим лето.

Весна

Март. Домик для скворцов

Чуть закапала с крыши капель в середине марта – и нас, крестьянских детей, потянуло к земле – к огородничеству. Как-то на досуге в один из последних дней марта заехали с мужем и дочерью в садоводческий магазин на окраине города. Заходим, и уже в «предбаннике» вижу милые вещички: мешки с крупным опилом, сосновые спилы, плетёную мебель для веранд и садовых террас, кормушки для птиц и скворечники разных фасонов – дуплянки и сколоченные из досок домики.

Обращаюсь к мужу:

– Давай выберем скворечник!

Выбрали самый красивый. Он сделан из разных сортов дерева. Мастер изготавливал его явно с творческим подходом.

И вот мы уже мчимся домой. Я счастлива – давно мечтала о скворечнике. Раньше ведь на каждом крестьянском подворье было не по одному домику для птиц. А как же мы, дети, ждали прилёта скворцов! Помню весенние школьные каникулы. Первые проталины, весёлые ручейки. Искристые морозные утренники, хрупкий ледок на лужах. Первые скворцы, первое апреля – день розыгрышей и первый день новой четверти.

Скворечник установлен на длинном прочном шесте. К задней его стенке муж прибил веточку. Остаётся дождаться скворцов.

– Тить-тинь, – с каждым днём всё веселее поёт, вызванивает синичка.

– Кап-кап, – всё смелее капель.

Ночные сосульки переливаются радугой, истончаются к исходу дня. Стою у водосточной трубы дома, слушаю весеннюю капель. А она всё бойчее – кап-кап-кап, – барабанят наперебой капельки. И вдруг до моего уха доносится какой-то нежный, едва уловимый серебряный звук – склян-склян. Пытаюсь выяснить, откуда он. А это капель пробила себе дорожку в сугробе и где-то там под ним журчит весёлым ручейком, подтачивает снежный покров изнутри. Невидимые ручейки сочатся, множатся, пробивают дорогу, сливаются в один более мощный поток, образуют под снегом лужи. Лу-жа. Слышите, как плещется, журчит в этом слове вода? Этот звук будит в душе светлое чувство возрождения, которое случается весной. Радуют даже первые изумрудно-зелёные мухи на припёке. Едва перекатываются, расправляют слюдянистые крылышки – з-зум-зум. Бабочки-крапивницы раскрывают

крылышки на прогретой солнцем стене дома, надолго замирают так, греются, набираются сил.

Март на исходе.

Апрель. А скворец-то не глупец!

– Вы видели, скворцы прилетели? – радуюсь в один из апрельских дней, спрашиваю домохозяев утром за завтраком.

День-два спустя слышу скворчиный гомон, а потом и первую трель. Выглядываю в окно. Ну так и есть: на веточке, прикрепленной к птичьему домику, сидит скворец и выделывает коленца, взмахивая в такт песне крылышками. Клюв полуоткрыт, иссиня-чёрное оперение переливается в лучах восходящего солнца. На пёстрой шейке так и трепещут пёрышки, а в горлышке будто хрустальные ручейки журчат. Я радуюсь: вот и новосёлы!

Ан нет! Это лишь разведчик – самец. Обследовал жильё, подзывает самочку: можно вить гнездо – домик свободен. В природе ведь всё так мудро устроено. Животные, птицы, рыбы и насекомые всё знают, только не могут сказать. Они живут по непреложным законам матушки природы. А мы, люди, сказать можем, но знаем далеко не всё, но везде суём нос и лезем со своим уставом.

Под крышей дома засуетились вездесущие воробьи:

– Жив ли, сосед?

– Жив-жив!

– И я жив! Жив!

– Фью-иль, фью, фью, фью. Фью-илль! – это маленькая птичка на кусте ирги с набухающими белёсыми почками. Летом их множество, эти птички поют, чуть только окрасится горизонт перед восходом солнца. И грудки у них алые, как заря. Должно быть, их называют зарянками.

– Так-так-так, фюль-фюль-фюль, – вот ещё какая-то птаха заводит свою партию.

– Трри-три-три-три, – словно ведёт счёт другая.

Наш скворец затихает на мгновение. Прислушивается, нельзя ли мотивчик перенять, запомнить. И вдруг, резко сорвавшись, улетает прочь.

Однако дня через два наблюдаю уже парочку. Один забирается в домик. Полагаю, что самочка. Другой – самец – спрыгивает с ветки на порожек перед лазом, заглядывает внутрь, протяжно свистит:

– Фью-ю-ю! – в переводе на человеческий язык, должно быть: – Ну как тебе?

С этого дня началась работа. Сухая травка, кусочки пакли, клочки бумаги – всё идет в дело. Гнездо они устраивают сообща. Когда оно готово, самочка занята кладкой: нанесёт яиц, разложит их поудобнее и сядет выпаривать. Он её и вкусным червячком угостит, и песенку споёт, и с готовностью подменит на гнезде, когда ей захочется покормиться, водицы испить, крылышки размять. Самцы птиц, имеющие одинаковое оперение с самочками, на равных заботятся о потомстве, в том числе высиживают птенцов. Примеров этому много: лебеди, аисты, журавли, чибисы, страусы, пингвины. Скворец в этих рядах.

Впрочем, весной всякая живность озабочена: успеть вывести за летний сезон новое потомство. Вот незадачливый воробей нашёл где-то кусочек минваты (стекловолокна) вдвое больше себя, старательно тянет его в гнездо. Ох и почешутся твои детки от такого утеплителя, когда вылупятся из яиц!

– Фьюить! – это опять скворец на порожке ранним утром. Должно быть, спрашивает у подруги: «Сидишь, Феня?» Она ему оттуда: «Фьюю! Сижу, Веня!»

И защёлкал и засвистал он в самозабвении на разные голоса с новой силой – это гимн восходящему солнцу и будущему потомству!

Днём его песня будет иной. Скворец – птица-пересмешник. Захочет, покошачьи замяукает, изловчится – конём заржёт, уточкой закрякает. А наш, должно быть, немного хвастается: «Вот какой я коттедж нашел, и подружка довольна!»

Живите, скворушки, птицы моего счастливого беззаботного детства! Живите, зарянки, овсянки, малиновки, зяблики! Каким бы безликим стал наш сад и планета Земля без вас!

Май. Первоцветы. Бронзовые птицы

Май – пора огородничества. По народной пословице, как потопаешь, так и полопаешь. Правда, бывает он в сибирских краях капризным. То солнышком припечёт, заветрит, зажарит лица и руки докрасна, то потянет студёным северным ветром. Того и гляди, снегу натянет, морозных утренников.

По обочинам дорог подняли головки цветки мать-и-мачехи, в садах вездесущий одуванчик раскинул розетки листьев. Пробились садовые первоцветы – мускари, крокусы, пролески. От земли два вершка, но какая в них сила: в серединке уже завязь цветка. Когда распустятся, лепестки их на ощупь тонкие, как шёлк, но ведь не замерзают! Какая в них заложена воля к жизни! На фоне чёрной, ещё холодной земли выглядят они райскими бабочками. Цветы радости, жизнелюбия и жизнеутверждения. Первоцветы пахнут мёдом. А вот и первые шмели проснулись. Тяжёл их полет. Кружатся они над цветами, собирают жёлтую пыльцу, опыляют неумолимо. Многие цветы, у которых узкий и закрытый зев, опыляют именно шмели. Нижний лепесток, на который они садятся, опускается под их тяжестью, открывается вход в венчик. Шмель проворно вползает туда, длинным рыльцем собирает нектар и пыльцу, деловито перебирается на следующий цветок.

Первая половина мая. Необычно яркий солнечный день. Спешу по делам и вдруг слышу из поднебесья отчётливые клики. Так кричат дикие гуси. Ищу клин в небе. Вот он! Высоко летят. Много их, ах как много! Вот клин сломался, прерывистым пунктиром отделилась партия. И снова сомкнулся. Колышетесь клин на воздушных волнах. Как красиво летят! И клики весной иные, нежели осенью. «Домой, домой, к родным гнездовьям!» Белый их испод – брюшко и подкрылья в лучах солнца глядятся золотыми, бронзовыми. Летите, золотые птицы, Россия-матушка ждёт вас!

Лето

Июнь. Птицы сада

У соседа-художника в сорочьем гнезде поселились совы. Когда они вывели потомство (двух птенцов), он снимал их вечером и ночью фотоаппаратом и видеокамерой. Они такие пушистые и глазастые, я была в восторге и даже позавидовала (белой завистью) соседу. Зато в нашем саду поёт какая-то чудная пташка столь нежным голоском, будто о хрустальную рюмочку карандашиком постукивают.

Никак не могла выследить её. Лишь один раз мне это удалось. Был хмурый день. Моросящий, нудный дождь. Я сидела под укрытием летней веранды, а она прилетела на ветки ирги, что растёт рядом. Запела. Вот тут-то я её рассмотрела. Мелкая, узкая в туловище, с тёмно-оранжевой грудкой и длинным подвижным, как у трясогузки, хвостиком. Решила тихо выйти и сбегать за фотоаппаратом, но осторожная птичка вспорхнула и улетела. Её серебряные трели я слушала ежедневно, но увидеть певунью больше не удавалось.

Однажды утром зашла в теплицу: нужно вовремя открыть форточки, иначе дневная жара опалит растения. И вдруг всё тот же хрустальный голосок. Поднимаю голову – знакомая птичка. Видно, залетела с вечера, а выбраться не смогла.

Часто залетевшие птицы погибают, в панике разбиваясь о стеклянные поверхности. А эта не мечется, не бьётся, не садится на шпалеры. Зависнув на одном месте, часто-часто машет крылышками, а хвостиком рулит. Видела по телевизору, так птичка колибри зависает над цветами, опыляя их.

– Лети в двери, малышка, лети – открыто!

Метнулась к дверям, присела на поливочный шланг над бочкой, отдохнула чуток и выпорхнула на волю. А я за это время рассмотрела её очень отчётливо.

Попыталась вычислить: похожа на малиновку или зарянку. Мне больше нравится последнее название.

Июль. Серебряные росы

Придумала себе приятный ритуал: который год летом по утрам умываюсь росой. Нужно выйти в сад, пока она не спала – не высохла. Сначала люблюсь росой. На траве в лучах восходящего солнца она сияет мириадами бриллиантов. Наслаждаюсь красотой цветов, напоённых росами. Самые обильные капли собираются на развёрнутых листьях капусты. Глянцевитый лист её имеет тонкий белёсый налёт, словно тальком присыпано. Чуть тронешь пальцем, открывается зелёная основа. Роса на этом налёте собирается в выпуклые, как ртуть, капли, легко перекачивается на поверхности листа, не оставляя влажных следов. По жилкам, как по жёлобу, собираю капли в ладони, умываю лицо. Сушу на воздухе, не хочется касаться полотенцем. Мысленно благодарю Создателя за это благо. Теперь можно заняться делами насущными.

Июль подарил мне дочь. Всякий год собираю ей в день рождения композицию из цветов своего сада. Хожу по участку, выбираю, что пойдёт на букет в этом году. Остановилась у куста многолетников – лиловых колокольчиков. Срезаю их стебли ножом, собираю в пучок. Кажется, достаточно. Добавить сюда жёлтого цвета лилейников – и получится скромный, но красивый букет, напоминающий полевой.

Взгляд привлекает что-то чёрное, едва копошащееся в чашечках колокольчиков. Приглядываюсь и понимаю: это же две малюсенькие дикие пчёлки, тесно обнявшись, ночевали в нише цветка. Только чуть шевелятся усики. Воображение дорисовывает мультяшные глазки с длинными ресницами. Боже, какой восторг, какая гармония природы! Проверяю другие цветки. И тут ночевали, и тут! Так и заносу букет в дом с пчёлками.

Заряд радости на целый день!

Август. Зажарок

Больше тридцати лет живу в пригороде Тюмени, но всё зовёт малая родина, не отпускает. Исход августа. Вот я и на родине – в отдалённом селе за увалом в Абатском районе. К своему стыду, не знала в окрестностях своего села о существовании круглого болота. Это в стороне, где стояла пекарня. Вот туда и поехали с родственниками по грибы. Болотце небольшое и действительно круглое располагается в берёзовом лесу. Стволы берёз причудливо изогнуты у комля, верхушки тянутся к солнцу. Аномальная зона. Картину скрашивают изумрудные мхи на всех этих вывернутых комлях, пнях и разросшихся кочках. Коровников и грибов-дождевиков – видимо-невидимо! В народе их называют дедушкин табак, порховка, цыганская пудра. Прихлопнешь его ногой – и коричневый дымок вылетит-порхнёт. В таком

количестве я их никогда не видела. Мы грибы-дождевики, конечно, не брали, я только успевала делать снимки. Мой покойный дядя Иван Иванович знал какую-то примету к такому урожаю этих грибов, но никто, к сожалению, не помнит, чем обернётся это изобилие.

По дороге на болото видели на казахском пастбище зажарок – устройство для отдыха коням или коровам. Выбирается небольшой колок берёз (осинок), по нижним веткам которых устраивается (провешивается) небольшой навес из веток же – крыша, тень от зноя. Для того чтобы животные сами туда шли, на земле раскладываются для лакомства куски кормовой соли. Лесочек редкий, продувной, животные отдыхают от гнуса и жары. Использовать его можно всякий год, достаточно добавить новых веток на крышу. Правда, красиво и мудро? Об этом я тоже раньше не знала.

День разыгрался, как по заказу, солнечный, такой благодатный, что уезжать не хотелось! Нашли сырые грузди. Потом я набрела на осенние опята. У меня разыгрался азарт не столько на добычу, сколько на красоту и желание запечатлеть всё, оставить в памяти. Говорят, всякий человек любит то время года, когда родился. Мой месяц осенний, и я действительно до самозабвения люблю краски и особый свет осени, бабье лето, осеннюю гулкую тишину, прозрачные дали, клики перелётных птиц. Но и зиму обожаю, так как в наших широтах в мой день почти всегда лежит снег и уже прижимают хорошие морозцы.

И всё же самым ярким впечатлением дня остался зажарок. Это сооружение, изобретённое степняками-кочевниками. Человек, который трудится на земле, не мудрствует лукаво, а поступает рационально и с любовью, как подобает существу разумному. И название придумано логичное. Зажарок – за жарой значит. А если трактовать его как существительное, то звучит оно как самый жаркий месяц лета – июль, равно как старославянское червень (красный, алый). Именно в самый жаркий месяц используется зажарок.

Осень

Сентябрь. За расставанием будет встреча!

Сентябрь – последний месяц перед предзимьем. Тихий он, прозрачный. Птицы собираются в стаи: скоро перелёт на зимовку. Кормятся, набираются сил. Природа одевается в самые яркие наряды. Словно на Осенний бал принаряжаются осины багряным резным листом; берёзы – золотым, рябины пригоршнями предлагают бусы – оранжевые, алые.

В сентябре едем с мужем к родственникам в город воинской славы Воронеж. В наших краях сентябрь выдался ясным, погожим. Как-то там, в европейской части страны? Всю дорогу любуюсь пейзажами России. Душу наполняет двоякое чувство: с одной стороны – гордость за ширь и необъятность просторов нашей страны, красоту её полей и лесов, богатство природных ресурсов – тут и карьерные разработки различных строительных природных материалов, часто встречающиеся на пути нефтяные вышки-качалки. Убранные нивы дышат покоем, тюки золотистой соломы напоминают исконную Русь, занимающуюся хлебопашеством. Вдоль дорог ещё много подсолнухов – это низкие сорта с мелкими шляпками-сотами. Как узнаю позже, именно этот подсолнечник идёт на переработку для получения растительного масла. Меняются пейзажи за окном и достопримечательности, мы проезжаем Пермский край и Удмуртию, Башкирию и Татарстан, Марийскую Республику и Чувашию – это всё моя Россия! Россия – родина моя!

Отчего же так щемит сердце? Оттого, что наряду с гордостью за её ширь и богатство я ощущаю боль за порушенные деревни, брошенные сельскохозяйственные угодья, пустые глазницы окон ферм и комплексов.

Моя грусть усиливается льющейся из динамиков песни группы «Белый день»:

Как же мне не любить тебя, не жалеть,
Как же песен родных твоих мне не петь?!

А погода как на заказ – чистое небо, чуть прохладные утренники, но тёплые дни. Прозрачные дали, тихая, особая благодать.

И вот наконец Воронеж. Встреча с родными, разговоры на целые сутки. В предстоящие выходные дети моей двоюродной сестры обещают показать город, познакомить нас с его историей, достопримечательностями.

В воскресный выходной молодожёны Максим и Наташа забирают нас и везут в центр Воронежа. Уже через несколько минут я приятно удивлена: молодые люди прекрасно знают историю родного города, любят его и ценят. Но экскурсия на машине прекращается очень быстро. Так совпало: сегодня День города, движение перекрыто, мы выходим из авто и дальше пешком двигаемся по широкому главному проспекту города. Воронеж расположен в пятистах километрах южнее Москвы. Можно много и долго рассказывать о его основании, истории, которая тесно связана со становлением российского кораблестроения и флота при Петре Великом. Снимаю памятник Петру, идем дальше.

Ребята приводят нас на площадь Победы. Перед скульптурной группой – Вечный огонь. Рядом перезахоронили останки неизвестного воина. С западной стороны площадь окаймляет стена с семью выступающими тумбами. На первой из них выбит Указ Президиума ВС СССР от 6 мая 1975 года о награждении г. Воронежа орденом Отечественной войны I степени «За мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны и успехи в развитии народного хозяйства». На последней тумбе помещена выполненная чеканкой по листовой бронзе часть военной карты. На остальных пяти обозначены наименования или номера воинских частей и соединений, громивших гитлеровцев на Воронежской земле.

Сразу за этим комплексом глубокий овраг, вдоль которого растут красивые деревья. Родственники пояснили, что овраг – это русло обмелевшей реки Воронеж, которая впадает в Дон. На правобережной части города стояли фашистские пушки, территория была оккупирована. Шесть с лишним месяцев город держал оборону. Во времена сражений в Великой Отечественной войне Воронеж был разрушен на 90%. Можно подробнее рассказать об обороне, но сегодня у меня другая задача.

Приятно удивляюсь, открывая для себя, как много писателей и поэтов связано с городом: Осип Мандельштам, Александр Пушкин, Иван Никитин, Андрей Платонов, Самуил Маршак. Только успеваю делать снимки. Выходим на главную площадь города. Названа она в честь В.И. Ленина, которому в центре площади установлен памятник. Тут расположен Дом Советов (ныне здание правительства Воронежской области), Кольцовский сквер, в котором установлен монумент А.В. Кольцову. Об этой площади тоже можно рассказать поразительную историю, связанную с Великой Отечественной войной.

Тут раскинулась осенняя ярмарка саженцев, цветов и кустарников для дачников. Минуем площадь, сворачиваем в сквер Кольцова. Входим в одну из аллей, ведущих ещё к одной площади. Сентябрь мало тронул красками осени природу. Я люблю диковинными деревьями и кустарниками, постоянно спрашиваю сопровождающих:

– А это что? Такие же деревья я видела на площади Победы.

Мне объясняют:

– Это канадский клён. Ваш сибирский на самом деле выходец из Амери-

ки. У нас его тоже полно, – объясняет Максим. – Он более неприхотливый. Зато канадский очень красивый и крона у него более аккуратная, круглая.

Я разглядываю огромные пятиконечные листья, восхищаюсь:

– Уж как лист хорош! Не зря канадцы избрали его государственным символом страны. Похож на лист винограда, только более жёсткий.

– Красивый, – соглашается Наташа, – люблю собирать из них осенние букеты. Сейчас он ещё зелёный, позже станет лимонно-жёлтый, красный, оранжевый.

– А это? – опять спрашиваю я.

– Это каштаны, мы очень любим их весной, они цветут розовыми длинными соцветиями. Буквально розовые гирлянды! А сейчас у них уже созрели плоды. Кстати, молодые каштаны очень вкусные, их жарят, – отвечает Максим.

Принимаюсь подбирать плоды каштанов. Их так много тут под деревьями. Кожица плода тёмно-коричневая, глянцевая, приятная на ощупь.

Незаметно по красивой аллее выходим к очередному памятнику. И тут я замираю в очередной раз. На этот раз мне не нужно читать надпись на постаменте. Невольно вырывается возглас восторга:

– Это же Иван Бунин – великий русский писатель! Мой любимый писатель!

– Да, это памятник Бунину, – улыбается Наташа. – Он здесь родился в 1870 году, здесь прошли первые годы его жизни. Решение о сооружении памятника Бунину на его родине правительство России приняло ещё в 1990 году. И вот в 1995-м памятник великому земляку в Воронеже был открыт. Так спустя много лет, Бунин вернулся на Родину... В день его рождения в городе проводятся Бунинские чтения.

Внимательно разглядываю памятник. Бронзовая фигура сидящего на поваленном дереве «хозяина» сквера с раскрытой книгой и прильнувшей к его ногам собакой как бы предлагает замедлить темп, остановиться, прислушаться к себе. Фигура писателя с правильной осанкой, гордой посадкой головы, безошибочно выдает в нем дворянские корни, даже порода собаки свидетельствует об этом. Однако лицо Бунина полно грусти и тревоги. Лично меня это очень взволновало, заставило задуматься: «Тёмные аллеи» написаны с особой пронзительностью и тоской по Родине в эмиграции. Не связано ли создание памятника с этим?

На заднем плане за памятником очень красивое здание. Спрашиваю о нём.

– Это главная Воронежская областная универсальная научная библиотека имени Ивана Никитина.

– Ах ребята, какой вы мне сегодня преподнесли бесценный подарок! – благодарю родных.

Жареные каштаны с аллеи Бунина мы так и не попробовали, я возьму их домой в качестве сувенира.

На следующий день мы уже едем домой. Я полна до краев впечатлениями, встречами. Затрудняюсь сказать, что больше всего произвело на меня впечатление. Не выходит из памяти восторг «встречи» с Буниным. За трое суток преодолеваем две с половиной тысячи километров. Очень устали. После Урала начинаются густые утренние туманы. Сплошное молоко, особенно в низинах, у воды. Да, в наших краях заметно холоднее, природа уже примеряет осенний наряд.

Ближе к родным местам меня одолевает тревога за мужа: я устала в качестве пассажира, а как же ему за рулём?

Вечер, изрядно стемнело, но вот наконец мы распахиваем ворота в свою ограду. Въезжаем, открываем дверцы авто и сразу в нос ударяет тёплый аромат яблок. Яблоками усыпан весь двор, всё пространство под яблоней у дома, водоотводные канавы и крыша теплицы. Это уральский медовый ранет опять одарил невиданным урожаем!

О, какое счастье вернуться домой! И этот запах яблок, как что-то неуловимо родное, зовущее. Хорошо в гостях, но дома лучше!

Вернувшись домой, я поискала историю создания памятника Бунину в Воронеже и нашла в Википедии такую запись: «По замыслу скульптора А. Бурганова, писатель изображён в момент расставания с Россией, вся его фигура полна тревоги и надежды, а пёс у его ног должен символизировать одиночество и уходящую эпоху дворянства». И опять я радуюсь: верно угадала!

Сентябрь. Вот уж поистине «Унылая пора, очей очарованье. Приятна мне твоя прощальная краса». Но ведь в этом и заключается смысл нашего бытия: на смену непроглядной ночи приходит рассвет, грусть идёт рука об руку с радостью, а за расставанием будет встреча! Будет встреча с новой весной, как у Бунина с милой Родиной, пусть даже после физического ухода. Будет встреча!

В нашем саду теперь тоже растёт канадский клён. Я вырастила его из семечка-крылатки, привезённого из Воронежа. Он напоминает мне аллею Бунина.

Октябрь. Казарки летят

Конец октября. Серое непроглядное утро. На крышке колодца в саду грустит искусственная уточка. Это не та весёлая весенняя капель. В этой грусти осени, безвозвратно ушедшего лета. Капли скапливаются на проводах и обнажённых ветках деревьев и кустарников – кап-кап. Серая хмарь осязаемо-ощутима. Она давит. На небе ни облачка, и не понять, низкое оно, высокое ли: сплошная серая марь. Грустные, прощальные клики в небе – это летит казарка – мелкий дикий гусь. Они улетают в числе последних перелётных птиц.

Пытаюсь взглядеться ввысь. Нет, не видно, только лишь клики. Как же они летят при такой видимости? Летят! Целый день летят казарки.

Ноябрь. Нечаянная радость

Теперь зима в наших краях. Сегодня гуляла по уснувшему саду. Выпал снежок, подморозило, пронизывающий ветерок. Зябко! К зиме ещё не адаптировались. Вдруг нежданная радость: никак, в лозе декоративного винограда гнёздышко устроено? Я ведь всё лето тут «садовничала», лозу обрезала, подвязывала. Осенью листву убирала, но не видела. Подошла, пригляделась. Ну так и есть: гнёздышко, да такое аккуратное! Устроено оно в образовавшейся от подвязки лозы «воронке». Лоза вокруг оплетена травинками, утыкана пёрышками и шерстью животных. Запустила внутрь руку. Оно довольно глубокое и даже будто сбоку крыша вымощена. Не иначе как моя зарянка тут жила! Возвращайся весной, пташечка! Я буду тебя ждать!

ПОЭЗИЯ

Людмила ЕЛИСТРАТОВА

Свой путь

Корят меня: от века, мол, отстала,
Пора о жизни – рифмой без прикрас.
Мне горько, захватили маргиналы
Высоты, на которых жил Пегас.

Ведут толпой заблудших на закланье
Вожди под полукриминальный ритм.
В их рэповатых словоизлияньях
«Казнить нельзя помиловать» царит.

Они – под маской творческих полотен
Перебирая струны новизны –
Влекут парящих в липкое болото
Бездумной новомодной крутизны.

Язык – внушают – русский слишком сложен,
Из комиксов слепили идеал.
Увы, в угоду упрощеньям ложным
В стране культурный уровень упал.

Боюсь сползаний в примитивность, ибо
Мир-визуал околдовал юнцов,
И тех, кто пишет ручкой без ошибок,
Признают скоро кастой мудрецов.

Прессует век морального дефолта,
Искусство обесценилось на треть,
Всё чаще пресса предстаёт нам жёлтой,
И музы светлый лик готов чернеть.

А потому не побоюсь упрёков,
Пророчащих мне грустный эпилог.
Да, мне чужда поэзия порока,
Я с теми, кто хранит высокий слог.

Предназначение

О если б отыскать такое средство,
Чтобы легко смогла избавить я
Того, кто обескровлен самоедством
И впитывает боли бытия,
От страхов эфемерных, пустозвонных,
И видеть: обновлённая душа

Заполнилась сознанием непреклонным,
Что наша жизнь по сути хороша,
А трудности её преодолимы
И закаляют нас, судьбу творя... –
Поверила бы непоколебимо,
Что приходила в мир земной не зря.

Под небом северным

Под серым небом северным
Течёт мой век размеренно,
Какой-то высшей мерой мне
На юг заказан путь.
Лишь изредка в дни ясные
Любуюсь солнцем страстно я,
Кормлю свой разум баснями:
Уеду как-нибудь.

Увы, мечты беспочвенны,
Пустила корни мощные
И закрепились прочно я
В болотистом краю.
Дни с радостными блёстками
Коплю скупыми горстками,
Иду тропой югорскою,
О Севере пою.

Сестрой мне стала кровною
Сибирь моя суровая,
Достоинства всё новые
Я открываю в ней,
Осознаю, как дороги
Полян брусничных сполохи,
Ритм делового города
И блеск ночных огней.

Дни льются скоротечные.
Наряды подвенечные
На город наш изменчивый
Накинёт вновь зима.
Мороз зашкалит градусник,
Но будем жить мы, радуясь:
Снежинки мирно падают
И так тепло в домах.

* * *

Все лужи высохли, асфальт ослеп.	Рука твоя горячая такая,
Босые ноги воздух рассекают.	Как свежеиспечённый хлеб...

* * *

Когда ласкает щёки	Нет никаких терзаний,
мне ветерок весенний	нет никаких сомнений:
И солнце греет спину,	Зачем живу на свете...
а снег почти сошёл,	Мне просто хорошо!

Притча

Красивая притча мне стала известна:
Душа, что должна свод покинуть небесный,
Предстала пред Богом, решила признаться,
Бойтся она в мир земной отправляться.

«Мне страшно, Отец, после райской купели
Рождаться в беспомощном крохотном теле.
Суровые нравы, порочные люди
Безвинную душу бесцельно погубят».

«Не бойся, душа, не стони неустанно,
Ты вечность получишь, пройдя испытанья.
Пока не окрепнешь, незримою нитью
Привязан к тебе будет ангел-хранитель».

Он призван заботиться денно и ночью,
От бед ограждая защитой мощной.
Поможет, научит и в ласке взлелеет.
Ты вырастешь, ангел – увы! – постареет».

Душа вострепелась: «Я, Отче, готова.
Скажи, как узнать моего часового?»
«Что ж, как попадёшь из небесного храма
На грешную землю, кричи ему: «Мама!»

Щедрый август

Вот и завершает лето путь короткий,
Всё скромней играют солнечные блики.
И шагает август царственной походкой,
Щедро раздавая россыпи брусники.

Нам в щемящей грусти красоты прощальной
Дорисует память паруса надежды.
Так не раз бывало: скрывшись величаво
Лето возвращалось – в красках ярче прежних.

А пока мы бродим по таёжной чаще
В ароматах хвои, где свежо и тихо,
Где во мху черника – не отыщешь слаще,
Да грибы-солдатики окопались лихо.

Сколько суждено мне видеть это чудо –
В жизненных невгодах остров безмятежный –
Стороной сибирской любоваться буду
И любить Россию преданно и нежно.

На ночной трассе

Мегион – Сургут

В туманных сумерках таинственно
Тайги мелькают очертания.
Автобус мчит шоссе единственным,
Взрезая тьму и расстояния.

И ощущение нереальности
Томит, пугающе-гнетущее:
Здесь небеса земли касаются,
Смешав леса с седыми тучами,

На сотни вёрст болота стелются,
Ни огонька в безлюдной пропасти,
Лишь слабая надежда теплится
На безопасный мир автобусный.

Нет освещения, спят товарищи...
Волнуют мысли неуёмные:
Найдётся ли в ночи пристанище
Иль всё сгубили силы тёмные?

Есть, есть, твердит душа уверенно,
Дома от света золотистые,
И путь, что выглядит затерянным,
Ведёт туда, где ждут нас близкие.

Хрупкая женщина

Хрупкая женщина – храбрая леди.
Сотую часть её стойкости мне бы!
В калейдоскопе моих впечатлений –
Яркой картинкой её появление.
Ей суждено меж беспомощных будней
Стержнем служить для изломанных судеб.
Мимо больных, одиноких, немилых
Без соучастия не проходила.
Если заброшенных деток встречала,
Не причитала – усыновляла.
Многих взрастила в годы лихие,
Не различая, свои иль чужие.
Прямо скажу, ей не всё удавалось,
Только она никогда не сдавалась.
Сколько бы копий жизнь ни ломала –
Снова на крепость с открытым забралом.
Так и живёт – время пыл не остудит –
Поводырём неустроенных судеб!

ПРОЗА

Татьяна ПОТЁМКИНА

Сила молитвы

Моя знакомая Светлана поведала мне эту историю. Я так и расскажу её, как услышала – от первого лица.

...Знаете, тогда было модно проводить различные семинары за рубежом. Вот и нам предложили поехать на Кипр, чтобы у моря обучаться техникам страхования. Участники, конечно, платили за семинар на волшебном острове немалые деньги, но стало быть, имели такую возможность.

Руководителем группы, летевшей из нашего северного города, был мой отец Михаил. Он не только взял в команду меня, но решил свозить на Кипр и моего сына, которому было тогда 12 лет. Нашу деятельную компанию тормознули в Москве – задержали рейс на сутки.

Папе пришлось «выбивать» гостиницу, решать десяток вопросов с размещением, питанием. В общем, нервотрёпки было много, отец как мог успокаивал нервных дам, которые требовали от Аэрофлота выполнения обязательств перед пассажирами.

Утром следующего дня мы поехали из московской гостиницы в аэропорт. Там уладили все формальности, прошли таможенный досмотр и пересекли заветную черту, за которой ждал Кипр. Наша группа шла по длинному переходу к самолёту, когда я вдруг увидела, что мой папа внезапно побледнел. Он остановился, поставил сумку на пол, приложил руку к сердцу. Смотрел растерянно и отрешённо, словно забыл, где и зачем находится.

Меня словно прострелила мысль: «У него уже был инфаркт! Неужели?»... Я подбежала к отцу, рядом остановился сын. Папа, всегда такой собранный, остроумный, привалился к стене и даже не пытался говорить. Люди из группы уже подходили к нам, спрашивали, что случилось. Да и так было ясно! Папу усадили на какой-то чемодан. Как всегда в таких случаях, давали нужные и ненужные советы.

Неминуемо возник вопрос: что теперь делать? Одни предлагали вызвать врачей и оставить отца в Москве, но тут понадобится сопровождающий. Все осложнялось тем, что у нас были билеты на Кипр, и мы УЖЕ пересекли границу.

...Прошло, точнее, проползло несколько минут. Папе словно бы стало легче. Он осмотрел стоявших вокруг и озабоченно глядящих на него людей из нашей группы, сказал: «Я принял решение. Полетим все!». Поддерживаемый двумя мужчинами, он встал, и мы прошли в самолёт.

Места распределились следующим образом: мой сын сидел рядом с моим отцом, а я – в некотором отдалении. Лететь предстояло три с половиной часа. Скорее так: папе предстояло продержаться это время, потому что на Кипре уже можно будет обратиться за медицинской помощью.

Сын летел на самолёте впервые, а для отца этот рейс мог стать... Такую мысль я не желала продолжать! Гнала от себя.

Что можно сделать в этой ситуации? Ответ пришёл сразу: молиться!

Самолёт взлетел и взял курс на сказочный остров.

Да, я верующая, и конечно, знаю наизусть множество молитв и псалмов. Закрыла глаза и с жаром начала: «Отче Наш, иже еси на небеси. Да святится имя Твоё! Да приидет царствие Твоё! Да будет воля Твоя яко на Небеси и на Земли!»

Потом «Богородице Дево, радуйся!», «Царице моя, Преблагая». Конечно, пришёл черед и 90-го псалма: «Живущий под кровом Всевышнего, под сению Всемогущего покоится...»

Не на силы земные уповала я, но целиком на Небесные. На заступничество Богородицы, на Божию Волю, ибо сказано: «На руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею!».

Никогда в жизни, ни до, ни после, я не молилась так искренне и с такой сердечной силой! Я вкладывала любовь, чувство, движение, энергию в каждое слово, каждое предложение.

Вот пятидесятый псалом – «окропиши мя иссопом и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся!».

Вот тридцать третьей – «Близь Господь сокрушённых сердцем и смиренные духом спасет!»

Одна молитва сменяла другую, мой пыл не ослабевал, я снова и снова повторяла: «Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему!»

В своих молитвах обращалась к Господу, Богородице, Николаю Чудотворцу, который помогает и путешествующим, архангелу Михаилу! Просила, чтобы дали папе здоровья и сил, сил и здоровья!

Трудно поверить, но я молилась так без остановки три с половиной часа полёта. Не чувствовала времени, не испытывала усталости. И душевный подъём не ослабевал!

...Когда мы приземлились на Кипре, папа сам вышел из самолёта. Сели в ждавший нас автобус, доехали до отеля. Отцу вызвали врача.

В первые дни он лежал в номере, потом начал выходить, понемногу гулял у моря, благо оно было рядом.

Закончилось наше пребывание на острове, мы вернулись домой. Уже здесь, в России, врачи сказали, что у папы был микроинфаркт. Как он в таком состоянии пережил полёт туда, а через неделю обратно, остаётся тайной.

Мне трудно судить, каким образом пришла тогда, в небе, помощь отцу. Просто вспомнились слова: «Просите, и будет вам, не за добродетель, но за неотступность вашу!».

Сэ ком са, мадам!

Тот отпуск я проводила у своей приятельницы Татьяны в Париже. Дни сверкали и переливались ярко, как праздничная подсветка Эйфелевой башни. И в этом великолепии одна встреча вдруг обострила моё внимание.

Однажды мы шли вечером от метро к дому после прогулки по Елисейским полям. Путь наш лежал мимо небольшого сквера с фонтанчиком и лавочками.

– Давай завернём сюда, – вдруг сказала Таня, и лицо её омрачилось. – Здесь обитает... моя проблема, моя боль.

Не понимая ещё, что она хочет этим сказать, я шла вслед за ней. Мы приблизились к одной из лавочек. На ней сидела женщина, закутав голову в платок. Был поздний вечер, и мне пришлось всмотреться, чтобы разобрать черты её лица. Они были тонкими, почти привлекательными, если бы время от времени по лицу не пробегала судорога. «У женщины явно какое-то нервное заболевание», догадалась я.

Большие тёмные глаза её были грустны, а взгляд проникал в тебя насквозь. По одежде я поняла, что она бездомная и живёт в этом сквере.

Теперь мне стали ясны слова подруги. С другой стороны, женщина выглядела почти опрятно, и от неё не исходил запах, свойственный парижским клошарам.

– Иногда прихожу к ней, стараюсь чем-то помочь. Но что тут поделаешь? – объясняла Таня.

Недолго думая, я достала из сумки кошелёк. Угадав моё намерение, женщина сказала:

– Не надо, не давайте мне денег!

Причём произнесла это просто и тихо, даже с каким-то достоинством.

– Что я могу для вас сделать? – спросила я у неё.

– Если хотите, купите мне сыра. И чего-нибудь попить, например, кока-колу.

– Хорошо!

Я пошла в ближайший ночной магазинчик. Там выбрала кусок сыра, пару банок напитков и разного печенья. Принесла всё это женщине, возле которой так и стояла, разговаривая с ней, Татьяна.

Наша неожиданная знакомая взяла сыр и кока-колу, а печенье вернула:

– Оно жёсткое, не смогу его есть, у меня нет зубов.

Она вела себя естественно, спокойно, не давила на жалость, ничего не выпрашивала. Жила в своём мире без жалоб и истерик. Не выдумывала никаких историй, свойственных попрошайкам. Да и попрошайкой она не была – мы ведь сами подошли к ней!

Рядом возник из сумерек темнокожий мужчина. Он буквально потребовал у нас чего-нибудь, например, питья или сигарет. Мы промолчали. Он постоял рядом и сел на соседнюю скамейку. Я поняла, что как только мы уйдём, он отнимет у женщины кока-колу.

Пришлось остаться в сквере. Я спросила у бездомной:

– Вы же нездоровы. Почему вы не в больнице?

– Сэ ком са, мадам, сэ ком са! – задумчиво отвечала она мне.

Что можно перевести: «Это так, мадам! Это так...»

Не в том смысле, что она соглашалась со мной, она говорила: просто дела сложились таким образом или мир таков, каков есть! Ни больше, ни меньше. Она принимала обстоятельства, предложенные ей жизнью, не кляня судьбу и не взывая к «справедливости».

– Но существуют же какие-то социальные службы! – не унималась я. – Что если обратиться к ним? Ведь вы больны! Почему вы живёте на улице?

Посмотрев на меня своими чёрными глазами, она тихо покачала головой и повторила, словно стараясь объяснить мне ситуацию:

– Сэ ком са, мадам! Сэ ком са...

Через какое-то время мужчина покинул лавочку. Ушли и мы.

...А женщина? Она осталась в моей памяти до сих пор, хотя прошло уже два года. Я могла бы сказать, что она переносит лишения смиренно и с достоинством. Но думаю, в её картине мира нет таких слов и понятий. Она просто живёт, воспринимая дождь и жару, лишения и голод как данность, не оценивая ни-че-го!

Кто-то может отобрать у неё еду и питьё. Но она не обижается. Что такое обида? Это для изнеженных мадам.

Помните строки:

«Смерть, желанья, годы и невзгоды,

С каждым днем все непосильней кладь.

Что тебе назначено природой,

Надо благодарно принимать!».

Насчет «благодарно» можно поспорить, а то, что нужно принимать жизненные уроки, – это точно. Но мы иногда простые дождь и слякоть проклинаяем, словно в состоянии изменить погоду.

Порой любим картинно «страдать», переживать по любому поводу! Называем то или иное событие «плохим» или «хорошим». Всюду вешаем ярлыки. Ищем сочувствия. А жизнь такова, какова есть!

Все религии призывают к приятию. В священных книгах говорится: в испытаниях, которые встречаются на нашем пути, существует смысл. Люди годами идут к тому, чтобы это осознать, а бездомная парижская женщина проживает названные истины. Как нам порой не хватает такой мудрости!

...Когда я сталкиваюсь с какими-то резкими оценками действительности, трудными ситуациями, людьми, которые не просят – требуют «справедливости», вспоминаю женщину, которая живёт в парижском сквере. Будто вижу её грустные глаза и слышу голос, который произносит, словно стараясь успокоить:

– Сэ ком са, мадам, сэ ком са!

ПОЭЗИЯ

Тамара ЗУЕВА

Поэзия

Из-под купола Вселенной,
По спирали мирозданья
Строчка выбралась из плена,
Глубину души пронзая.
И лежит она распятой,
А над нею мысли роем
С рифмой борются проклятой,
И тетради нет покоя.
Полетят листки, как птицы,
Собираясь белой стаей,
Букв обиженные лица
Караваном грусти стали.
Карусель на небе кружит
Между звёзд на тонких нитях,
С невозможностью подружит,
Шлёт стихи, как осень листья.
Разволнуют Пинда ночи,
Распахнут объятья музы,
К ним навстречу мчатся строчки,
Сбросив тягостные узы!

Русский язык

Прости меня, язык французский,
Немецкий тоже пусть простит
За то, что их прекрасней русский,
Где слово птицею летит!
Несёт молитву и удачу
Щитом надёжным от врагов,
Из века в век пылает ярче
Строками пламенных стихов.
А сколько их, простых согласных,
Подарят слогу теплоту,
Ничто и нежность не погасит,
И не заденет красоту.
Он в жарких чувствах не обманет
И светлой мыслью окрылит,
Как миротворец мчит по странам
Родной язык быстрее стрелы...
Звучит, живой, напевом звонким,
Лаская музыкаю слух,

И гласом зажигает громким,
И к вере с правдою не глух!
Не быть Великому в забвении,
Он жизнь спасает запятой,
Притянет нас местоименьем
И полнит души чистотой...
И в строй по буквам собираясь,
Равняясь возрасту Христа,
Страну до звёзд нести стараясь
В глубины Космоса с листа,
Взывают трепетно глаголы:
Любить и ждать, спасать и жить,
Достоин он священной роли –
Народу русскому служить.
Посланец мудрости и света,
Несущий и добро, и мир.
Он мой язык, моя планета,
Мой путеводный Альтаир!

Белая ночь

Белой ночью приходят сказки,
Оживив в Югре чудеса,
Спят в чулане, пылясь, салазки,
Солнцем подняты паруса.
Тишь тревожа, цветут фейерверки,
Скроет звёзды летняя ночь,
Стихнут вьюжные канонёрки
И со стужей умчатся прочь.
До утра не уснёт сторонка,
Дарит радость одну на всех,
Юный город гуляет звонко,
Сыплет всюду задорный смех.
Реет белой мятежной птицей,
Фавориткой крылит мечта,
Долгий день бережёт, десницей
Белит ночи в наших местах...

Я за тобой отправлюсь в холода

Пришла метельная густая мгла,
Легла, подкрадываясь, к окнам.
Земля, вздохнув, с тоскою поняла,
Что ночь ко сну живое клонит.
Над миром дремлющим я полечу
Одна, оставив пляску буден:
Умчусь туда, где одинокий чум,
К холодной северной остуде...
Там пламя лижет жёлтым языком,
И снег уста целует жарко,
Где обнимусь я с кедром-стариком,
Где от костра тепло и ярко...
Шаман расскажет о моей судьбе,
А может, и возьмёт до Бога,
И там средь звёзд узнаю о тебе,
Пусть капельку, совсем немного,
Мне горе перестанет сердце рвать,
Я за тобой отправлюсь в дали.
И тёмных туч пусть надо мною рать,
Но мы и почерней видали...
Иду к тебе я в злые холода,
К тебе, укрытому зимою,
Меня ведёт Полярная звезда,
Деля за Млечным грусть со мною.
Нас бубен возвращает вновь к снегам,
К дымку, летящему над нодьей,
А мой шаман опять начнёт слагать
Стихи, что за душою бродят...

Маргарита СЛАДКОВА

Времена года по-сургутски

Временной коридор.
Бледнокожий террор северян.
Лето жжёт.

Слишком малое время
в этом сквере просторном
лавки сухие.

Рыбаки в замешательстве –
лёд не окрепший.
Зима опоздала!

А весна – это сон
с бесконечной погоней за ней.
Душа в нетерпенье.

Апрель

Метёт.
Хмельной полёт в неясной перспективе...
Зима развязным хохотом бросает вызов в лицо
горстями талой пыли колкие насмешки.
Но бесконечность мёрзлой прозы проседает...
Война за рубежи сменяется затишьем
на самой глубине разменянного сердца
и ожиданием беспечных чистых звуков
в ответ на учащённо-блёклое биенье мысли.
Но это всё потом... Сейчас
взгляд жадно тычет времени завесу:
«Ещё!» ...

Любопытство

Ускользящим бликом
Во вчерашнее время
Завалилось сегодня.
Уцепившись в шершавый
истоптанный краешек
сизого вечера
отрешённо болтается,
уподобившись мерному шагу,
чтоб зачем-то увидеть
ещё не проросшее завтра.

Скажи мне слово

Скажи мне слово
языком проникновенным,
острым, странным,
цветистым, диким, неподдельным,
занятым, тайным и коварным.
Я им дышать желаю.
Пить его. Прикладывать к груди.
В его одеждах и уснуть хочу и пробудиться.
В его сетях, как рыбка золотая биться.
В его ночи звездой взойти!
И богоданным алгоритмом
в полёте восхищённо-колоритном,
тебя порадовать хочу я тоже –
живым творящим словом Божьим...

Как создатель

Как создатель рождаешь-лепишь своё творение,
на круге гончарном изменчивостью форм играешь...
Меняешь мысли, слова, движения, видения –
воображением их по-новому соединяешь...
И создав новый замысел и последовательность,
предположение переносишь на живое тело
и руками разглаживаешь, растягиваешь,
то, что мысль не доделала, не усмотрела...
А скульптурный молоточек уже вибрирует
в предвкушении самозабвенной работы,
и отсекая всё лишнее, отслужившее,
показывает тебе, кто ты...

* * *

Война не кончается.
Она рубцуются:
каждый вдох – рана. Каждый выдох – спайка.
Каждый взгляд – в самую глубину боли.
Каждая слеза – кислотный поток,
выжигающий имена на теле души.
Каждый сон – провал в преисподнюю.
Каждое движение – преодоление неутолённого страха
и прыжок выше самого себя.
Каждое мгновенье – бесконечность, зажатая в кулак.
Каждый удар сердца – удар взрывной волны
и разлетевшиеся красные и белые кровяные тельца,
из поколения в поколение передающие память
о праве на мирную жизнь.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Артём ТИХОМИРОВ

Уран Земной

Треск металла, крик и недолгое падение, затем тишина. Ветер кромсал её ошмётки. Снег вихрился, прятал тело. Красный комбинезон – угасающий маячок среди белого безмолвия. Карикатура на японский флаг.

Его привёл в себя утробный гул. По телу пробежал озноб. Попробовал унять его, сменив положение тела. Не вышло. Он лежал на правом боку, подмяв руку. Вокруг темнота. Не пошевелиться. Промелькнула мысль, что похоронен заживо. Дёрнулся, зашуршал комбинезоном о снег. Ещё раз. Что-то треснуло, гул резко стал громче. Кое-как подтянул ноги, попробовал подняться. Сквозь порванный покров темноты пробился свет. Ещё попытка...

Ветер оглушил. Снег сыпал в лицо. Видел одним глазом, второй сильно заплыл, но смотреть всё равно некуда. Звёзды еле проглядывались через пургу. Чёрный свод неба и плоский слой снега. Идеальная горизонтальная линия разделяла две плоскости.

Еле слышно позвал «кого-нибудь» в темноте.

Ветер затыкал рот и пытался унижить, сбив на колени. Тьма слепила здоровый глаз, обнуляя и без того ущербное зрение. Сделал неуверенный шаг. Боль пробежала по правой половине тела, нога подкосилась. Повалился, уткнулся лицом в снег. Треснула губа. Самое обидное, что с губой разошлась по швам и последняя надежда, что это сон. Поднялся. Ветер издевательски хлестал по лицу до рези в глазах.

Не раз бросал зов о помощи. Исступлённо носился вокруг недавней могилы. От волнения ещё не чувствовал холода. По телу бегали противными змейками капли пота.

Запыхался. Пар изо рта вырывался частыми облачками. Звёзды проглядывались сквозь снежные вихри. Далёкие, отстранённые наблюдатели.

Долго смотрел в никуда. Небольшая густая борода обросла слоем инея. Лицо, поначалу совершенно спокойное, дало эмоциональные трещины. Напряжённые скулы, раздутые ноздри, полуподмигивание глаз. Вдруг вспыхнул захлёбывающимся хохотом, повалился на колени, потом на бок, конвульсивно загибаясь. Бессвязные крики подхватывал ветер, разрезал их на тонкие ленты...

Разум сковало отчаяние. Неподвижно лежал на снегу, ощутил «отсутствие чувствительности» в пальцах правой руки, вся правая сторона тела ныла, больше всего это ощущалось в ноге. Наплевать, собирался пролежать так до самого конца. Апатия.

Холод остужал рассудок. Пошевелился. Промёрзшая боль обожгла в правой ноге. По-медвежьи застонал. Выпрямился с треском в суставах. Начал оглядываться с целью перерыва, чтобы настроиться на решительные действия.

Однообразная местность вокруг не давала ориентиров. Работал здесь давно, а эти места видел словно впервые. Изучил небо, отыскал полярную звезду. Утёрся рукавом, встал и захромал на юг. В сторону станции.

Земная ось примёрзла к космическому ничто. Вертелась, приводя в движение атмосферу. Сколько ещё нужно сделать шагов, чтобы стереть этот мир в пыль? Ужасно болели ноги и тело. Голод. Припасов нет. В этой дыре никого. Только снег. Представил, что начнёт жадно пожирать эту белую

пустоту. Поглощать её в себя. Всё бы ничего, если бы не обезвоживание организма.

Мозги до одури заклевали одни и те же мысли. Не мог не думать. Всё рано или поздно перестанет что-либо значить. Вселенная стремится к пустоте. Застрял в начале её Млечного пути. Координаты 0.0000000... 1.

Казалось, что судьба наказывает его за высокомерные суждения о неизвестном. Он стремился оказаться подальше от привычного уклада, попасть в окружение свободы от сложностей выбора. Разглядывая белую пустошь, ощущал на себе отражение своих идей. Сколько себя помнил, был одержим пустотой. Считал её идеальной формой бытия. Он понимал, что её не может быть, но не хотел мириться с тем, что есть.

Когда он уставал от этого мира, закрывался от всех и создавал свой. Доставал чистый лист бумаги, раскладывал перед собой, угрожающе заносил руку. Но лист всегда оставался чистым, без штриха, без точки. Долго думая над многообразием вариантов и в конце концов запутавшись в сомнениях, оставлял всё как есть. Возможно, чрезмерным обилием искусственных смыслов этот мир его и не устраивал больше всего. Лучше бы ничего и никогда не было, думал он, складывая чистый лист в стол, в кипу таких же бесплодных умствований, тщетных попыток.

Ветер обтёсывал окаменевшее лицо. Ледяная крошка с сухим треском улетала прочь.

Если молиться о спасении, то какому богу?

Когда-то он изучал астрономию. Его любимой планетой стал Уран. Он воплощал в себе его взгляд на мир. Холодный газовый гигант, ошибочно недвижим, божественно пуст. Представлял себе, что однажды посетит эту планету.

И вот перед ним раскинулся мир его грёз – Уран. Уран земной...

Сколь устрашающе выглядела монотонная стена неизбежности, к которой всё стремится, несомое безучастным ветром.

Бог неба вернулся в свои владения.

Казалось, что ноги сковали ледяные кандалы. Каждый шаг давался с трудом, расходился по всему телу колючими тиками. Голод всё протяжнее подвывал ветру.

Опустился на колени, начал раскапывать снег. Из-за холода двигался медленно, немного дёргано. Вырыл небольшую яму. Лёг так, чтобы ноги указывали на юг. Начал закапываться. Затем свернулся эмбрионом. Предоставил ветру дохоронить себя. Горсть за горстью.

Вскоре его новая усыпальница была готова. Вслушался в своё дыхание. Единственный звук, который имел значение. От этого стало не по себе. Медленно проступило чернильное пятно в душе.

Затем уснул, и где-то там, в самом сердце снежной пустыни, тишина вновь уселась на ледяной трон.

Сон был крепкий, непродолжительный. Просыпался тяжело, боль в ноге сразу дала знать при первом движении, оттаяло и разбитое в кровь лицо. Начал ныть. Заныл и он. Разорвал снежное покрывало, встал, словно титан, с одного колена, огляделся. Ничего не изменилось. Ещё с минуту постоял, не зная, на что надеясь, вглядывался в даль. Ничего.

Продрог до костей, еле стоял на ногах, но упорно шёл, проявляя негибкую волю, преодолевая мысли о тщетности неоправданного упорства.

Из задумчивости его вырвал неестественный шум. Начал оглядываться, не понимая, откуда исходит странный звук, до дрожи напоминающий голос. Он поднимался из инфразвука, неясный и тревожный. Где-то за чертой восприятия. Протяжно выл на Уран заблудившийся дух.

Замер, напрасно пытаюсь отыскать источник шума. Испугался. Что-то неведомое ворвалось в его сознание, дёргая за хрупкие струнки. Ускорил шаг, иногда оглядываясь. Порой казалось, что видел чей-то силуэт.

Боялся того, о чём грезил. В восточной культуре пустота – это подлинное состояние первоприроды человека, незамутнённое житейской суетой первоначало. В этом скрытая суть многих вещей... в их вторичности. А здесь идеальное место, чтобы стать пустым и оставить всё, что из себя представляешь... Представлять – это к воображению. И оно говорило: ничто страшнее смерти...

С каждым шагом выращивал мысли в лунках своих следов. В отличие от большинства, он не ставил на одну полку два разных слова. Слово, похожее на идеал, и то, последнее. Ещё одна весть с востока. Небытие и есть целостность мира, из которого всё рождается и куда возвращается... зачем здесь «не»? Где-то закралось противоречие... Они говорят, что есть лишь бытие и его бесконечное перевоплощение несчётных форм... тогда их «не», одна из его форм. Значит, и они, люди, у которых солнце уходит на восток, считают, что небытия нет. Учимся говорить правильно: бытие и есть целостность мира... Закольцевать тринадцать раз.

Нужно было меньше читать об этом, тогда бы не так часто повторял заученные фразы. Куда-то подевалось слово... Как он мог потерять его среди белого поля? Как шарик в четырёх стенах. Закатился в щель. Чёрная дыра вселенной... Точка на белом полотне. Потерял слово и так отыскивал бессмертие? Нет, ничего не изменилось. Ничто страшнее смерти, ибо смерть часть бытия. А когда ничего нет...

Ему стало дурно. На время все чувства словно утянуло куда-то глубоко, где нет ни дна, ни высоты, и падение прервано бесконечностью перехваченного дыхания...

Поймал себя на мысли, что в случае крайнего невезения у него нет даже ружья. Решил бы всё в один миг по методу Кобейна.

Зарылся в снег... И беспокоен сон невинных.

Чувствовал себя глупо, не к месту. Не знал, куда себя деть и что делать, в то время как остальные смотрелись естественно, словно были рождены хоронить.

Желал, чтобы вся эта постыдная церемония закончилась поскорее. Заройте могилу, и дело с концом. Люди красным потоком суетились у гроба, соревновались в скорби. На чьих он похоронах? Нет знакомых лиц, ни фотографии, ни имени на надгробии.

Бросил комок на крышку, развернулся. С ужасом догадался, что это его похороны. Робко зашумели сосны, отпевая умерших.

В его жизни всё шло слишком гладко, однако это не приносило ему радости. Не встречал особых препятствий, в пору поверить в судьбу. Возможно, она и привела его в эту пустыню.

Подобные ему часто или окружают себя людьми, чтобы не чувствовать пустоты в себе, либо закрываются от них. Он выбрал второй вариант, убеждая всех, что ему никто не нужен. Отучился и переехал в другой город на север, оставил примерных родителей и редко отзванивался. Они смирились.

Сколько раз выбирался из своей могилы, всё ночь.

Потом вновь брёл через начинающийся буран. Его силуэт прорезал красной точкой бесцветный фон, являлся в мир из небытия.

В нерешительности оглядывался назад. Ему казалось, что там, в ворахах снега, за ним кто-то следует, протяжно завывая. Этот утробный зов повторялся вновь и вновь. То ли это был буран, то ли какой изголодавшийся

хищный зверь, то ли в голове засела навязчивая иллюзия. Или что-то умирало внутри него, периодически постанывая от боли и тоски. Но каждый раз, когда оглядывался, мерещился странный, вытянутый человеческий силуэт, сгорбленный, с отвисшими до колен руками, с идеально овальной головой, на которой не было глаз, ушей и носа... лишь разрез вместо рта, который медленно раззевался, издавая тоскливый вой.

Уверял себя, что ему кажется, переходил на неуклюжий бег. Ноги проваливались в белый прах, вязли, оставляли в нём последние силы. Тяжело дышал, лицо обледенело. Почти ничего не видел перед собой. Давно бы остановился. Вырыл бы очередную ледяную могилу и лёг бы, не надеясь проснуться. Но необъяснимый страх подгонял, толкая в спину порывистыми ударами воздуха. Бил так, что трещало в груди.

Обернулся ещё раз. За короткий миг, что разглядывал тыл, ему показалось, что в дымке снежной пурги проглядываются человеческие очертания. Прибавил шагу, запинался, падал, вставал и падал вновь.

Подумал, что просто очень устал. Ничего вокруг. Никакого монстра с отвисшей пастью. Лишь буйство атмосферы. Может, подкрадывается смерть? Начал судорожно закапываться.

Ему представилось, что он и есть начало. Единственная, случайно брошенная в герметичное пространство жизнь. Никто не создавал, некому задавать вопросы. Его породил сам воздух, само нутро сущего. В его однообразном пути можно узреть высшую цель, он вынесет на своих двоих очаг жизни в тёплый край и породит потомство, распавшись на множество зеркал. Зацепился за этот образ и после пробуждения резко встал.

Яркая вспышка на время выжгла глаза. Тьма разлилась бензиновыми пятнами. Боль пронзила голову рубиновой пулей, осколки застряли в кости. Мучился, напрасно пытаюсь выскоблить их из головы, протирая веки и мотая головой.

Когда смог немного приоткрыть глаза, увидел всё ту же белую пустыню, но при свете солнца. Подставил лицо его лучам и пару минут разглядывал открывшуюся перед ним благодать. Хладнокровная природа во всей своей непосредственности.

Вдалеке заметил гору. Чем дальше смотрел на неё, тем больше её покрытые снегом изгибы вершин становились узнаваемыми. Её называли Червивая, в честь неё назвали и саму станцию. Гора была небольшой, и если бы он смог заглянуть за неё, то увидел бы станцию. По крайней мере, он в это поверил.

Вдруг за спиной раздался мощный рёв. Всполошился, постарался быстро подняться, получилось неловко и с большим трудом. Повернувшись на странный звук, увидел перед собой большого белого медведя, он стоял шагах в десяти, водил длинной шеей.

Закричал ему, чтобы тот уходил.

Медведь провёл лапой перед мордой и ещё раз проревел. Как показалось, более угрожающе.

Не знал, что делать. Страх пригвоздил его к месту. Нелепое чувство стыда мешало соображать. Зверь же давил своим превосходством и спокойствием. Он мог растерзать его в любой момент. Наброситься и сожрать, махнув лапой на его слова.

Медведь приподнялся на задних лапах и заревел.

В страхе попятился. Зверь шагнул к нему, продолжая рычать.

Крикнул что-то нелепое, и медведь остановился, разинул пасть, вывалил меж клыками бесцветный язык.

Начал отступать, повторяя успокаивающую чушь.

Медведь изредка рычал, но не двигался с места. А он всё пятился, трясясь всем телом. Так продолжалось, пока не удалился от хищника на значительное расстояние. Только тогда развернулся и побежал прочь, часто оглядываясь. Медведь мог последовать за ним. Эта мысль постукивала в голове окостеневшим ногтём. Подгонял себя. Хотел быстрее добраться до горы, заглянуть за неё и побежать из последних сил к спасению.

Запыхался, нужен был перерыв. Упал на колени. Слишком много испытаний для одного человека. Провалился в беспамятство. Когда очнулся, ветер перестал, его словно вытянуло из сточенной оселком сферы в бездну. Лети, ты волен выбирать себе любую планету. Повалил снег, стружка от доводки. Солнце красной слезой закатилось за горизонт. Всё вернулось на круги своя. Тьма – единственная истина. Был ли свет и всё, что произошло при нём? Откуда-то из толщи мрака донёсся то ли рёв зверя, то ли стон монстра...

Поднялся и уверенно захромал к горе. Приближаясь, всё больше убеждался, что это именно та гора. За ней спасение. Он даже заулыбался и еле сдержал радостный смех. Ускорил шаг и уже чуть не бежал по склону, собираясь свернуть, чтобы обойти гору, как вдруг земля ушла из-под ног. Ударился подбородком о твердь, затем спиной, головой, тазом, и вот одна восьмая секунды свободного падения. Упал на ногу, треснуло, яркая вспышка затянула глаза, защипало затылок, волосы намокли липким. Вскрикнул от острой боли, потом промычал что-то и позволил вязкой чёрной пучине поглотить себя. Она нежно, как мать, обняла, заботливо укрыв пледом, от которого пахло её руками. Следовал за этим ароматом до самого дна забвения.

Пришёл в себя. В голове играла бредовая песня. Мотал головой, но музыкальный сор никак не получалось вытрясти.

Покрылся инеем, не мог открыть глаз. Вкус крови на языке. Зубы словно раскрошились. Больно смыкать челюсть. При движении ногами боль отдавала в копчик. В нос ударил противный запах. Подумал, что обмочился... Стыд...

Гадал, почему ещё жив.

Разлепил веки. Поначалу не заметил разницы. Когда глаза привыкли к темноте, начал различать обледеневшие каменные стены. Сверху, через дыру метрах в пяти, можно было увидеть звёздное небо, на котором растеклось акриловыми сполохами северное сияние. Любовался, забыв обо всём. Губы расплзлись в улыбке, потрескались. Вдруг взорвался истерическим гневом. Проклиная всё вокруг, колотил руками камень, затем бил себя по лицу. Пальцы зудели от сильных ударов, лицо горело.

После волны ярости пережёвывал название горы. Повторял его, пока в голову не заползла противная ассоциация. Затлела надежда. Начал судорожно осматриваться. Попробовал встать. На спине как будто порвалась кожа от удара хлыстом. Сильная боль трещиной прошла по позвонку. Перед глазами завертелись психоделические танцы разноцветных кругов. Подождал, когда боль утихнет, сжимая и разжимая кулаки от напряжения. В висках стучало. Нервы на пределе. Когда пик прошёл, попробовал пошевелить ногами. Болезненно, но терпимо, однако встать у него всё равно не получилось. Не раз наблюдал чудесные круги перед глазами, и ругнувшись, отлёживался, сжимая кулаки и стиснув зубы. В конце концов смог лечь на живот. Нога болезненно отзывалась на удары о камень. Полз во тьму, проверяя руками наличие впадин, ям, неровностей.

Завывания ветра, еле доносимые сквозь камень, утробно вибрировали по всей скале, раскачивая нервы. Казалось, гудит сама гора. Через страх

углублялся в гору. Что, если он упрётся в стену? Выдержат ли его нервы? Что делать, точнее... как умереть, если выхода не будет? Спустил какое-то время уткнулся в преграду. Открыв рот в немой мольбе, подполз, стал ощущать препятствие руками. Подвинулся чуть левее. Глухо. Подвинулся правее. Тоже.

Прополз вдоль каменной стены, ощутив каждый сантиметр. Приходилось делать паузы для отдыха. Сознание и тело просили сдаться. Но очень хотелось жить.

Вот рука провалилась, не найдя преграды. На небольшой высоте в скале было отверстие. Трещина? Минимум углубление. Чтобы проверить, нужно было встать. Сделать это теперь было значительно проще, стена служила опорой. Принял сидячее положение, прислонившись спиной к стене. Затем, крихтя, начал подниматься. От боли и чрезмерных усилий покраснел, вены вздулись, из стиснутых зубов с каждым хрипом пробивалась слюна с примесью красного. Развернулся, свалил туловище, ударившись головой. С трудом одну за другой втянул ноги на возвышение. Тоннель уходил вглубь скалы. Продолжал продвигаться, тяжело дыша и чертыхаясь от боли. Путь был долгим, за это время стал замечать, что потолок над ним всё ниже и ниже. Надеялся, что это сужение скоро закончится, однако вскоре столкнулся с препятствием, которое повергло его в ужас. Лаз сузился настолько, что он мог в нём благополучно застрять. Уже привык к темноте, но всё равно не видел, как далеко тянется эта расселина.

Загнуться в пути или в пещере, откуда нет выхода, одно дело, а застрять в узкой расщелине и подохнуть, крича в панике и с трудом делая вздох, как-то... некомфортно. Не такой он представлял смерть. Даже здесь. Думал, какие есть варианты. Их было немного: вернуться обратно и поискать другой ход, если он вообще был, или лезть в расселину.

Чертыхнувшись в сотый раз, начал залазить в щель. Камень царапал лицо, цеплялся за ткань, словно не хотел пропускать. Предостерегал... Не раз останавливался, чтобы перебороть страх. В эти моменты кусал себя за перчатку, пытался отдышаться. Каждый метр давался с болью. Все, что было до, казалось уже не таким страшным и мучительным. Ползти было трудно, плохо удавалось двигать ногами, а подтягиваться на локтях из-за низкого потолка стало проблематично. Не раз ударялся головой, руками, ногами, лицом о небольшие каменные выступы. Не оставляла мысль, что его систематически избивают.

Порой страх застрять перерастал в панику. Глаза начинали слезиться, дыхание учащалось, тело начинало трясти. Чтобы успокоиться, нарочно делал себе больно, начиная со свирепым рёвом биться головой о камень. Заколачивал отчаяние.

Через час пути заметил, что расселина сужается настолько, что он не сможет приподнять голову. Даже чтобы повернуть её, ему придётся протереть лицом пол. Болезненная процедура, которая заканчивалась успешно не во всех местах. Чтобы ползти, приходилось широко распластав руки и чуть приподнимая грудь с помощью локтей, подтаскивать, как червь, тело. Уходило больше минуты на жалкий метр. Все кости ныли от многочисленных ушибов. Но он не сдавался.

В очередной раз получив тычок в ребро, выругался и, стараясь облегчить боль, попробовал чуть отодвинуться. С ужасом понял, что не может. Попытался проползти вперёд, но как ни старался, не получалось. Попытка пятиться назад тоже потерпела крах. Не хотел мириться с простым фактом. Застрял.

С нарастающим иступлением продолжал попытки вырваться из каменных тисков.

В смятении перебирал слова в голове, или же он прокричал их сразу же после потока брани, чтобы как-то вернуть себе человеческий облик. Слова, само их существование и благозвучие напоминали ему о том, кто он. Боль в ребре напоминала, где он. Пытался уговорить тело перестать трястись. Что-то не удержимо рвалось изнутри.

Какое-то время в темноте был слышен только его шёпот.

Очнулся. Борода примёрзла к камню. С хрустом оторвал её, ударившись затылком о потолок. Выругался. Затих.

Лежал неподвижно. Сосредоточенный, часто дышал носом. Вцепился руками в камень, подтянулся, но остался на том же месте. Попытался ещё раз. Ничего. Решил аккуратно сдвинуть тело. Сначала в одну, потом в другую сторону. Это сказывалось на спине. От боли бросило в жар. Терпеть пришлось до тех пор, пока пот не выступил на лице. Но это стоило того. Смог передвинуться немного правее. Затем ещё. И ещё. И вот он уже двигается чуть-чуть свободнее. Остановился передохнуть и подумать. Что если он застрянет дальше так, что не сможет выбраться? Или окончательно сдадут нервы? Позади смерть... или другой путь. Маловероятно. Быть может, он ползёт в тупик, а выхода нет вовсе... Может быть. Даже скорее всего. Но надо попытаться.

Полз. Вскоре уткнулся в тупик. Он ожидал такого поворота событий. Обречённо вздохнул. Рядом с тупиком стало просторнее, смог даже перевернуться на спину. Положил голову на стену и, казалось, готовился ко сну. Бессмысленно гуляя глазами и открывая рот, словно собираясь что-то сказать, но всё беззвучно шевеля им, как старик, смиренно ждал. Ничего не вспоминал и ни о чём не думал. Всё уже произошло.

Пролежал довольно долго. Вдруг заметил, что голова чуть опустилась. Кое-как повернулся, пощупал стену. Она оказалась застывшей коркой снега. Начал поспешно сбивать наледь. Оказалось непросто. Вскоре снег стал податливым...

Откопав небольшой лаз, попытался протиснуться в него. Заползал в лаз, откапывал и выбрасывал снег. Когда освободил достаточно места, чтобы поместиться всем телом, пролез полностью. От открывшегося шанса выбраться вскружило голову.

Пробираться через снег было так же сложно, как лезть через расселину. Но он чувствовал, что вот-вот выберется наружу. Если его путь приведёт не к спасению, то хотя бы на поверхность. Нестерпимое стремление вырваться ослепило его, и когда при очередном ударе рука вынырнула из сугроба, даже не придав этому значения, а неистово продолжал выползать на «свет». Стояла «ночь».

Скоро лежал на спине, жадно глотал воздух и мычал, изнывая от боли. Когда полностью наслаждался победой над горой, посмотрел вдаль и увидел тёплые огни станции. Они проступали на молочной плёнке, утопая и всплывая вновь. Остался последний шаг. Но тело отвечало бессилием. Пытался ползти, но снег становился вязким, непреодолимым препятствием. Пытался кричать, но голос изменил ему.

Наблюдал за станцией, ждал, что вот-вот из домов выбегут люди и ринутся в разные стороны на его поиски. Но ничего не происходило. Страх, что его не найдут, рос с каждой секундой. Какое-то время пластался по снегу, обиженно мыча под нос. Но вскоре, преодолев метров десять, путаясь в мыслях и обессилив, застыл красной точкой в конце строки.

Пробуждение. Звуки – сажены мысли. Ветер гуляющий, волочащиеся по необъятному своду неба облака, шёпот сосен, шорох ткани, частый шум шагов. Поднял левый глаз, правый немного опоздал. В одном глазу мутно плавал белый халат на белом фоне. Всё вокруг белое, как и последние дни. И так же веяло холодом... из приоткрытого окна. Человек в халате что-то говорил ему...

Отвернулся к стене и закрыл глаза. Врач что-то спрашивал. Он лениво отвечал. Суть – он в порядке. Подумал, наверное, это хорошо. Не испытал ни радости, ни облегчения.

Изо дня в день проходил процедуры и тесты на психическое состояние. Всё в норме. Лечащего врача настораживала его способность просидеть на кушетке полдня, разглядывая стену напротив, пребывая мыслями где-то за гранью. Эта же способность некогда отпугивала его женщин. Рано или поздно с каждой из них начинал жить на разных полюсах квартиры.

Ему сообщили, что он был в снегах двое суток. В вертолёт, кроме него, было ещё двое. Их спасли в течение дня. Его же не нашли. Как он оказался так далеко от вертолёта? Предположительно выпал на низкой высоте, когда вертолёт падал. Это везение или наоборот воспринял прохладно.

Скоро его выписали.

Мир насыщался деталями. Ещё месяц назад всё было проще. Всё было белым, вокруг не видно ни зги – мир сузился до листка бумаги. Чистый. Боялся запятнать его. Затем появились грани, углы, плоскости, симметрия. Больница. Через её окна частенько наблюдал за миром, изучал ту его малую часть, что мог разглядеть. Город с гротескными зданиями, людским роем, рекламными плакатами и гудящими в пробках автомобилями отгородился от него, высыпав ему полное и, что самое обидное, справедливое безразличие набившими оскоминой осадками в виде снежной крупы. Она падала на стёкла и таяла зигзагами. На глаза попала очередная насмешка судьбы. В толпе, раздавая рекламные брошюры, бродил белый медведь. Ростовая кукла с растянутой в спазматической улыбке пастью, из которой по прохожим скользил уставший, безразличный взгляд.

Дом был пуст. Оставался таким, даже когда переступил порог. Поспешно снял одежду, раскидал небрежно и развалился на диване. Сон пришёл быстро.

Проснулся оттого, что замёрз. Накинув одеяло, поднялся, проверил окна, всё закрыто, ниоткуда не дует, батареи греют. Вышел из комнаты, проверил двери, окна на кухне. Всё в норме.

Вернулся в комнату. Сел на диван и поджав губы, сопел, борясь с остатками сна. В окно билось невесть откуда взявшееся насекомое.

Вышел прогуляться. Ночь. Отрешённая скорбью мать укуталась в чёрное. Утешение в смирении. Ветер растаскивал по тротуару мелкий мусор. Плёлся нарочито медленно, с расстёгнутой курткой, игнорируя нетерпимость к холоду. Холоднее внутри.

Город в свете ламп и вывесок – настоящий оплот безопасности. Мягко, с приятным уху шорохом, плавился свет проезжающих мимо авто. Река, как змея, питалась снежинками, извивалась, чтобы не укунить себя за хвост. Кольцами раскидана сеть метро, свист поездов. Неслись вагон за вагоном, блики окон. В них реклама, вывески, огни обветренных высоток, пики запрошены снегом, лёд прорастал вниз. Доносятся голоса – ветхие артефакты. Тихо перебирало лапками электричество. Заиндевело и трескалось. Небо мутное, и не прочитать звёзд сквозь алмазный купол. Раньше казалось,

что нас отделяет от бездны лишь тонкая невидимая грань. Ночью она словно растворяется дымной затажкой. Всё падает в бездонную щель Вселенной. Обратный ход вещей.

Загляделся на небо, приоткрыв рот и широко раскрыв глаза. В них падала ледяная пыль, отчего часто моргал. Простоял так долго, вертелся, пытаясь разглядеть весь небосклон. Нет, подумал, никакого сияния, и побрёл, как раненый медведь.

Вернулся. Свет решил не включать. Уселся в кресло и посмотрел в окно. Сбивчиво помесил тесто мысли. Что-то всегда ускользает.

Одиночество играло тенями. Они тянулись к окну, выползали паучьими лапками через ставни. От близости к жуткому бессветию рождалась мысль, становясь единственной временной преградой. Неожиданно на него обрушилась со всей силой волна отчаяния. Дитя его помыслов, прозрение. Закрыв лицо руками, но прогнать ужас не получилось.

Кинулся к столу, схватил заветный чистый лист. Уставился в него, искал в нём спасения. Но на этот раз отчаяние только усилилось. С гневом разорвал листок и упал на кровать. Долго лежал, брошенный один на один с нахлынувшим откровением. Наконец уснул. Во сне, как за окном, минус тридцать и слышен вой безглазого чудовища...

В голове свершался однословный бунт.

Нет.

Наблюдал за жизнью.

Дома постарели, обзавелись серыми пятнами. Краски выцвели. Пластиковые окна смотрелись, как свежие заплатки на истёртых штанах. За одной из таких заплаток он когда-то жил. Прыгал с балкона второго этажа на спор. Высоко, казалось ему тогда.

На детских площадках почти нет детей. Времена меняются...

Услышал шум взлетающего самолёта. Рядом находился аэропорт. В детстве мечтал летать и покорять горы. В какой-то степени ему это удалось.

В метро тесно. Не теснее, чем в Червивой. Город – одна сплошная гора. Весь испещрён туннелями вдоль и поперёк. Поезда-черви... Станции проносятся одна за другой. Люди читают. С тем же успехом можно смотреть на чистый лист. Что если об этом и написано в книгах? Мы читаем, потому что боимся думать самостоятельно? Очевидное сложнее всего понять.

В супермаркетах терялся от показного обилия. Глядя на переполненные корзины, думал, что безглазое чудовище верно питается снегом. Мы потребляем больше, чем можем взять. И вещи перестают отражать нас.

Ехал из магазина. Дорога играла то влево, то вправо, солнце било сквозь сосновые ветви, прожигало дыры на сотканном из игл занавесе. Не отрывал глаз от мельтешащих стволов. За ними проглядывалась степь, пучками поросшая невысокими кустами, и среди этой пустоши стоял ссохшийся, сгорбленный тополь. Раскинулся когтистой дланью, пытаясь уцепиться за воздух, который легко играл его ветвями. И он ласкался в нём, но был настороже. Ибо ветер переменчив... Узрел в этом образе пример смирения. Дерево не могло уйти, пожаловаться и возомнить. Оно достойно несло бремя, словно ожидая, когда придёт его черёд избавиться от земных оков.

Искал помощи у человечества, надеясь, что у него есть цель. Но перестал себя обманывать. Бог неба одарил непокорных сознанием, они извратили его, и повинувшись всеобщему заблуждению, пытались превзойти отца, а на деле жили наугад, не пуская корней, отвлекаясь и второпях, предав мечты и обвиняя в этом страну. Избалованное поколение.

Он предпринял последнюю попытку зацепиться за этот мир. Связался с бывшей любовницей. Егохватило на несколько дней. Утолив голод, они стали спать по инерции, тыкаясь вслепую во вселенское дно.

В нём назревала перемена. Последней каплей стала стычка с соседом за парковочное место. Бедняга распинался, доказывая, что это место принадлежит ему, а его несправедливо успели занять. Потолкались и разошлись. Отчего-то вспомнился медведь...

Он вернулся на станцию. Первым делом посмотрел на возвышающуюся прогнившую гору, что торчала за плоскими домами, на голые поля, на бескрайние владения. Стянутый урановыми кольцами небосвод. Его и ничьё.

Коллеги приняли его с особой теплотой, сочли возвращение самурайским поступком. Он не спорил. Одна девушка предложила ему помощь, он согласился, потому что влюбился в её голос.

В одну ночь вновь сел за бумагу. Просидел час. Безрезультатно. Убирая лист, заметил что-то. Пригляделся. Случайная, еле заметная точка в центре.

Решил, что это оно.

Начало.

Уран Земной: конец марта 2015 – август 2018

Марина КЛИМОВИЧ

* * *

Успокойся. Я знаю, что ты так больше не можешь.
Успокойся. Забетонируй себя в землю, потуши пожары.
Успокойся. Утри слезы, в них давно нет толка.
Успокойся и ступай так, словно шагаешь по шёлку.

Успокойся. Я прошу тебя быть сильным.
Пусть ветер утрёт грезы, зажги своё солнце.
Успокойся. Я тебя понимаю. И да, у каждой меры – своё мерило.
Но сейчас, на одну секунду: я прошу тебя,
Выпрями спину и твёрдо шагай по скользкой.

Успокойся. Я уже знаю, что ты не справился с болью.
Успокойся. Мне правда жаль, что ты остался без дара речи.
Что приходилось раны залатывать твои солью.
Верь мне. Ты когда-нибудь обязательно перестанешь бояться встречи.

Успокойся. Я знаю, что ты волк-одиночка.
Успокойся. Я знаю, что приходится платить за взгляды.
Успокойся. Тебе ведь ещё не сорок.
Друг мой, бросай сигарету, доставай помаду.

Да, порой придётся спать без света.
Да, придётся, действительно, за все платить дважды.
В жизни всё так, как люди говорят об этом.
Поэтому, пожалуйста, вытри слезы
И отдохни этим летом.
Всё, что твоё – никуда не денется, –
Я проверяла, и потому
могу обещать тебе это.

* * *

Дай мне обезбола:
Я вылечу, наконец, свой кашель.
Буду есть по утрам каши.
Разберусь, где мои, где не мои
и где ваши.
Разложу по местам бирки,
помою изнутри окна,
соберу на лето стирку,
прогуляюсь ночью по городу.
Легче стану переносить новости,
скоро будет проще с деньгами,
и я выкину все свои горести,
накопленные годами.
Тихо, на цыпочках придёт весна,
и ярким пламенем будут гореть квартиры,
где забытыми остались друзья,

и не отстирались с вен адреса.
Дай мне обезбола.
Болит голова и срывает нервы.
Память бьет током
и готовит к новой потере.
Дай мне обезбола.
И выкинь все мои недокуренные привычки.
Пустые коробки.
В каждой строчке кавычки.
Вынеси слова из скобок,
забери чёрные кофты и
двадцать пять рублей
на пятилетний путь куда-то впустую.
Дай мне обезбола
(пусть я все равно четвертую):
от зажимов, что бьют в холостую,
от какой-нибудь простуды,
от пережитой дури,
от вечной внутренней паскуды.

* * *

Я помню, что раньше всегда говорила: «Взрослею».
Теперь с каждым годом ворчу, что старею.
И раньше без шапки тайком на мороз,
и ворот короткий,
Сейчас обмотаюсь шарфом и надену колготки.
И раньше звонила всегда, проверяла: «Где, с кем ты», –
сейчас понимаю, что суть не в проверках, не в попытках быть первой.
И раньше боролась до крови, желала победы, –
Сейчас не победа, если дома нет хлеба.
Сейчас не победа, если в полночь и в парке
борюсь с одиночеством и куда-то иду без оглядки.
Не победа сейчас, если двигаюсь по годам ровно.
Не победа, если обида давно не закопана.
И стократ не победа, если дома не ждут
и никто не предложит обеда,
не попросят сходить за петрушкой,
не помогут с пакетами;
И если давно не ходил ты в кино или в театр,
не пожил для себя хоть минуту, потратив зарплату.
Если счастье чужое тебе не улыбнулось,
Если не помог с запятыми,
Если страсть разговоров тебя не коснулась.
Если горло болит, а понуть разве что кошке,
Если не мотивирует подъём после каждой подножки.
Не победа – быть правым, но задеть друга словом,
Не победа – любимую быть, но вечно слепую,
Не победа – врага опозорить, взболтнув со злости чужое,
Не победа – не проверить, дошла ли мама до дома.
Но победа, когда весна для тебя не грязь и не слякоть,

Победа, если считаешь, что
весна – это жизнь и душевный порядок.

* * *

Год назад я боялась зимы,
без опаски переходила дорогу,
сжигала все за собой мосты
и думала, что оставалась свободной.
Не звала друзей на подмогу,
ходила под руку с тревогой,
говорила часто: «Отдам»,
но не брала слишком много.
Дом мой – моя берлога,
а я была вместо бульдога,
лелеяла ночью больного,
пыталась спасти чужого.
Нравилось, если гнилое,
особенно если мужское,
но чтобы не бытовое,
чтобы очень (с большой) Смысловое.
И всегда, и во всем глубокое,
и духовное, и вековое.
Пусть хоть снова вернут крепостное,
лишь бы каждый день нечто другое.
Не помню, как это прошло,
наверное лишь возрастное,
но что-то во мне давно
с водяного на огневое,
из войскового в тормозное,
из нефтяного в недорогое,
из гробового, кремешного
в нечто цветное, благое.
Поменяла своё выходное,
и, конечно, моё мозговое,
жестяное, степное, плохое
напрочь сменило смешное,
слишком чудное, цветное,
дневное, жилое, складное.
Поняла лишь недавно, что
счастлива,
и моё счастье такое простое,
но платила я сверх и вдвое,
уж очень оно дорогое.

IGUAR ROFE

*Артефакты утерянных дней
(февраль – май 2015)*

История

Жизнь – это переплетение предложений, скопление точек и запятых, знаков вопроса и скобок. Единое текстовое поле. Расчерченное бытие в клеточку. И человек, венец творения, и его нескончаемые житейские проблемы.

* * *

– Взгляни на ночное небо! Не правда ли, красиво? Увидим ли мы когда-нибудь вновь это ночное звёздное небо?

В ответ – безмолвная тишина.

Я отчетливо помню тот день. Мы шли размеренным шагом по направлению к набережной. В голове крутилась мысль «а любим ли мы друг друга?», а за ней другая: «капля сомнения – яд для того, кто влюблён».

В тот осенний день выпал первый снег. Поразительное, почти невообразимое явление. Вихрь снежных капель. В ритме вальса – *раз-два-три, раз-два-три* – он проводил нас до мостовой. Холодный ветер грел наши руки, в то время как на сердце (или моём или твоём) образовалась первая трещина. Никто из нас не заметил её в тот день.

Я спросил:

– Не правда ли, эти фонарные столбы совсем не сочетаются с общим ландшафтным оформлением набережной?

В ответ – молчаливый упрёк, выражающий однако некоторую степень согласия.

Я помню, в тот вечер мы прошли застывшие бронзовые изваяния современной эпохи, влюблённую пару-призрак, ряд пустых скамеек, запорошенных тонким слоем снега, скучающих детей и их умиротворённых родителей. Прошли мимо безжизненного взгляда дворняги, протянутой руки, пугающего смеха, людского горя, сквозь беспричинную зависть, иллюминирующее презрение отдельных личностей, радость от успешной сделки, невыносимую боль. Убиенных. Страждущих. Одиноких.

Ветер грел наши холодные руки. Опустошенное людьми бытие стекало из наших вен. На мгновение снег повис в пустом пространстве неба; он оседал нигде и наполнял это «место» духом, свободой, разумением. В ту же секунду детский крик раздался над миром; в своём единстве дети почувствовали, что их лишают смысла и обрекают на беспричинное существование. Протест был услышан каждым взрослым и тут же предан забвению. Единогласно.

– Что может быть справедливее всеобщего мнения? – вопрошал мужчина средних лет.

– Кто как не мы, родители, знаем, что лучше для наших чад? – вторил ему молодой отец.

– Вселенная создана для человека и детей его! – восклицал пастор.

Кажется, соборность наполняла сердца собравшихся. Единство и согласие озаряли людские души и уводили в тень мир во всем его многообразии. Никто не приметил смену направления ветра, хаотичное мерцание звёзд, холодный оттенок света, сочившийся из однотипных источников, созданных человеком.

Я помню твои слова: «Какой чудесный вечер!» и молчание, повисшее после.

Мы продолжали идти размеренным шагом по знакомым тропинкам, но мне казалось, что мы топчемся на месте.

Счастливые взрослые и несчастные дети, обречённые на торжество земного рая.

Без смысла. Без цели. Без самопознания.

* * *

Я помню нашу первую ночь. Неловкость, смущённость, открытость, лёгкость и прочие и другие «-ость», которые сделали нас единым целым.

Твоя единственная фраза тогда звучала так: «Единство хранит в себе один человек, а единение может быть только там, где двое». Мысль, достойная полёта.

В ту ночь в отличие от тебя я долго не мог уснуть. Мои пальцы очерчивали контуры твоего тела, изучали изгибы, забирались на возвышенности, оставляли следы... Я не чувствовал себя одиноким ни тогда, ни сейчас – твоё дыхание непостижимым образом вплелось в моё ощущение мира, твой образ стал его отражением, твоё бытие стало его смыслом. Казалось, что всё вокруг упорядочено и имеет ценность. Казалось, что я прикоснулся к вечно ускользающему счастью, неисчерпаемому источнику вечности.

Застывшее мгновение.

Я снова и снова воспроизвожу его в памяти. Избавляясь от грядущего будущего, делаю это мгновение единственным настоящим явлением, не требующим основания.

Акт прошлого как акт бесконечности.

Мои пальцы изучают твоё тело; с усердностью исследователя они осваивают неизведанные территории, открывают новые маршруты. Их удел – безвременный поиск. Когда-то в прошлом они сделают привал, и я не вспомню, как погружусь в сон.

* * *

Я проснулся в полном одиночестве в тёмном заброшенном доме. Стрелки часов замерли на циферблате – 9.41. Так странно, за окном зияла непроглядная тьма. *Всепоглощающая* пропасть? Я попытался встать, но не смог пошевелить и пальцем. Комната, словно живой организм, нервно дышала. Мерцала настольная лампа, освещающая на неуловимое мгновение неприметные детали интерьера: маленькую фарфоровую статуэтку слона, забытую во времени фоторамку, настольные часы, переполненную окурками старинную пепельницу – брошенные в дальнем углу стола воспоминания.

Персонифицированный хаос постучался в окно. Инстинктивно я хотел повернуть голову к источнику звука, но тело не слушалось и отказывалось отвечать на команды мозга; казалось, что только сознание, источник моего безумия, бодрствует и предлагает игру в интерпретацию бытия. Воспоминания далёкого прошлого унесли меня в старый дом моего детства. Мурзик, кокер-спаниель с нелепой кличкой, лизнул меня в нос. На неуловимое мгновение я задумался, а испытывал ли кто-то ещё ко мне незамутнённое бескорыстное чувство подобного рода? Мурзик вилял хвостом и всем своим восприятием жизни утверждал *справедливость* и *упорядоченность* существования всего живого. Его глаза одновременно излучали и поглощали невысказанную тайну Вселенной. Он спрыгнул с кровати и звонким лаем настойчиво требовал, чтобы я последовал за ним. Я нехотя встал и пошёл следом.

Не прошло и двух секунд, как мы оказались на строго подстриженной лужайке перед домом. Вдали от меня отец и мать, совсем молодые, сидели за столом друг напротив друга. Они пили чай, наполненный свежим воздухом, согревающим солнцем и тёплым ветром. Мурзик схватил меня за рукав, указывая на противоположный конец лужайки. Вдали я не мог различить то, что лежало на земле; бесформенное *нечто* не подавало видимых признаков жизни. Спустя мгновение мы оказались рядом. Мурзик с особым рвением бросился в атаку, но не смог впиться зубами в то, что не имело формы. Артефакт давно утерянных дней излучал тёплый свет. Когда я подошёл вплотную, свет задрожал, всколыхнулся искрой, ослепил глаза. Воспоминание о минувшем заполнило моё сознание – безличное, но непостижимо родное, оно являло события, которых не было и не могло быть в моей жизни. Тысячи солдат, идущих на фронт. Тысячи жён и матерей, обманутых надеждой на светлое будущее. Тысячи стариков, в сердцах которых застыли слёзы.

Свет утерянного воспоминания сконцентрировался в моём сознании; глаза, словно маленькие зеркала, отражали всю суть трагических событий военного прошлого. Я осознал, что тоже был там, – в бесчисленной армии тех, кто не боялся пожертвовать жизнью ради жизни своих детей, – был сторонним наблюдателем, непостижимым образом ощущающим тесную связь с любым из присутствующих. Через мгновение я снова оказался на строго подстриженной лужайке перед домом и не сразу понял, что лежал на земле. Мурзик вилял хвостом и отчаянно пытался лизнуть меня в нос. Артефакт бесследно исчез; но его исключительная суть сохранилась в моём сознании. Я закрыл глаза и тяжело вздохнул – меня переполняли кем-то оставленные воспоминания – я испытывал ужас, что кто-то отказался от них, пренебрёг памятью и частью себя.

Что значит существовать? – проснулся мой внутренний голос. – Бродить во сне или спать наяву?

* * *

Вдох облегчения ознаменовал моё пробуждение. Когда я проснулся, тебя не было рядом. На прикроватном столике лежала записка:

«Вечный покой и вечная жизнь. Наяву два полюса, отдалённые друг от друга.

Но вечная жизнь и вечный покой суть единство, рождённое миром сновидений.

Ты всегда знал, что сон не был нашим спутником, скорее, своеобразным перерывом в отношениях, заботливо укрывающим нас от земного непостоянства и пронзающего холода общечеловеческого счастья.

Я помню твои мечты. Как жаль, что я не в силах осуществить их. Мы – два полюса, отдалённые друг от друга. Ты вечный покой, а я вечная жизнь.

P.S. Завтрак на столе».

Вот она – та первая трещина, возникшая с неизбежностью наступления нового дня; отколовшийся луч нашего счастья; тень, отброшенная любящим сердцем на ушедшее время, проведенное вместе.

Я поднялся с кровати, взял мобильный и набрал твой номер: «Абонент не отвечает или временно недоступен». Со всей небрежностью отбросив трубку, направился в сторону кухни. Картофель во фритюре, пара бутербродов и остывший кофе приветствовали меня. Я вспомнил о Мурзике, которому постоянно отдавал половину еды. В застывшей тишине слышал, как Хронос

отсчитывает время. Я осознал и пытался принять суть происходящего – с каждым шагом секундной стрелки чаши весов теряли равновесие, и доедая бутерброд, всё больше убеждался в правильности своего решения.

Не прошло и десяти минут, как я оделся и вышел из дома.

Я направлялся к тебе.

* * *

В беспечности настоящего и неизведанности будущего прошлое представляется единственным фундаментальным принципом (свершившийся опыт и накопленные знания, памятные воспоминания и знаковые встречи), который провозглашает *жизнь* и обосновывает *существование* жизни. Рождение – начало отсчёта сбора информации, длящегося до того момента, пока живое существо способно анализировать/систематизировать и интерпретировать данные извне. Только через воспоминания и возможность запечатления новых жизнь наполняется смыслом; в их отсутствие невозможно построение социальных связей, так необходимых для поддержания существования искусственной среды, воздвигнутой человеком. Память таким образом выступает одним из основополагающих конструкторов, делающих человека человеческим.

На протяжении нескольких недель я случайным образом находил брошенные людьми воспоминания, артефакты давно утерянных дней. Отчётливо видел картины прошлого: 1. одинокая мать, вглядывающаяся в дымку собственного Я, пытающаяся отыскать или хотя бы вспомнить, кто она и кого она ждёт; 2. измученная вечными ссорами семейная пара и ребёнок, совсем кроха, оставленный ввиду своей незначительности; 3. отставной офицер и его заслуги, *особые заслуги* перед Отечеством, но более неактуальные, истёртые временем отголоски, звучащие в орденах и наградах, спрятанных в стол. Я осознал, каким особенным образом работает память, безжалостно отсекая «лишнее», неудобное, странное, оставляя только приятное послевкусие ушедшего дня.

Я стоял возле твоей двери и не надеялся, что ты откроешь, но щёлкнул замок и вялое, неброское «Заходи» сорвалось с твоих уст.

– Зачем ты пришёл?

– Мне казалось, что я могу скрасить твоё одиночество.

В ответ – молчаливый упрёк.

Я прошёл в гостиную, не встретив никаких возражений, и сел на пол. Я пытался поймать твой взгляд, но твои постоянные перемещения из комнаты в комнату делали эту задачу невыполнимой. Меня не покидало ощущение, что я случайно забрёл на незапланированную генеральную уборку (мелкие предметы интерьера мелькали снова и снова в твоих руках, не по собственной воле меняя местоположение), хотя, быть может, только таким образом можно было скрывать гнев от незваного гостя.

– Зачем ты пришёл?

– Я...

– ...полагаю, в записке всё было написано простым языком. Неужели так сложно понять, когда человек хочет побыть наедине с самим собой? Почему всем вокруг так сложно осознать это? С чего ты взял, что не нужно считаться с моим мнением?

Застывшее мгновение.

Молчание, повисшее в наших сердцах. Трещина, разделившая твоё сердце на «до» и «после» и память о проведённом времени вместе, неясная, размытая, блёклая.

- Ты хочешь, чтобы я ушёл?
– Да, тебе следует уйти.

* * *

Невозможно изменить естественный ход вещей, даже оградив себя искусственно воздвигнутыми стенами. Но человек создан, дабы творить артефакты. Его главный враг – естество и его законы, которые неправомерно требуют от истинного *apex of creation*¹ качественных изменений и внутренней правки. По всей видимости, матушка-природа сама запустила механизм самоуничтожения и призвала существо, категорически отрицающее предельность жизни – человека. Обладая гибкой памятью, он творит подбостранно и увлечённо, намеренно забывая то, что когда-то являлось важной частью его прошлого. Естественная среда пугает его, и он творит Вечность, в которой нет смерти, боли, потерь и воспоминаний, которые следует утратить, но есть *Жизнь*, ради которой можно пожертвовать жизнью других.

О Дивный Новый Мир Вечности, мы на пороге, и мы смиренно ждём, когда распахнутся твои двери!

¹ *Apex of creation* – Венец творения (англ.)

Ярослав МАЛЬЦЕВ

Эмиграция

За волною волна из России,
Оставляя надежд руины,
Отбегала и уносила,
Обращала виски в седины.

Сколько юных, мечтою горящих,
Опускали безвольно руки,
Уносились в вагонах спешащих,
Под гудки паровозной разлуки.

Сколько судеб смолола, сломала
Ты у граждан своих, Россия?
Символ мук вдоль Сен-Дени канала –
В белом венчике грустный мессия.

Бродяга

Я брожу по городским вокзалам
Мимо лиц, не видящих меня.
Только полицейский взгляд устало
Вдруг споткнётся, всех бродяг кляня.

В мятом теле бьётся ещё сердце,
И рычит от голода живот...
Что с того, что не во что одеться?
Я живой! Я дышащий! Я – вот!

Одинокий корабль

Одинокий корабль в волнах –
Ему быть одному.
Одинокий корабль впотьмах –
Тучи скрыли Луну.
Одинокий корабль плывёт
Неизвестно зачем.
Не зовёт и на борт не берёт –
Он один среди ночей.

Одинокий корабль и шторм –
Хлябь вверху и внизу.
Одинокий корабль, вот гром
Предвещает грозу.
Одинокий корабль. В волнах
Ему плыть одному.
Птицы крик высоко в облаках –
Он уходит во тьму.

Фея

На фоне неба, устремившись ввысь,
Стоит закрытый замок Белой Феи.
И тенью мрачною донжон его навис
Над вековой дубовою аллеей.

И солнца луч не выглянет в просвет
Меж облаков, нависших шапкой ваты.
И кажется, что радости здесь нет:
Тут только боль, страдание, утраты...

Через дубы ведёт одна тропа
Под стены мрачные из серого гранита.
Сюда не ступит рыцаря стопа –
Его не ждут: всё скрыто и забыто.

Но сквозь дубы, сквозь толщу древних стен
Вдруг прозвучит свирелью серенада.
И вздрогнет хмурый, вечно серый день,
И вспыхнут искры в охладевшем взгляде.

И скажет ум: «Не отпирай засов!
Не соблазняйся, не впускай другого...».
Но сердце жаждет тёплых нежных слов,
А тело просит милого, родного.

И вот он там: который день у стен
Надеется, что слово точит камень...
А Фея ждёт каких-то перемен,
Боясь любить и сдерживая пламень.

* * *

Он ушёл в состоянии пьяном –
В хлам, в хлам, в хлам.
Был сокрыт темнотой и туманом
Храм, храм, храм.

И в душе его смутно плескались
Грязь, тьма, чернь.
И креста на нём не осталось:
Свет мёртв – тень.

И дорога его пустынна:
Сушь, зной, край...
Не склонить головы повинной:
Ад есть. Рай?

* * *

«Любить, сохраняя разум?» –
В лицо смеялась богиня,
Богиня смеялась в экстазе,
Сверкали глаза-алмазы.

«Наивен ты, смертный, наивен.
Я твой забираю разум!
Резвись на любовной ниве,
Безмозглый, зато счастливый», –

Богиня смеялась звонко,
Хитро потирая руки,
Ушла весёлой девчонкой
По носу щёлкнув легонько.

Богиня исчезла с тайной,
Сокрытой в её подарке.
Любовь бывает печальной.
Безумие необычайно.

* * *

Иногда бывает момент,
Когда ты стоишь на краю.
Горизонт из радужных лент
Впереди играет зарю.

Позади остаётся ночь.
Звёзды тают, тонет Луна.
Всё, что было, несётся прочь
Остаётся лишь тишина.

В тишине стоишь на краю.
Сколько было счастливых минут!
Тебя больше не ждут в раю –
Рая нет, если люди врут.

Горизонт играет восход
Сочных красок полна трава.
Тебе надо шагнуть вперед,
Пусть душа навсегда мертва...

Ночная фиалка

Буду звать тебя водяной,
Среди маков живущей русалкой.
Называть тебя феей ночной,
Сахарно-белой фиалкой.

И зефиром несясь по волнам
Этих женских волнующих линий...
Нет, не верю словам и губам! –
Верю двум озерам тёмно-синим!

* * *

Постучалась в дверь и вошла,
Не спросив разрешенья.
Только вдруг угасла свеча
В темноте настроенья.

Протянула руку: «Пойдём,
Покажу тебе дали»...
И пронзила стрелой ледяной
Боль печали.

И идти не хочу – даю
Свою руку пришедшей.
Чьё-то тело осталось в углу:
Между прошлым и вечным.

Айкидо

Что происходит на татами?
Движенья быстры и легки:
Срываются, летят кругами
Бросаемые мотыльки.

Взаимодействие партнеров –
Энергии поток незрим.
Каких-то скрытых режиссёров
Борцовский вальс неуловим.

Летают, падают, кружатся...
И атакуют... в пустоту...
Нельзя ни мига сомневаться:
Решай и думай на лету.

И бело-чёрными орлами,
Вокруг сэнсэя собрав круг,
С горящими огнём глазами –
Весь коллектив. И каждый – друг.
Не соблазняйся, не впускай другого...».
Но сердце жаждет тёплых нежных слов,
А тело просит милого, родного.

И вот он там: который день у стен
Надеется, что слово точит камень...
А Фея ждёт каких-то перемен,
Боясь любить и сдерживая пламень.

Владимир КУТРУНОВ

Сочинение «Он был блестящий поэт»

Так сказал об Александре Гришине председатель Тюменского отделения Союза театральных деятелей, народный артист России Владимир Васильевич Орёл.

Такие же слова, наверное, сказал бы электрогазосварщик Тюменского завода медоборудования Александров. Великий знаток поэзии так проникновенно прочитал стихотворение «Скрипач» на праздновании дня рождения своего товарища, что несколько секунд стояла полная тишина. Кто-то тихо спросил: «Ты это сам написал?» И сразу несколько голосов: «Ещё что-нибудь такое же можешь?» Молодёжная бригада слушала стихи. И сам чтец наслаждался созвучием и простором мысли:

«На том холме, где синеве раздольно
среди берёзовых зелёных куполов,
стояла тишина, как колокольня,
как колокольня без колоколов.
И облаков, и облаков касалась,
и обжигала водяную гладь.
Той тишины – казалось, мне, казалось –
не пережить и не перекричать.
Но вздрогнул лист,
роса упала громко...»

«Так это же Гришина стихи. Я работал на Севере, он сам читал нам вечером в палатке под звуки капель затяжного дождя», – полушёпотом поведал сосед моему дедушке Славе сорок пять лет назад. Вот так поэзия начинающего поэта вошла в нашу семью.

Мы с сестрой подросли, и мама в осенней Гилёвской роще наизусть читала нам стихи Гришина о прекрасной поре «очей очарованья». А ей здесь же и так же читал стихи папа Слава, когда она была дошкольницей:

«Меня растрогали нагие деревья
и воробьи, озябшие в пыли,
и ветры влажные – глаза мои,
слова растрогали они – и разнесли...
Как у меня кружится голова
от быстрого вращения земли...»

Когда звучали две последние строчки, мы раскидывали ручонки и кружились самолётками долго-долго, а кроны деревьев нам и правда казались куполами.

Летом, когда летит тополиный пух, я часто стою на балконе, смотрю на небо, и на память приходят опять гришинские строчки, которые я слышал в детстве. Возможно, Александр Анатольевич их написал тоже в тополиную пургу или в тихий первый снегопад:

«Мои часы
остановили бег,
мне маятника звук
не ранит слух –
то тополиный пух
летит, как снег,

то снег летит,
как тополиный пух».

В Интернете есть утверждение одного профессора о том, что Гришин стал известен после уничтожения советской власти. Но эти стихи напечатаны в журнале «Юность» в 1973 году. Борис Полевой, Андрей Дементьев и другие выдающиеся мастера советской литературы не отняли «воздух» у этих стихов. Они сохранили живое слово и особый стиль Гришина. Я думаю, они сразу уже по этим трём произведениям увидели, что он «чувства добрые» своей лирой пробуждает. И они не ошиблись.

Гришин писал: «Мы – послевоенная поросль, выросшая на золе». Он видел «суровую правду земли», как Есенин. В стихотворении «Слесаря пропивают получку» поэт бросает вызов: «Страна дорогая, разрушу этот миф, унижающий Русь, и за каждую русскую душу повоюю, поспорю, побьюсь». И сдержал своё слово.

Александр Анатольевич родился и вырос на Украине. Этот многострадальный народ долго был под сапогом фашизма. Ещё долго-долго после Победы над фашистами украинские семьи, где были предатели во время Великой Отечественной войны, клеймили позором сами сельчане. Такую жуткую историю поведал нам А.А. Гришин. Горе старухи Натальи безмерно и бесконечно. Её нельзя унижать. Мне её очень жалко. В стихотворении «Старуха» поэт и сам с болью в сердце кается. Эти строчки невозможно читать без слёз: «И вечером, вставши по кругу – в песке, на крыльце у плетня, – игрушечным танком старуху расстреливала ребятня. И ты в этих стрельбах из танка участвовал – не отрицай. ...И дочка её партизанка и Петька её полицай».

«Тонкий лирик, яростный боец...» – так сказала о Гришине Ирина Тарабаева. Я с ней согласен. Только я бы ещё добавил, что во многих стихах Гришина я чувствую влияние В.В. Маяковского. «Социалистический реализм» говорит правду. На левой стороне груди памятника Маяковского поэт заметил дырку. Ведь В.В. Маяковский, затравленный сворой бездарей, в жутком приступе отчаяния выстрелил себе в сердце. Страна и тогда не жалела поэтов.

«Не опуская взгляда,
смотрю – и из-за пыли,
как будто всё как надо...
Лишь дырочку забыли.
Вот здесь, на левой, малую,
горячую и алую,
откуда б, как зубило,
в глаза нам солнце било...»

Гришин не кивал молчаливо, не соглашался с теми, кто делал лишь видимость борьбы с негодьями: «Одних приструнили, других отстранили, а третьим сырою землею забили измученный яростью рот. Пустые морочит слова приструнённый, в пустыне качает права отстранённый, и молча закрытый поёт: «Вперёд, вперёд, рабочий народ!..»

Читая стихотворение «Вот опять за ним толпою ходят...», каждый увидит высокую гражданственность: «...Так и оторвались от народа не на дали, а на времена». Вот какие были 70-е годы. Гришин бил во все колокола, но глухая стена всё чаще и чаще появлялась перед ним: «Кто совесть, кто карман отягощал, кто совесть и карман одновременно».

Но «что б там ни было – песня поётся, и ласточка вьётся». «Слава Богу, не всё покупается и продаётся».

Душа поэта обнимала всю Отчизну и боролась за мир: «У меня маленькая – очень маленькая страна – для тревоги моей и для третьей войны». Поэт не призывал людей «к топору». Нет. Эти строчки – обращение к тем, кто жил, кто работал на земле народов ханты и манси: «Смотри, смотри, куда нога ступает, на местные цветы, сады, леса... Десятилетия здесь не зарастает, не заживает след от колеса». Серебряная северная природа не терпит насилия, как и весь окружающий мир.

Простую истину жизни поэт понял ещё в детстве: «На этой земле под небесами, чтоб в люди вывести, отец и мать учили нас ходить и отдавать. Хватать и ползать мы б сумели сами». Всей своей жизнью поэт доказал, что бескорыстием нет цены. «Ничего не нажил, кроме болей в сердце да седин. От чего ты загрустила, дорогая? Посидим». Просто, ясно и понятно писал поэт Гришин. Он задал всем вечный вопрос: «Что после нас останется на свете белом?» Дал дельный совет: «...Не парить-летать, сказки сказывать, а прорехи латать, бездны связывать; наводить порядок в душе, в миру: корень – к веточке, а добро – к добру, чтобы тихо небу могла сиять красно украшенная Отчизна-мать».

Сам поэт для своей «суровой» Родины трудился, как скрипач, «освящённый солёным потом», не жалея ни времени, ни сил. В его поэзии есть всё: радость и гнев, счастье и горе, песенный напев, фольклор и звучный голос, как набат. Он, как Некрасов, свою музу, исполосованную бичами, не предавал никогда. Действительно, А.А. Гришин был великий поэт не только Тюменской области. Его стихи читали, читают и будут читать по всей России и за рубежом.

Анатолий ЕФИМОВ

Проснулся неожиданно и тревожно. Время около пяти часов ночи. Еще не утро. Вчера лег очень поздно, далеко за полночь. Можно было еще часок соснуть. Но что-то тревожит. За окном первый ноябрьский снег покрывает осеннюю слякоть и черный асфальт московских улиц. Неожиданно начинаю вспоминать по деталям сон, который стал причиной моего раннего пробуждения. Очень необычный и загадочный. Даже мне кажется не сон, а какое-то потустороннее напоминание. Я бы даже сказал, суровая, неожиданная и требовательная подсказка из прошлого.

Я нахожусь в походной палатке типа санбата, и напротив меня, у деревянной стойки, поддерживающей брезент, стоит сухощавый сравнительно молодой офицер в полевой форме. С оружием. В стороне на низких нарах и скамейках из досок сидят и лежат вповалку в военной форме несколько бойцов. Тоже с оружием. Я только что закончил читать одно из своих стихотворений и вопросительно смотрю на стоящего передо мной офицера, как бы ожидая его оценки. Одновременно удивляясь, начинаю понимать, что он мне знаком. Как будто я уже где-то с ним встречался.

Офицер в чине капитана внимательно смотрит мне в глаза и медленно произносит: «Это очень хорошо, что ты пишешь стихи, даже уже выпустил книгу с достойным, на мой взгляд, названием «Обитель наша и причал». Тебе есть что показать и рассказать, а я вот ничего этого не успел сделать. Но, пожалуй, я тебе прочту одно стихотворение». И он начинает читать тихим чуть хрипловатым простуженным голосом совершенно незнакомые стихи, а сам, медленно удаляясь, стал растворяться через открытый проем палатки в снежной метели на опушке леса. Сквозь завывание ветра и шум пурги до меня доносились его очень необычные слова, пока не смешались с шумом зимнего леса и рокотом отдаленного громохання войны.

Пытаюсь забыть, но бесполезно. Стихи я начал писать не с раннего детства, как большинство поэтов, а в тридцать лет. Мой отец, сельский фельдшер П.М. Ефимов, ушел на фронт в 1942 году. В 1943-м или в 1944-м пропал без вести на Волховском фронте, когда ему было около тридцати лет. Мать осталась с тремя детьми, старшему из нас Юрию было четыре года. Офицер, которого я видел во сне, ходил на отца с фотографий. Мой сон окончательно пропал. Быстро вскакиваю, включаю настольную лампу и начинаю лихорадочно записывать все еще звучащие в голове слова.

Мои стихи ушли со мной
В поля, где зреют рожь, пшеница,
И вечно будут колоситься
Над этой чудною землей.

Они ушли в пургу ночную,
Чтобы напомнить обо мне,
Лечь белой шалью в тишине,
Укрыть, обнять тебя родную.

Ушли слова в края лесные,
Через невзгоды и войну,

Сквозь разоренную страну,
Скупые вести фронтовые.

Мои стихи ушли домой,
Опорой вере и надежде,
Любовью светлую, как прежде,
Защитой стали над тобой.

Мои стихи ушли со мной,
Чтоб солнце ярче вам светило,
Чтоб жажда жизни не остыла,
Звала призывною трубой.

Мои стихи ушли со мной,
Чтоб вы рождались и росли,
И память нашу пронесли,
Через века и звездный зной.

Мои стихи ушли со мной.

Вот такая со мной случилась полуночная история.

*А.П. Ефимов,
ноябрь 2016 г.,
г. Москва*

Когда закаты золотые...

Когда закаты золотые
На землю сумерки сведут,
И мысли поздние, ночные,
Все сединой ко мне придут.

Я поищу в потёмках мыслей
Тропинку детства своего,
Что на заре росой чистой
Открыла в новый мир окно.

Которая, со мной упрямо,
Искала в жизни светлый путь,
Которая не предавала,
Не искушала повернуть.

В минуты жизненных трагедий
Надежде освещала путь
И, укрывая от сомнений,
Душе давала отдохнуть.

1993 г., г. Ярославль

*Землякам п. Шангинск
(спецпоселение в Тюменской обл.)*

Край, где родился, вечно будет дорог,
Всегда горит в нём детства огонёк.
Куда исчез ты мой бревенчатый посёлок?
Вот возвратить тебя бы на часок.

Полынь кругом, от края и до края,
И пахнет так, что замирает дух,
Моё здесь детство босоногое летает,
Роняя по земле осенний пух.

Я исходил земных дорог немало,
Летели годы всполохами гроз,
Желанный край, всегда мне не хватало
Твоих по-вдовьи горестных берёз.

Полынь, остановись, не покрывай забытьем,
Оставь из прошлого хоть этот уголок,
Где от усталости всегда бы мог испить я
Родной земли живительный глоток.

И оглашая воздух, напоённый,
Богатством осени, вечерней чистоты,
Клин журавлей стремится в отдаленье,
Как я куда-то от родимой стороны.

Меня волнует жизни совершенство,
И сердце властно гонит в жилах кровь,
Не зарастёт полынью горькой детство,
Оно, как журавли, ко мне вернётся вновь.

1980 г., п. Шангинск

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Наира СИМОНЯН

* * *

Я останусь в России, в пучине берёзовых роц,
Недоступной для чтения тайною книгой тоски,
Я останусь в России душистых цветов языком,
Между жизнью и смертью вулканом бурлящей, как страсть.
Я останусь в России, от родины милой вдали,
Как осколок сияющий слов араратских родных,
Как звезда еле видная в небе на Млечном пути,
Затеряюсь в объятых радушных сибирских снегов.
Я останусь в России, на русской христовой земле,
Здесь мне легче стоять на морях бесконечных тоски.
Пусть как прежде судьба вызывает меня на дуэль,
Как святого Петра, распинает на страшном кресте,
Я останусь в России безадресным кратким письмом,
Запыхавшийся мир не заметит его, не прочтёт.
Я останусь в России, как звонкая горская песнь,
И осмыслит её с благодарностью русский поэт.

И не было будто совсем ничего

Сергею Есенину

Ах, друг ты мой, зимняя ночь так длинна,
Так плотен, безудержно скор снегопад.
Цепочки следов – в том не наша вина –
Забыты навек. Ветер смёл. Наугад
Идём мы. Смотри-ка, снежиночный рой
Под светом – обманут – порхает, кружит.
Чу, кто-то дыхания жаркой струёй
Врывается в ухо, тепло сторожит
Озябшего тела... Ну вот и рассвет.
Полотна снегов спеленали его.
Вчерашнее – сон. И следов наших нет,
И не было будто совсем ничего...

Я не принцесса жизни

Я не принцесса жизни, ну и что же,
В наследстве нет ни злата, ни дворцов,
Отец и мать, в любви взойдя на ложе,
Мне подарили тело, душу, кров.
Я на балах и в замках не бываю.
К чему? Чтобы царям судить о том,
Что я боса? О планах забываю,
Их просто нет. Ни раньше, ни потом.
Вот тапочки родные у порога –
Смогу из сотен пар легко узнать,
Настолько же любовь моя глубока
К тому, кто любит горько целовать.
Кто этот принц? – Мой век во всех обличьях,
Он любит быть хозяином всего,
То пьян и похотлив до неприличья,
То снова будто не было его,
И мне опять по морю плыть страданий.
Я не принцесса жизни, ни коня,
И ни кареты... Пеший путь скитаний
Туда, куда душа влечёт меня.

(Перевод с армянского Павла Черкашина)

* * *

Ты – незрелое яблоко из моей сказки.
Магия ночи глаз моих не закроет.
В каждом вращении есть миг возвращения –
И этим жива моя надежда, золотыми искрами сверкая.
Так предают дням, я это точно знаю, –
Холодный пепел сожжённых ночных грёз.
Так вслед за мечтою Икар разбился однажды,
Оставив бесконечному морю любви свои белые перья.

* * *

Отзовись, высокий Дух неземной!
Силой стихии наполни мне душу.
Звёздно-земной монолит пред тобой,
Но битвы страстей его могут разрушить.

Сплавь вожделенье, обман и мольбу
С древним и пройденным мудрым учением,
Развей по Вселенной боли золу,
Придав ей нового смысла значение.

Чтобы я, уходя, дав свободу словам,
Смогла бы оставить их хлебом насущным,
Целительной силой мудрым волхвам
Предвидящих путь эмбрионов грядущего.

Меня преврати в росчерк мысли твоей,
В животворящее высшее семя,
Чтобы прах мой не стал просто глиной с полей,
В общей могиле, что дарит нам время.

* * *

Теперь я каждый день благословляю,
Пусть в нём есть ревность, желчь и месть,
И боль с улыбкой, милый, принимаю,
Хоть слёз пролитых в прошлом мне не счесть.

И жизнь мою не расчленишь до срока –
Все краски дня растворены в крови.
Как Бог я вновь бескрайне одинока,
Как человек – я подданный любви.

Несёт в края неизвестные поезд
Тебя, украв у моих лучших дней.
Судьба о нас ничуть не беспокоясь,
Связала крепко, не поспорить с ней.

Лишь свет реален в нас, хоть и далёко,
Во лжи лишь правда – видно издали.
Как Бог я вновь бескрайне одинока,
Как человек – я подданный любви.

* * *

Чем мне наполнить жизни пустоту?
В подсказках Бога нечитаемые знаки.
Жизнь как подарок принимать
Иль это с острым кончиком наживка?
Любвеобильной рыбе сеть не даст дышать,
Так и мои обманны поцелуи.
Как бесконечная загадка для глупцов –
Ловлю на тайну обожанья взгляды.
Но что за жадностью скрывает пустота?
Настолько очевидную никчёмность
Существованья кредо моего,
Запечатлённого в святых страницах...

(Перевод с армянского Татьяны Юргенсон)

БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Екатерина ПИОНТ

О чудо!

Перед сном Инге надо было рассказать четыре сказки. Почему четыре – ей одной лишь ведомо: «Три поросёнка», «Маша и Медведь», «Красная Шапочка», «Золушка» – вот без чего она не засыпала.

Когда я прочитала ей «Дюймовочку», последовательность прослушивания сказок не изменилась, просто «Дюймовочка» теперь, как мышка в «Репке», завершала все действие. Сказка о малюсенькой девочке ей очень понравилась, и после её окончания она ещё какое-то время лежит с восторженными глазами.

Теперь время засыпания отодвинулось минут на десять.

Все эти сказки она уже знает наизусть, и поэтому, когда я что-то добавляю, даже несколько новых слов, внучка сначала замирает на мгновение, затем прищуривает глаза и смотрит на меня, не моргая, как учительница на уроке, поймав ученика на отсебятине. И, не прерывая меня, чуть приоткрыв рот, внимательно слушает, что я там новенького сообщу помимо того, что ей известно, и вернусь ли на то место, откуда ушла в сторону. И совсем уже по-учительски награждает меня одним-двумя кивками головы, облегченно вздохнув, когда я благополучно выхожу на проторенную тропинку повествования.

Но стоит мне пропустить что-то, она тут же нажимает на стоп-кран, и я, ойкнув, возвращаюсь назад в лес или избушку, а оттуда снова ощупью продвигаюсь вперед, на сияние глаз моей внучки.

А вот что произошло с «Дюймовочкой».

Я уже рассказала ей про жабу с сыночком и про подземного слепого кавалера и дошла до места, где Дюймовочка улетает с ласточкой от крота. Глаза мои начинают слипаться, но в предчувствии скорого завершения я радостно подлетаю вместе с нашими любимыми героями к старинному замку...

– А крот? – вдруг неожиданно останавливает меня внучка. – А что с кротом стало, когда он узнал, что невеста сбежала от него?! – недоумевая, как я могла оставить такой факт без внимания, она категорически потребовала ответа от меня, словно я в этой истории тоже замешана.

И действительно, я как-то не подумала, а ведь положение покинутого жениха-крота ужасно...

– Он же полюбил её!.. – не то доказывает, не то уговаривает меня внучка.

Вот тебе и отрицательный герой...

«Ура! Так ему и надо!» – помню, радовались мы в детстве.

А это голубоглазое трёхлетнее создание, которое и слова-то не произносит еще толком, вдруг прониклось к брошенному жениху. И потому начинается параллельная сказка, как крот очень переживал, но старая мышь в конце концов успокоила его и обещала женить на соседке-кротихе... Кажется, я подобрала убедительную кандидатуру, внучка дала согласие на продолжение истории.

– А тем временем, – незаметно зевнув, продолжала я, – ласточка с Дюймовочкой на спине подлетели к яркому цветку, в чашечку которого птичка и посадила крошку.

Глаза мои смыкались, и я уже сама, подобно ласточке, уносилась в сон и оттуда смотрела на себя, на внучку. Картина была как при замедленной съёмке. Язык не слушался меня. Буквально по слогам я произнесла:

– И тут она увидела прекрасного эльфа.

При этих словах Ингуля неожиданно подпрыгнула с криком:

– Нет!

И опрокинула меня с высоты сна на землю.

Я, отряхнувшись от дремоты, взяла себя в руки и твердым голосом произнесла:

– В чём дело?

– Оттуда! – отчаянно воскликнула она.

– Оттуда?... – протянула я, прослушивая, пробуя на язык это новое слово.

Но внучка еще громче, даже агрессивно выкрикивала это «оттуда», словно кидалась в меня какой-то неведомой диснеевской зверюшкой.

– Откуда? – неуверенно переспросила я.

– Нет!.. Нет... – уже всхлипывала она обречённо и смотрела на меня с укоризной.

Я села, закусила губу и стала размышлять. Сон улетучился. Напрягла свою память, но что-либо приблизительно похожее на «оттуда» вспомнить не могла...

– Отюда, Оюда... – шептала я, поглядывая на расстроенную, недоумевающую внучку. Наконец решила сделать дубль два:

– Ласточка с Дюймовочкой подлетели к цветку, – трепещущим приглушенным голосом произнесла я и остановилась.

Представив всю эту картину, с сидящим в цветке эльфом с прозрачными крылышками, я непроизвольно вымолвила:

– И вдруг – о чудо!

Я ещё только ставила восклицательный знак, как внучка выдохнула счастливо:

– Да!

Это можно было сравнить только с рождением ребенка: наконец-то всё разрешилось! Вот тебе и «о, чудо...» – два крохотных словечка. Как я не придавала им значения. Оказалось, это не просто слова, а действительно чудо...

Минут через двадцать только Инга смогла уснуть. Ангельское личико её было умиротворенным, золотистые волосы рассыпались по подушке, сторожа сон.... О чудо!

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Надежда ВАСЬКОВА

«Тобой и Господом храним»

В Тюменском драматическом театре всегда оживлённо: спектакли, мероприятия. Но случаются события, с которыми не хочется расставаться. Такой стала для меня и многих зрителей выставка работ тюменского художника Анатолия Квасневского «Тобой и Господом храним», которая разместилась в театре с ноября 2018-го по январь 2019-го. Наверное, это самая масштабная экспозиция со времени появления художника в нашем городе: более семидесяти работ разных жанров и направлений.

Она развернулась в фойе четвёртого этажа большого зала театра. Здесь присутствует удивительная атмосфера добра и покоя, которая струится с картин мастера. Ты путешествуешь вместе с ним по улицам Тюмени, любишь пейзажами окрестных деревень, окунаешься в солнечный морской воздух Таганрога, блуждаешь в снегах Тобольска, вглядываешься в лица неизвестных, но ставших родными людей, удивляешься мощи таланта известных личностей.

Как такое многообразие жизни вписалось в творчество одного художника? Для меня знакомство с ним стало настоящим открытием, хотя Анатолий Филиппович обосновался в нашем городе с 80-х годов прошлого столетия, и в Тюменском отделении Союза художников России его имя известно. А.Ф. Квасневский – член Союза художников России, член Международной ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО.

Сам он родом из города Таганрога Ростовской области. Получил среднее техническое образование, параллельно учился в изостудии у художника Г.И. Черных. Служил в Советской армии. Брал уроки живописи у военного художника М.Н. Дамашенко в студии им. Грекова в Москве.

Жил в Ростове-на-Дону, затем в Нижневартовске, где 2 года был членом художественного совета города.

Выставки художника проходили и в родном Таганроге, и в Москве на Кузнецком мосту, и в картинной галерее Московского Союза художников. Его работы находятся в частных коллекциях Тюмени, Ялуторовска, Новосибирска, Ростова, Таганрога, а также за рубежом: Детройт (США), Германия, Турция. Он участник многочисленных городских, областных и региональных выставок. Небольшие экспозиции художника неоднократно устраивались в библиотеках, учебных заведениях, организациях, предприятиях города.

Но природная скромность и главная составляющая творческой жизни Анатолия Квасневского – изготовление, реставрация церковного убранства (самый не суетный труд) – сделали его почти незаметным в богемной тусовке. А между тем художник рос, менялся. Пробовал себя в разных техниках и направлениях. Поэтому выставка «Тобой и Господом храним» стала неожиданной для многих его коллег и почитателей таланта.

«Как в Третьяковке» – слышала я восторженные восклицания зрителей. И в самом деле, его полотна словно наследуют традиции и мастерство русской живописной школы, в то же время самобытность художника проглядывает в каждом мазке. Он не гонится за оригинальностью, поиском новых форм. Но и в этой традиционной манере письма присутствует свое, личное, живое, свойственное именно Анатолию Квасневскому.

Особенно удивляют портреты. К сожалению, в Тюмени не так популярен жанр портрета. Художники не часто представляют работы этого плана. Был замечательный портретист В. Шилов, но он давно уехал в столицу. И вся работа над портретами перешла в разряд заказных, а не выставочных. Анатолий Филиппович любит работать над портретом. Его «Баба Аня» – это живой характер с лучистым взглядом и судьбой, прописанной в каждой морщинке.

Моё убеждение в том, что только прекрасный человек может быть прекрасным художником, непоколебимо. Для меня гений и злодейство несовместны в творчестве (согласна с классиком). И Анатолий Квасневский – тому подтверждение. Ведь портрет открывает не только личность позирующего, но и характер самого художника, а с лиц, изображённых кистью мастера, как с ликов струится любовь, тепло и доброта. Это подкупает и радует. Люди устали от злобы, жестокости, уродливости жизни. Теряются духовные и нравственные ориентиры. Нам так часто предлагается подмена подлинных ценностей на какие-то однодневки, а выставка работ А. Квасневского – это и есть возвращение к истокам, к настоящему, красивому, вечному.

Прелестны его пейзажи. А пишет он обыкновенные виды – улицы старой Тюмени: Малыгина, Тарскую, Мориса Тореза. Рисует наши храмы: Спасский собор, Всехсвятский храм, деревенскую церковь. Но они оживают на его картинах и даже звучат, как Знаменский собор в синей морозной дымке, как одинокий храм на закате.

Целая группа картин превратилась в серию работ о дорогах, так уж сложилось. Особняком стоят работы, посвящённые Тобольску и родине – Таганрогу. Наверное, нет ничего случайного в этом мире, и часовня, которую писал он в родном городе, стала для него очень важной впоследствии: здесь он венчался с любимой женщиной – Тамарой Ивановной, которая многие годы спутница его жизни. Её портреты тоже смотрят на нас с полотен выставки.

Масштабными монументальными работами стали композиции, посвящённые событиям в стране и уникальным личностям. Этот заметный пласт искусства художника говорит о его стремлении к справедливости, равнодушию к жизни и мальчишеской искренности, свойственной русскому характеру, хотя кровей разных национальностей в Анатолии Филипповиче намешано много.

Волнует мастера политика и поэзия, судьбы России и её кумиров. Высоцкий и Сталин, Сахаров и Окуджава, Солженицын и Марина Влади. Вот такой не прерванный и непрерывный полет. Так назвал он одно из своих посвящений Высоцкому. Но особенностью его личности и творчества стала работа над иконой, иконостасом и убранством храмов. Анатолий Филиппович признается, что когда работает над иконой, живопись забрасывается на долгое время. Иконопись – это состояние души и канонов. Это молитва и исповедь. Это Вера, Надежда и Любовь. Когдаходишь в храм, важно присутствие Господа во всём – атмосфере, ликах икон, душе. Мы не задумываемся над тем, кто рисовал эти изображения, мы видим и чувствуем лишь присутствие Бога в них. Он и есть истинный Творец всего этого.

Работа над иконами и иконостасами требует отрешённости от мирской жизни, времени и даже безымянности. Не каждый художник способен на это. Это удел избранных. Анатолий Квасневский – один из них. Его произведения – иконостасы в Ялutorовске, деревнях Петелино, Романово,

Криволукской, Заводопетровском Ялуторовского района, Иваново, Шабалино Армизонского района, Луговом, Кулаково.

В Тюмени в одном из любимых моих храмов в честь Святителя Николая Чудотворца в Восточном микрорайоне находится пятирядный иконостас, сотворённый руками мастера. Это одна из последних работ Анатолия Филипповича – прекрасное творение, принесённое на алтарь веры, на радость прихожанам.

Замечательно сознавать, каждый раз приходя в церковь, что ты знаешь человека, который потрудился на благо Творца, на благо жизни. Это как разглядывать росписи Андрея Рублёва, Феофана Грека, Врубеля, Нестерова – какая-то двойная радость от того, что ты знаешь не только Бога, но и его трудника, со-трудника.

Присутствие высокой духовности присуще творчеству Анатолия Квасневского и его личности. Этот удивительно щедрый и добрый человек объединяет многих прекрасных людей, готовых помогать и откликаться на его творчество. Как жаль, что в наше время люди разучились письменно выражать чувства. Гаджеты и интернет-подсказки заменили чистые эмоции. Но в книге отзывов всё равно находятся слова искреннего восхищения мастерством художника, его талантом.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей СМЕТАНИН

А в подполе был рак... (О поэзии В.Г. Богомякова)

Стихи Владимира Богомякова я впервые прочёл в начале 2000-х годов на сайте «Топос». Не мог пройти мимо этого виртуального литературно-философского журнала. Меня всегда интересовала философия, а краткие, но запоминающиеся встречи с мудрыми людьми приучили ждать от них чего-то необычного. Именно на это и настраиваешься, читая предлагаемые ими произведения. И здесь первое же прочитанное стихотворение ошеломило:

* * *

*Во мне совсем нет места для Вечности.
Только этот живот да эти конечности.
Только трюки любви в моём правом предсердии.
Нет в крови кислорода и нет милосердия.
Только печальные эти бактерии,
Сидящие вечером в сонной артерии.
Лишь дракон и феникс на митральном клапане,
Что держат белую розу своими лапами.*

Воображение автора, по-видимому, не зря обратилось к вечности и не просто к вечности, а к Вечности (с большой буквы). Это действительно волнующее и загадочное для каждого человека, пытающегося осмыслить своё место в мире, понятие. Известен сюжет из восточных сказок, в котором Ворон, прилетающий к огромной гранитной горе раз в сто тысяч лет, пытается отколоть от неё хоть кусочек. Понятны тщетные усилия волшебной птицы, так как будь её клюв из самой крепкой закалённой стали, что он значит против твёрдости гранита?! И если легенда уверяет, что Вечность исчерпается только тогда, когда Ворону удастся склевать всю гору, становится ясной огромность неисчерпаемого и не изобразимого другими способами Времени, из которого Вечность, собственно, и состоит.

Итак, Вечность, в которой жизнь отдельного человека, да и вся наша человеческая история, представляет собой неуловимую и ничтожную малость и должна, по фантазии Владимира Богомякова, найти место в нём самом, в его отдельном организме. Разумеется, он прав, и искомого места Она там не находит. Человек, увы, не вечен. Иными словами, автор фигурально говорит: все мы, ребята, под Богом ходим. Истина реально философская и даже вошедшая во многие учебники логики в виде силлогизма: «Все люди смертны. Кай – человек. Следовательно, Кай смертен». И это так.

Что же дальше? Затем Владимир обращается к реальности. Описывает сам себя. Очерчивает некий автопортрет, из которого мы видим, что он жив, но мягко говоря, не здоров. С «животом» и «конечностями», кажется, всё в порядке, а вот сердечко малость барахлит. То ли оно влюблено («...трюки любви в правом предсердии...»), то ли отягощено

воздействием некоторых сомнительных, возможно, лекарственных веществ, на которые намекают «дракон и феникс», держащие «белую розу» «на митральном клапане». Нитроглицерин? Гашиш или опиум? Гиперболическое отсутствие кислорода в крови и неведомые «бактерии» в «сонной артерии» вроде бы указывают на вероятный приём наркотиков внутривенно...

Но это, разумеется, гипотеза, эвристические умозаключения на основе поэтического высказывания. Главный вопрос, который нас занимает, не этот. Главный вопрос, который возникает при чтении любого поэта, привлёкшего внимание и удивившего, это «А как же сделаны стихи?» Если читатель к тому же сочиняет и сам, он невольно спрашивает себя: «А смог бы я так написать?»

Могу ли сочинить, к примеру, такое:

*Купил я водки две чекушки
И засадил: «Ну чем не Пушкин?!»*

Нет, я бы так, конечно, никогда, никогда не высказался. Для этого я слишком уважаю великого русского классика. Но мало ли как я высказываюсь и мало ли чего уважаю. Сейчас на повестке дня не чьи-то сомнительные вирши, а факты сибирского «Топоса». Всё-таки хорошо, что это литературно-философский ресурс. Философы – моя слабость.

Раньше мало чего понимал о мудрецах человечества. Постепенно разобрался в них. Философы – это такие люди, которые говорят и судят о чрезвычайно многом, причём ошибаются крайне редко, поскольку привыкли в силу профессии рассуждать последовательно и логично, а если и ошибаются, то чаще всего в главном, так сказать, в принципиальном, том самом, откуда начинаются все рассуждения.

Поэтому по пустякам с ними спорить бесполезно – они тут же уложат тебя на лопатки. Значит, надо не обращать внимания на видимые хитросплетения и заморочки, системность или бессистемность изложения, а попытаться найти в их учении самое главное, ту печку, от которой они пляшут.

Часто такой печкой является проблема жизни и смерти. Не напрасно Богомяков заканчивает стихотворение о Вечности строками:

...
*И уехать, как попугай к сороке, когда скажут «Поехали!»,
Оставляя за собой бытие со значительными прорехами.*

Ясно, что не участь неведомого «попугая», уехавшего к «сороке», волнует автора. Видели мы и заморских попков всех цветов радуги размером с воробья, и деревенских сорок величиной с добрую курицу. Хотя путешествие из клетки в лес для говорливого жителя городской клетки означает верную гибель.

Сдаётся, под этим пернатым персонажем лирический герой неявно предполагает совсем не птицу, а самого себя. И знаменитое гагаринское «Поехали!» ему суждено услышать отнюдь не на взлёте космического корабля, а «оставляя за собой бытие», то есть попросту умирая.

А под «значительными прорехами» бытия скорее всего подразумеваются периоды беспамятного существования во сне либо в опьянении. Возможно, это моменты недостойного человека существования в часы отупляющей, монотонной и бессмысленной физической работы, от

которой ни в душе, ни на сердце ничего не остаётся, разве что в кармане появляется малое количество денежных знаков.

Мысли, чувства и намерения, возникающие при чтении стихотворения Владимира Богомякова, могут быть и другими, не столь доброжелательно-проницательными, каковые возникли и описаны выше. Читатели-то бывают разными.

Рассмотрим внимательно другое стихотворение, размещённое на той же странице. Оно тоже о жизни и смерти, правда, с иной точки зрения. Владимир обращается в нём к теме православия. В сущности, перед нами лирическое высказывание об известном тексте весьма распространённой молитвы. Художественное произведение. Личный поэтический миф о религиозной, освящённой вековыми традициями, уставами церковных канонов и ритуалов частичке христианского богослужения, устремляемой к Богу-отцу.

...

*В нездоровом сердце крестьянской страны
Глядит со стены и с небесной тверди
Очищающий ны.
Миллиарды ртов произносят,
Читают Господню молитву:
«Отче наш, Иже еси на Небесех!»*

Поскольку опус закачивается намёками на дьявольские пророчества о мировых расселениях арабов и страшной катастрофе в Калифорнии, то речь идёт о жизни и смерти в массовых масштабах, в масштабах планеты. Хотя лирического героя это занимает гораздо меньше, чем описание расслабленного лукавого, окружённого тропическими животными: морскими лилиями, голотуриями, офиурами и прочими иглокожими без названий. Видно, скорняжки вопросы «иглы» и «кожи» серьёзнее беспокоят мифического ЛГ, но не будем на этом задерживать внимание.

Десакрализация священного – вот что бросается в глаза по большому счёту. Бог-отец глядит не с церковной иконы, а с обычной стены. Изображаемая страна – не рабоче-крестьянская, в которой к годам перестройки было не менее 70% населения именно рабочих, а крестьянская. В стране, насчитывающей от силы 150 миллионов жителей, из которых воцерковлённых граждан по статистике не более 2%, молитву произносят миллиарды ртов. Чьи же это рты? Может быть, иглокожих? Да, богомяковская фантазия может завести нас очень далеко. Утешимся тем, что это всего лишь поэтика – от поэтического инструмента метонимии до художественного приёма преувеличения, без которых и стихи – не стихи.

Тогда же эссе Владимира Богомякова «О впадении в болезнь» упомянул «Новый мир» (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/6/ww1.html). В 2006 году этот журнал дал уже страничную подборку его произведений: «Край кипящего молочка» с предисловием Владимира Перельмана.

Начиналась страница со следующей вещи:

* * *

*Два старых хиппи стали сборщиками картофеля.
В 6 утра они выходили на грязные поля.
А кормили их жидкой похлёбкой из маркофеля.
По таким законам живёт Сердцевинная Земля.*

*Сердцевинная и сердцевидная –
Из космоса напоминающая огромное остановившееся Серое Дце,
Розами увитое, стрелами пробитое.
Его умиращий и наблюдает в самом конце...*

Как видим, та же неуядаемая тема «жизни и смерти».
Знаменательна концовка произведения о фильме «Броненосец Потёмкин»:

*...И вся наша жизнь. Лишь кораблик плывёт по бумаге.
Эйзенштейн тихо курит гашиш. В небе реют красные флаги.*

Третье стихотворение – очень краткое и земное. Приведу его целиком, чтобы читатель мог оценить всю гениальность простоты и правоту логики Владимира Богомякова.

* * *

*Пустынно-глухо, в полусне
Собачка бегаёт по небу.
За разноцветными ширмочками разливают вино «Миснэ».
Лежит на полу деревянный Бунин.
Ходит старушка посередь двора.
Бражку пьёт и кружит разная детвора.
Летят на нас безглазые канарейки.
Девушка пьяная улыбается со скамейки.
Водит карлик кошечку за лапочки.
Кошечка смеётся, и всё ей до лампочки.*

Какое может быть сомнение? Перед нами ничем не скрываемые сюрреалистические картины. Кто-то назвал бы это бесцензурным разнузданным бредом законченного алкоголика, но это не так. Нам предлагают произведения искусства и уверяют, что это шедевры современной эстетики.

В последующее десятилетие на творчество В. Богомякова обратили внимание и другие «толстяки»: «Знамя» и «Октябрь». Публиковались объёмные подборки весьма мудрёных текстов.

2008 год, журнал «Знамя»:

* * *

*Батюшка даёт по десятке с утра всем мужикам,
чтоб не сдохли с похмелья.
Идут к магазину, а там уже кот пляшет
в приступе сродного с бездной веселья.
Что ты, усатый, давай по пивку, хватит скакать...*

Или там же:

* * *

*Из квашеной капусты вылез кто-то, пучеглаз и прекрасен.
«Во взгляде на женщину я с графом Толстым не совсем согласен!»*

*Шарах его ложкой, назад полезай, откуда вылез.
Нечего тут рассуждать, тоже мне нашёлся битлес.*

И заключительное приведу целиком:

* * *

*Берёзу по морозу, что сахарок, кололи.
Бессмысленны скоты дрова весь день кололи.
Кололи, приговаривали на тайных языках.
А девки у них видели наколки на руках.*

Звукообразная эволюция фонетических акцентов и совпадений от «иглокожих» привела к «колющим дрова» и «наколкам». Тенденция за более чем 6 лет пока не изменилась.

Журнал «Знамя» за 2014 год, стихотворение, в котором намечается как бы выход из запоя и очередной подход к православию:

* * *

*Если месяц подряд вы бухали, не нужно грустить!
Вам чайку с зверобоем хорошо бы попить.
Взять билет до Укропной, почитать любимую книжку свою
Про то, как от Бытия к Ничто мы приходим,
А от Ничто опять к Бытию.
Поезда устает, и автобусы, и самолёты, и сороконожки.
Есть такие постройки, меж которыми не протаптываются дорожки.
Пахнет мышами и летом в зелени мёртвых дубрав.
И никогда не убойся, смертью смерть поправ.*

По некоторым сведениям, первая публикация автора была не в России, а во Франции, в самом городе Париже, куда он отправил стихи обычным письмом. Вот какие зарубежные отсветы-призраки расцвели в родной навеки Тюменщине.

В № 8 журнала «Октябрь» за 2013 год опубликовано стихотворение Богомякова о маньяке:

* * *

*В месяц студень не болтайте ночью за вокзалом;
не то выйдет на вас один такой – лицо земляное, голосок осиный,
спрашивает, мол, где здесь, мужик, улица Фабричная.
Ох не Фабричную ему нужно улицу и не денежки ваши...*

Но и не пугайтесь чересчур сильно: тут же и средство от страшного маньяка выдаёт добрый поэт. Оказывается, отпугнуть сумасшедшего убийцу может слог «бе» в двоичном исчислении, то есть повторённый два раза. Вот так: «Бе-бе!» Стоит произнести это, как преступник пугается и исчезает. Так что при желании можно и «поболтаться ночью за вокзалом».

Впечатление от прочитанного мною у Богомякова наводит на мысль о тяжёлой форме мизантропии рассказчика. Дружба по переписке и собутыльники от порока ничуть не спасают. Не спасает и работа с людьми: профессору философии по роду деятельности приходится много общаться

с молодёжью – читать лекции, проводить семинары. Как видим, это средство тоже бессильно. Где образы юных любознательных студентов и пытливых, жадных к науке студенток? Единственно тёплые, человеческие чувства у Владимира Богомякова вызывают отнюдь не люди, а собаки.

Прочитайте стихотворение «Проклятие собаки» – и сразу прочувствуете это сами.

Проклятие собаки

*Собака плакала в вольере,
Размазывая лапой слёзы по лицу:
«Вы что же это, суки, совсем обалдели,
Совсем не даёте мне колбасу.
Вам котлеты с картошкой, мне хлеб и вода.
Да как же не стыдно вам, господа.*

Второе впечатление, точнее, мнение, которое сложилось постепенно, – это то, что стихи Богомякова не надо принимать эмоционально или рассудочно – толку не будет. Это стихи-заклинания, такие же невнятные и непонятные, как «бе-бе», рассчитанные на авторитет печатного слова для читающего, культурно-политическую ситуацию, на религиозность в конце концов. И требуют они одного: бездумного приятия, слепой безоговорочной веры. *Credo quia absurdum* (верю, потому что это абсурдно). Другого способа положительно воспринять такую поэзию не существует.

Правда, философ Шопенгауэр, которого хорошо знает Владимир Богомяков, говорил: «Абсурдное нравится в первую очередь безголовым», и на мой взгляд, был совершенно прав.

Александр ТИХОНОВ

Горькие глаголы

О роли писателя в жизни общества спорят до хрипоты. В основном спорят сами писатели: кто ближе, выше, важнее. То и дело звучат тезисы о продолжателях дела великой русской литературы и авторах, до неузнаваемости меняющих жанры своим творчеством. Уверенность в мессианской роли писателя крепнет в умах авторов, ведь если не они тянут литературу на своём горбу, то кто? Если не ради этого живут и пишут, то ради чего?

Потому, наткнувшись в сети Интернет или на страницах литературных журналов на восторженные рецензии, подписанные громкими именами, верить им не спешу. Кукушка, как известно, хвалит петуха не просто так и не всегда взаимного захваливания ради. «Социально значимая тема» – вещает рецензент, «автор направляет читателей», «автор учит». Автор, автор, автор... На прилавках книжных магазинов подобных произведений не счесть. Все они как на подбор «социально значимые», «беспрецедентно острые», «меняющие людей», «направляющие читателей». На деле в большинстве случаев имеет место циничное выжимание слёз из легковерных читателей и погружение менее легковерных в дотошно выписанную чернуху: смотри, читатель, вот я тебя в эту грязь тычу носом, она вокруг, она – сама жизнь. Но зачем? Оседлать так называемую «хайповую» тему подобные авторы тоже любят. Давить на жалость несложно. Сложно не давить. Вот и получаем бесконечные произведения про наркоманов, матерей-одиночек, войну за соседской стеной.

С Еленой Тулушевой я познакомился на церемонии вручения молодёжной литературной премии «В поисках правды и справедливости» в январе 2016 года. Правда, рассказов за её авторством с тех пор было прочитано немного. Ждала своего часа книга «Чудес хочется», подаренная на одном из литературных семинаров сотрудниками «Вопросов литературы», на рабочем столе компьютера в папке «Читать 2018» лежала вёрстка «Первенца», но всё руки не доходили.

На одном из мероприятий пересеклись с товарищем из столицы, талантливый стихотворцем, пробующим себя в прозе. Побеседовали о творческих планах, разговорились про общих знакомых.

– Тулушева опять какую-то премию взяла, – без злобы и зависти, как мне показалось, но с досадой сообщил собеседник, – сколько можно. Пишет одно и то же. Как будто других молодых прозаиков нет в стране.

Разговор на подобную тему я тогда не поддержал, ведь с творчеством Елены был знаком слабо, но желание почитать «одно и то же», за что автор берёт «какие-то премии», захотелось.

Признаться, когда пробежался глазами по страницам «Первенца», подумал, что вот-вот приступлю к чтению очередной «социальной» книги, выжимающей читательские слёзы: наркоманы, матери-одиночки, чернуха – всё в наличии.

Однако по мере вдумчивого прочтения мнение менялось. Вконец опошленная тематика оказалась преподнесена с иного ракурса. Со своего ракурса. Я не читал рецензий на книгу «Первенец», всё, написанное мной, – личное мнение. Я – читатель. Открываю книгу и...

В рассказах Елены Тулушевой непривычно мало образности и детализации эмоциональных состояний персонажей, отчего создаётся

впечатление, будто мы не проникаемся историями героев, лишь наблюдаем со стороны за тем, как они, словно роботы, выполняют привычные алгоритмы действий. И в этом что-то есть.

Обезличенные, расчеловеченные персонажи живут не эмоциями, но глаголами, горькими и страшными глаголами, которыми автор их вооружила. Они ходят, говорят, переключают бумаги, смотрят по сторонам, но это всё же биологические механизмы, в которых что-то сломалось.

Эта книга не о наркоманах и трудных подростках, как может поначалу показаться. Она о том светлом и чистом, что каждый из персонажей Елены носит в себе. На протяжении всей жизни из года в год идёт перерождение нас прежних в совершенно иных людей. И со временем мы уже не видим в себе того «первенца», светлого и улыбочивого, вместо него из зеркала глядит чёрствый циник. Думается мне, об этом книга: о выгорании души, плоскости, сухости и пошлости окружающего мира, в котором люди разговаривают, словно герои журналистского репортажа. И пусть иногда хочется воскликнуть: «Да это же шаблоны! Да эти герои типичные и клишированные!». Именно так. Они потеряли индивидуальность, растравили себя.

Но в каждом рассказе талантливого автора неизменно сквозь коросту буднего цинизма пробивается настоящее, вспоминается детство, сердца героев сжимаются от тоски по близким людям. Вот лошадь тычется горячей мордой в твоё плечо, вот за окном бродит Дед Мороз, оставляя следы на снегу, вот... Они начинают ощущать себя живыми. Вспоминают те времена, когда были, или же надеются, что однажды станут теми первенцами, способными ясно и по-новому взглянуть на мир. И разглядеть настоящее.

Впрочем, за парадоксально действенным подходом к подаче сюжета кроются и некоторые шероховатости. Усиливая накал эмоционального выгорания героев, показывая их путь к состоянию обезличенных кукол, автор порой доводит события их жизни до безоттеночного хорошо/плохо. Персонаж рассказа «Слава», к примеру, вспоминает, каким ужасом для него обернулось пребывание в кадетском корпусе. Мелькают и иные схожие моменты, когда даже обыденные вещи рисуются предельно мрачными. И не хватает света, не хватает тепла, чтобы, открывая книгу, хотелось жить в мире, описанном автором, общаться с её героями. Чтобы сердце не ныло от тоски, которой и в привычной жизни – через край. Так в читателе просыпается «первенец», просыпается он сам.

Тамара КАЛЁНОВА Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

У Родины нет горизонта

Эти слова, произнесенные по ходу повествования приглушённо-усталым, обыденным голосом, без напора и назидания, вошли в сознание как поэтическое откровение. Да, истинно так. Родина, как и душа, беспредельна и безгранична, неотменима и необъяснима порой, но она есть. «Безродинных людей» не бывает. Другое дело, если кто-то её забыл, не помнит или отрёкся...

Третий день мы сидим у компьютера, на экране которого сплетает свои бесконечные узоры созвучная настроению цветомузыка, и под её аккомпанемент слушаем «книгу с голоса», как назвал своё необычное произведение Анатолий Омельчук. Уместилось оно на четырёх дисках, вложенных в прекрасно оформленный книжный переплёт со вступительным словом и попутными разъяснениями к тексту. Это и есть авто-аудио-книга. Новое слово в современном перенасыщенном техникой мире. Устную книгу нам передал Аркадий Елфимов, руководитель и основатель Тюменского регионального общественного благотворительного фонда «Возвращение Тобольска», чуткий ко всему новому.

Иметь дело с такими литературными изданиями нам прежде не доводилось, однако настроились мы на его «прослушивание» без особых трудностей. Помог голос. На обложке так обозначено: «Голос Омельчука». Первая и вторая части книги озаглавлены «Река возвращается». По форме это роман-эссе, роман-рассказ, но автору ближе сибирский роман. Нам тоже. Ну как не согласиться с его размышлениями о Сибири из вступительного слова: «Сибирь – великая дочь русского народа. И падчерица России? Есть немало охотников, у которых для прошлого и настоящего Сибири находится лишь одна краска – чёрная. Ссылка, каторга, тюрьма, преступные отходы человечества, надругательство над природой.

Чем притягательна Сибирь, кроме того что она – колыбель человечества? Это самая спокойная территория на планете. Её не обходили планетарные катаклизмы, но её минули мировые войны, моры, геноциды. Месседж Сибири, её миссия – мир. Человечество понимает, что это недостижимо, но тянется к спокойствию и развитию. А это и есть Сибирь.

Сибирь – светлая страна на все свои четыре стороны света. Земля счастливых людей, состоятельных мужчин и самых красивых женщин. Страна беспроблемно счастливого детства. Сибирь – азиатское крыло великой России и запасная земля человечества...».

Итак, мы слушаем сибирский роман Анатолия Омельчука. Размах у него и впрямь романский – детство, отрочество, юность и взрослая жизнь. Сквозного сюжета нет. Книга сложена из небольших записей, песен, музыки и раздумий-исповедей. А скрепляет всё это выразительный голос повествования, его память, объединяющая времена и судьбы, страны и пространства, любовь и упоение жизнью. Возникает доброе чувство, будто вы беседуете с ним, и он под настроение открывает вам душу.

«Река возвращается»... Куда может возвращаться река? Ну конечно, к истокам. В детство. В родительский дом, а значит в посёлок Могочино, что стоит на правом берегу бескрайней матушки Оби. Три столетия назад

это место обжили селькупы. Их юрты назывались Могочэт. Потом к ним начали подселяться крестьяне, переселенцы из других районов России. С 1930 по 1940 годы XX века деревня получила статус трудпосёлка. Здесь размещалась лесная комендатура Сиблага ОГПУ; в пяти окрестных деревнях, как и в Могочино, жили и работали спецпереселенцы.

Вот и Константин Терентьевич Омельчук, крепкий крестьянин из Винницкой области, попал в Сибирь как спецпереселенец. Сначала трудился на строительстве Беломорско-Балтийского канала, затем в Комсомольскена-Амуре, позже строил в Могочине лесозавод. Поначалу это был лесопильный сарай, а потом в 1931 году появился цех, выпускающий мебель, оконные и дверные блоки. Его продукция отправлялась даже на экспорт по Оби и Северному морскому пути. В годы Великой Отечественной войны могочинцы выполняли военные заказы: изготавливали авиалафеты, авиабрус, шлюпочник, палубник, шпалы, мостовой брус... Но это к слову, от нас, знакомых с историей земли Томской.

Сыну запомнилось другим: деревенский быт, корова Муська, для которой надо было косить сено на Кривой луке, соседская «помочь», когда «сельские пролетарии» за день-два помогали отстроиться погорельцу. Жизнь «по заводскому гудку». Работа в трудпосёлке начиналась в четыре часа утра, вторая смена заступала на вахту в четыре дня.

«Деревня была тихой и бедной». Но Боже, как светло и с какой любовью описывает её Анатолий Омельчук, как живы и интересны её жители, как дружны и смелы ребяташки, подныривающие под сплотки брёвен, какие они с малых лет рыбаки и охотники... А как прекрасны родители рассказчика – отец, сажающий на огороде украинский табак, и мать-хлопотунья... Вот уж и правда Сибирь – светлая страна, земля счастливых людей и бесприсветно счастливого детства.

Внешне спокойно-сдержанное повествование. Но многочисленные детали-находки, неповторимые пейзажи сибирской природы, язык, живой, образный и остроумный; доверительная интонация придаёт ему особые краски. «Первый снег в разведку пошёл», «время остановилось, как мёд, которому некуда течь», «опрятная зима», «общенародный репродуктор», «на маленьком пространстве души», «живая смерть скошенной травы», «мамин дождь», «дождь – молитва природы», «одомашненный велосипед», «прошлое беззвучно», «с опальным сердцем», «чайки кричат капризно, как дети», «каждый русский мужик стихийно гениален, а с виду простота деревенская», «нескончаемость времени», «сколько в нас чужих жизней, сколько наших в других», «оглянись в счастье!»...

«Голос Омельчука» хочется слушать. Потому что он точен, богат, разнообразен. Потому что интересно.

Его рассказы «Старый умывальник», «На брёвнах», «Сенокос на Кривой луке», «Музыка из окна», «Ерёминские караси», «Богомаз Герасимов», «Пароход» и другие воспринимаются как основа романа, а короткие, эскизные заметки о сибирской природе и раздумья о прошлом – как живописные вставки.

Вот и то поэтическое наблюдение, которое мы вынесли в заголовок, родилось у Омельчука тоже в детские годы. Он знал, не мог не знать, что в тайге не бывает горизонта, а на всемирно известных Васюганских болотах нет эха. Он вырос в таёжном краю, где горизонт не виден, и это явно не справедливое природное явление. Повзрослев и помудрев, он переосмыслил по-своему: у Родины нет горизонта, потому что она не измеряется ни по вертикали, ни по горизонтали. Духовно она необъятна.

На одной из страниц книги слышим: «А вот церкви в Могочино не было»... И то ли осуждение минувшего бытия, то ли печаль глубокая в авторском голосе скопилась...

Уже взрослым приезжая на родину, Омельчук замечает всё: как и чем живут сельчане, его друзья, его любимая девушка... Радует: появилась церковь! И не одна! Дело в том (добавим от себя), что в 1989 году иеромонахом Иоанном (Луговских) и монахиней Ириной (Селивёрстовой) основан Могочинский Свято-Никольский женский монастырь. Основанием послужило то, что сами жители создали православную общину святителя Николая Мирликийского и возвели две церкви: святителя Николая (1991) и Покрова Божией Матери (2001). Построили трёхэтажные монастырские здания, гостиницу, школу, здесь есть богадельня для престарелых и приют для детей-сирот, а трапезная кормит до пятисот человек каждый день. Паломники со всей Сибири стремятся в Могочино: монастырь знаменит на всю страну! Он истово исполняет миссию духовно-нравственного оздоровления общества. В 12 километрах от Могочино строится Преображенский мужской монастырь.

Анатолий Омельчук тоже трудится на «кочковатой кошенине» духовно-нравственного оздоровления общества. И как гражданин, и как журналист, и как писатель. Он, по его признанию, «издавший четыре десятка книг и даже «Книгу слов», всё же устный писатель. Писатель на слух. Прежде чем написать, сначала слово (глагол, существительное, наречие, прилагательное, подлежащее, сказуемое) произношу. Пробую на слух. Слышу слово. Первым приходит звук. Звучащее слово».

Согласимся: Звук первобытнее, древнее Слова.

Но соглашаемся, что «буква тленна, голос бессмертен». (Сам же автор горевал, что «прошлое беззвучно», что гениальный Паганини «известен только по свидетельским показаниям», так как его исполнительский дар не запечатлён, не сохранился; «только вера! Вера объединяет искусство и Бога»).

Сомневаемся, что «голос остаётся в бессмертном космосе». Но признаём: красивая поэтическая версия!

Однако вернёмся ко второму диску «Реки...».

Помимо главной, на наш взгляд, «романной приметы»: глубины времени, широкого его охвата, в «Реке...» есть и другие, немаловажные достоинства. Прежде всего – герои, переплетённые невидимой цепочкой всевозможных встреч и расставаний, историй и судеб. Их много, и они очень разные. И что очень важно – живые. Перебирая «воспоминаний инвентарь», автор, точнее, лирический герой, не пропускает никого – ни случайных встречных, ни тех «пьяных, кого Бог подбирает», ни известных личностей. «Интервью с Богом», Богданов из «Сургутнефтегега», Лев Рябов, художник Бахлыков, «неземная красота» Садыкова, Юрий Петрович, Евгений Шерман, «Сауна Стрижова» («На севере я две пятилетки, а в партийной и комсомольской бане не парился»). Но вот побывал у Стрижова – добавим за автора, и почувствовал, что находится на партийно-хозяйственном собрании нефтяников, которые говорили только о работе), «Обед с президентом» в Надыме, творец селькупского алфавита Екатерина Дмитриевна Прокофьева, ненецкий писатель «гениальный Леонид Лапцуй», китаянка И Ван... Невозможно упомянуть всех, кто задержал нашу «слушательское» внимание, взволновал, заставил вновь возвращаться к услышанному!

«Осень Патриарха». Одна из лучших страниц романа. Проникновенная. Чистая. О Валентине Григорьевиче Распутине, русском классике, патриоте

Сибири. Патриарх литературы. «Высокий, но не согбенный», «мужество смирения», «окончательное одиночество»... Но как же теперь литература будет жить без Патриарха?! «Книжная безотцовщина»?! Нет! «Литература формирует человечество. Литература бессмертна!».

И далее – о литературе же. «Апельсины из Марокко», «Призраки поколения» (умер Василий Аксёнов, кумир, но не классик), неподражаемый Андрей Платонов...

«День истины» 19 августа 1991-го. Беда – это непонимание. Страх. Чёрный ход истории. «Женщины рыдали, тянули руки...». Жутко боялся за участь Родины и родных. Нефтяные генералы присягнули ГКЧП. «И ни одного ответственного на всю страну!» Власть лучше безвластия. А смирение – шаг к истине.

Согласимся: непонимание – это беды. «Друга нет – но есть друзья, нет любви, но есть подружки» и «рука – знак разлуки», и «подешевела любовь»... Разрыв времён.

В устной книге появился вдруг интересный гость: рассказ для себя. Мы поняли его так: весь роман – это для нас, слушателей-читателей, а есть ещё вставки «для себя». Эгоистично, зато любопытно. «Венецианская ночь», «Бунт женщины»... Последнее (о Марине Цветаевой) – интересно, сильно. И вывод: поэзия может иметь одно имя: Марина или Анна (если это Ахматова). А Елабугу жалко... За что ей-то, милому и скромному городку, такая горькая всемирная слава?

Хороших рассказов, больших и крохотных (меньше минуты) в книге много: «Неволька», «Река Печалька, малая река, печаль большая ей не по карману...», «Пьяный аристократ Норильск», «Погибели», «Водка для бога», «Коммунизм эмигранта», «Несостоявшаяся не встреча», «Рудольф. Селькупская тайга», «Пять минут», «Тайные связи», «Пригоршня океана»...

Интересен и нов (для нас, например) весь цикл «Северных рассказов». В них живёт правда, испытанная биографией автора, любовь к этой настоящему суровой земле.

«На каждой странице – неразделённая любовь. Впрочем, и разделённая тоже. Сказано же, Бог пьяных любит, – предупреждает автор перед тем, как прозвучат первые аккорды бессмертного «Сентиментального вальса» Чайковского. И дальше, не в силах совладать с присущим ему стремлением к парадоксальности и иронии, автор добавляет: «О частях речи. Всегда предполагал, что женщина – прилагательное к мужчине. Нужно прожить семь десятков лет, чтобы наконец-то! уразуметь: прилагательное – мужчина».

Стихов о любви в книге – целый континент. «Ты – музыка», «Она не полюбит тебя», – сказала Дельфийская пифия», «Сколько счастья подобного чуду», «По-другому любить не умею», «Я целую твой голос», «Ниспадающий дождь доброты», «Вкус жизни», «Любовь – война, прекрасная война», «Отпусти моё сердце – больно...», «Поцелованный Богом», «Пью и плачу», «Звезда Мама»...

«Попытка поэзии», как скромно говорит о своём творчестве Анатолий Омельчук, размещённая в «Книге стихов» (третий диск), удалась. И авторское чтение удалось.

Очень уместен в книге соавтор «Реки...» музыка. Волшебное впечатление. Особенно когда вдруг вступает в разговор «о смыслах» («смысл жизни – сама жизнь, а смысл смерти – Гефсиманский сад – предисловие предательства»...) замечательный голос певца Владимира Миллера. Его «Рябина» неповторима. И весь концерт, на котором прозвучали родные и

любимые песни – от «Под окном черёмуха колышется» до «Морзянки», где «четвёртый день пурга качается над Диксоном, но ты об этом лучше песню расспроси...», замечательный и волнующий.

Четвёртый диск знакомит нас с песнями на слова Анатолия Омельчука. Музыка к ним написала Людмила Дюрягина. Она же проникновенно исполнила их. Получилась музыкальная композиция, эмоционально расширяющая диапазон книги и удачно завершающая её. Слова и музыка так тесно связаны, что кажется, одна песня – и музыкально и поэтически – перетекает в другую, дополняет её, и мы слушаем уже не отдельные песни, а нечто большое, сложное и единое. Тоже роман, но песенный. Роман в романе...

– И что? – спросите вы. – Всё в этой авто-аудио-книге содержательно и совершенно? Неужели в ней нет слабых мест, на которые следовало бы указать автору в заключение?

– Ну конечно есть, – отвечаем мы. – Но не это главное. Главное, что сибирский роман Анатолия Омельчука состоялся. Таков вот необычный, непричёсанный, многомерный, экспериментальный, интересный. Читайте-слушайте. Размышляйте.

Валентин КУРБАТОВ

Козырный век, козырные сердца. Замешательство

Какое счастье – есть книги, на которые невозможно написать рецензию! Они открыты, даже распахнуты, и вместе замкнуты. Им нужны все мы, и им достаточно себя. Они нетерпеливы и не слушают мудрого старика Козьму Пруткову, предупреждавшего, что «нельзя объять необъятного». Как нельзя? Почему, если душа просит? Когда и знаки препинания – подлинно только знаки препинания, остановки, а не желанного полёта жизни.

Я с печальной улыбкой вспоминаю, как сдавал в 1984-м в «Советском писателе» свою книжку о Пришвине и просил у издателей и редактора, чтобы к концу книги постепенно стали теряться эти самые знаки препинания, потом союзы и предлоги, а там и целые слова, пока читатель не обнаруживал себя в поле и видел, как уходят от него два старых человека, которые уже так и звали себя как «мы с тобой», взявшись за руки, и по рукаву одного из них ползёт божья коровка, которая переползает на руку читателя, и он улыбается и машет, машет старым влюблённым и сам чувствует себя счастливым.

Редактор только внимательно посмотрел на меня и, боюсь, за моей спиной повертел пальцем у виска. А сейчас я показал бы ироническим издателям книги Анатолия Омельчука «Дирижёр дождя» и «Козырный век» и только сказал бы: «Вот!» Потому что там текстом становятся фотографии и рисунки, шрифты и поля, цвет и, кажется, даже звук. И совсем недалеко до того, чтобы читатель очнулся в поле.

Автор часто сетует в обеих книгах, что нет литературной критики, без которой нет и истории литературы. Его смущает, что так можно всю жизнь пробыть со своими книгами на виду, а будто тебя и не было, потому что нет шкалы, системы отсчёта, твёрдого места, чтобы ты мог прописаться в бессмертии. Он смеётся над собой, но печалится о нас, потому что и нам не за что ухватиться, чтобы построить в душе ясный мир, найти точку опоры, без которой Архимед не мог перевернуть землю. Нам бы уж не перевернуть, а хоть удержать. А вот, оказывается, что и переверот, и удержание в родстве и друг без друга не живут.

И вот эти чудо-книги, такие своевольные и самодостаточные, жалуются и бьются, просят приюта, ликуют в свободе и тайно ищут, чтобы их кто-нибудь связал, но связал с правом это сделать. Не от деспотии, а от сознания любви и единства. «Уйди, критик, богослов недоделанный!». Уйду, уйду сейчас, только ведь историю такой вольной литературы не напишешь. Вырвется она от всех Белинских и Добролюбовых. Даже и храбрые Писаревы перед такой волей спасуют. Предшественники Омельчука в этой свободе – Василий Розанов и, скажем, нынешний Дмитрий Галковский всё-таки ещё держались в классическом тексте и до «чёрного квадрата» в слове не доходили.

Меня «Чёрный квадрат» всегда смущал, так что я, различая для себя понятия «культура» и «искусство», для наглядности говорил, что икона – это культура, а «Чёрный квадрат» – искусство. А вот теперь по «Дирижёру дождя» увидел, что и «квадрат» – печаль и ирония, свобода и неволя. Когда время протекает сквозь пальцы и вот-вот уйдёт для тебя

вовсе, а ты всё не можешь подтвердить своего существования перед Богом. И стоишь перед книгой с изумлением, видя, что она нарочито искушает тебя, провоцирует, восхищает, раздражает, заводит, что она напоминает тебе, что читатель – редкое искусство и обязывает тебя слышать писателя как непрерывного собеседника, порознь вы не существуете.

Автору Богом дан дар неисчерпаемый, и Омельчук тратит его безоглядно – в тексте, на радио, телевидении, не просто выпрашивая великих людей, блестящих писателей, мудрых историков, попадающихся на пути, а прямо «накидываясь» на них, чтобы выведать всё о родной Сибири, о них, о самом себе (которого он тоже видит как будто со стороны, дивясь раскидистости и глубине), чтобы ухватиться за самое сердце жизни. Почему он и предпочитает художников земли и травы, облаков и рек, которые пытались назвать землю впервые, прорывая немоту мира высоким косноязычием, когда слово только-только лепится из глины мира, как у Николая Заболоцкого, Андрея Платонова, Ксении Некрасовой. Он и сам всякое слово десять раз повернёт к свету. Сам себе и пушкинский Скупой («Седьмой сундук, сундук ещё не полный, горсть золота накопленного всыпать»), и сын Скупого («Безумец, расточитель молодой, развратников разгульных собеседник»).

Подлинно собиратель и расточитель вместе, торопящийся всё претворить в слово, раскинуть улавливающую сеть на весь белый свет, так что и каждая страница на полях названа отдельно, как безумное оглавление:

фурия нежности
оседлый кочевник
белый азиат
огонь занудства
гениальность бреда
абзац блаженства

И тут же пустит весёлый ряд узнаваемых цитат так же в столбик, без подписи, врассыпную, чтобы проверить нашу памятьливость: где тут Пушкин, Вознесенский, Вийон, Омельчук – вот так, улыбнувшись, себя в общем ряду. А что?

С кем, думаю, сравнить? Да с Ермаком Тимофеичем! Так усвоил Анатолий Константинович Сибирь русской литературе и европейскому сознанию. Второй раз присоединил. Последний, кто посидел не только «на диком берегу Иртыша», но и Оби, Катуни, Бии, Тобола, чтобы переманить в Сибирь Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова и увидеть их так свежо и ново, что поневоле подумаешь, что и душа писателя в холоде сохраняется лучше, чем в нашем разрушающем благополучии.

И вот что значит по-настоящему открытая книга: я там и там вижу себя, будто в зеркало гляжусь – только я-то скрытен, неудобно про себя так открыто. И сейчас не решусь, но как благодарен – значит, я не один такой и можно не прятаться.

Эти книги уже не закроешь. Он не зря отказался от точки как знака препинания. Разве в жизни есть точка, пока мы живы? И пусть они длятся, мучают, смущают и восхищают. Значит, Сибирь ещё только открывается и нам ещё жить и жить!

Эдуард АНАШКИН

Через тайгу – к человеку

Охота пуще неволи, но при этом не всякий, кто родится, в охотники годится, потому что закон – тайга, медведь – хозяин. К охоте у нашего народа отношение двоякое. С одной стороны, охотников-промысловиков очень уважают. С другой – известный сибирский прозаик (и он же охотник-промысловик, за плечами которого почти двадцать охотничьих сезонов) Анатолий Кондауров порой слышит на своих творческих встречах с читателями: «А вам не жаль убивать животных?». На что Анатолий отвечает как охотник, уточняя как писатель: «Охотники не убивают, а добывают, вступая в единоборство со зверем, находящимся на свободе в привычной стихии. Чтобы добыть зверя, надо знать его повадки, уметь его обхитрить...». И задаёт читателям встречный вопрос: «Я на подворье даже курицу зарубить не могу. Но ведь многие режут кур, гусей и другую домашнюю живность, и у них не возникает мысли, что убивать животных жестоко...».

В этих словах писателя и охотника – философия, которую с полным основанием можно назвать таёжным кодексом. Об этом негласном и неписаном кодексе Анатолий Кондауров написал одну из своих новых повестей, вошедшую в его книгу прозы «Чистый чёрный цвет», которая вышла в Екатеринбурге.

Это шестая книга автора, и вот как сам он поясняет весьма необычное название книги: «Физики утверждают, что чистого чёрного цвета в природе не существует. Может быть. Но его и через него могут видеть люди простые, с удивительно чистой душой... Мой герой (а скорее – его прототип) здравствует и по сей день. Время присутствовало его кряжистую фигуру, утяжелило шаг, всё чаще на его глаза набегают слеза и туманится выветренный сибирскими морозами взор. Иногда его можно увидеть у Иртышской заводи – там, за высоким песчаным мысом...». А я от себя добавлю, что не физикам учить охотника тому, что существует в природе, а что нет!

Главный герой повести «Таёжный кодекс» – Фёдор Алексеевич Скатов, или в обиходе Скат. В его эпическом колоритном облике угадывается образ коренного сибиряка. А каждый сибиряк – охотник, если не профессиональный – промысловик, то любитель – уж непременно. Охотничье призвание даже профессией не всегда назвать можно, это именно призвание, как литература. Ведь не только человек выбирает тайгу, но и тайга в свою очередь выбирает (или отвергает) человека.

Фёдора Скатова сотворила (иного слова не подобрать) Её Величество Тайга. А он один из творцов таёжного кодекса, которому неукоснительно следует даже в ситуациях, когда хотелось бы его нарушить. Многолетний опыт лесной жизни и общения с природой вырабатывает в человеке ту несуетность и привычку к одиночеству, которая позволяет чаще заглядывать в недра собственной души. А часто ли есть такая возможность у горожан, живущих в перенаселённых городских «муравейниках»?

Потому современный читатель, уставший от броуновского движения городской движухи, так неодолимо подпадает под несуетное обаяние кондауровской прозы, где за внешней таёжной экзотикой проступает, словно

водяной знак подлинности, то главное, ради чего, собственно, человек и приходит в этот мир. Умение услышать свою душу, общаться с ней, вырастить её, не размениваясь на обольщения городского, комфортного, быть может, для тела, но никак не для души быта. В тайге нет быта, в ней всё имеет отсвет бытия – общение с огнём костра, со зверьём, сотворение ночлега, словно Ноева ковчега, общение с человеком, каждая встреча с которым в таёжной тиши – событие нерядовое.

В чём беда современных молодых писателей? Совсем не в отсутствии литературных навыков, беда в отсутствии судьбы, пульсации жизни в их произведениях. Ведь жизнь, по меткому определению великого каторжника России Фёдора Михайловича Достоевского – не то, что вокруг нас. Жизнь – то, что происходит в каждом из нас, в нашей душе. Насколько душа полна веры в мир, что способна распахнуться другой душе? Такая распахнутость и доверительность в современной жизни стали не просто редкостью, но воспринимается порой как опасность. Закрытость каждого из нас порождает общество одиночества в толпе. В то время как в тайге человек, как ни странно, перестаёт быть одиноким, становясь частью природы и сыном тайги...

Тайга и таёжники в отличие от людей города не терпят пустого многословия. Умеют хранить и слушать молчание. Своё отношение к многословию города Скотт выражает уже в самом начале повести, когда говорит говорливому водителю-попутчику, обсуждающему политические новости: «...Многие о политике знают немного, только немногие знают много, я же не знаю ничего...». И водитель ошарашенно замолкает, понимая, что сидящий рядом человек не будет разменивать золото молчания на звон серебряных словес...

Анатолий Кондауров знакомит нас с колоритными жителями тайги, в которых угадываются почти добиблейские типажи. Дед Феоктистыч, похожий на доброго и мудрого лешего, хранителя лесных тайн. Молодая охотница-таёжница Марья, любовь которой Скотт вынужден отвергнуть, следуя таёжному кодексу. Охотничий пёс Мазай, которого Скотт уже считал погибшим после схватки с медведем-шатуном, вдруг оказывается сильнее смерти и возвращается к своей хозяйке Марье... Похожий на призрака, которого никто не видел, но многие о нём говорят «человек-сквозняк». Медведь-шатун, словно языческий бог Велес, вышедший на тропу охоты... Это, пожалуй, все персонажи повести, в которой нет перенаселения героями вроде «коммуналок» современной городской прозы.

Литературовед скажет, что проза Анатолия Кондаурова – экзистенциальная. А мы, читатели, скажем спасибо автору, что мастерски сумел не увязнуть в массовке персонажей, обошёлся минимумом, как полагается таёжному человеку, но при этом развернул перед нами полную картину жизни, которую хочется, словно целительный терпкий таёжный воздух, вдохнуть полной грудью. Главной героиней почти всех произведений Анатолия Кондаурова является тайга, неожиданная и непостижимая, как жизнь, и неминуемая, как судьба.

Будущий писатель и охотник родился в селе Чистоозёрном Новосибирской области. Отец Анатолия преподаватель техникума по профессии, а по призванию охотник. Хранил как зеницу ока немецкое старинное ружьё, берёг его как охотничий талисман. Как в 1942 году отца призвали на фронт (Толя был тогда совсем маленьким), так больше мальчик отца не видел. Отец воевал геройски, свидетельство тому – медаль «За отвагу»,

ордена Славы третьей степени и Красной Звезды. Но живым прийти с войны отцу будущего писателя не довелось – он погиб в Польше в 1944 году, где и похоронен.

Мать Анатолия вышла замуж второй раз, появились другие дети, старшему сыну родители много внимания оказывать не могли, занятые воспитанием малышей. И случилось то, что случилось – затянула парня уличная жизнь, подружился со шпаной... Романтика уличного детства... Кто из нас, мальчишек послевоенного поколения, миновал её? Однако ныне Анатолий Кондауров ничуть не жалеет о навыках сурового, но честного общения со сверстниками, которые получил в детстве. Не разгодились ему эти навыки в жизни, в том числе на охотничьих таёжных тропах. Да и шпана-то в те времена была своеобразная – это были дети не пришедших с войны фронтовиков, а вовсе не пресыщенные отпрыски олигархов и прочие с жиру бесящиеся мажоры. Вместе со сверстниками Анатолий увлёкся боксом настолько, что не просто провёл 112 боев, но стал мастером спорта по боксу.

От отца в наследство досталась Толе любовь к охоте. А вот старинное отцовское в ружьё наследство парню не перешло, проданное матерью по причине безденежья... В 15 лет Анатолий Кондауров получил охотничий билет. А спустя несколько лет был призван в армию в Забайкальский военный округ. Так что мы с Анатолием дважды земляки. Оба сибиряки – это раз. И оба служили в легендарной Даурии, хотя и в разное время – это два. Служба в армии привела Анатолия в литературу. Началось всё с очерков в окружную газету, выходившую в Чите. После службы в армии поступил в Свердловский юридический институт, по окончании которого был направлен в старинный город Тобольск, древнюю столицу Сибири. Служил начальником отдела в правоохранительных органах, имел адвокатскую практику, работал в нефтяной промышленности. Познал жизнь городскую, но видимо, однажды понял, что главная жизнь вовсе не в телесной суеде города.

Спрашиваю его, почему он всё-таки выбрал тайгу. Задумывается на минуту и говорит: «Отцовская наследственность, видимо, сказалась...». Но потом выясняется, что ушёл Анатолий Кондауров в тайгу во многом как в некую духовную эмиграцию в лихие девяностые. Тогда многие эмигрировали – кто в прямом смысле слова, за границу, кто-то в стакан с водкой, кто-то в бизнес... А Анатолий Кондауров ушел в тайгу – к зверям от людей.

Невмоготу стало видеть, что во многом люди потеряли человеческое обличье и превратились в зверей. И на поверку выходило, что звери-то оказались честнее людей и более, как это ни странно звучит, человечнее. Специфика таёжной эмиграции Кондаурова в том, что в отличие от других эмигрантов, кто поехал в поисках лучшей жизни за пределы России, Анатолий таёжными опасными тропами вышел на тот пласт духовной жизни исконной России, на котором произросло русское древо наших предков.

Тайга увела Кондаурова от толкущихся в городе людей, но вывела к Человеку в самом изначальном смысле этого слова. Но это будет потом, а впервые Анатолий попал на охоту на глухарей на Чёртовы озера рядом с батюшкой Енисеем, а чуть позже стал охотником, промышляющим соболя...

Анатолий Алексеевич Кондауров привнёс в русскую прозу то, чего в последнее время так ей недостаёт. Уходят выдающиеся прозаики,

талантливые люди непростых судеб, а молодым писателям часто не хватает той почвы, из которой произрастает литература. А если у писателя нет биографии, даже талант ему не поможет.

Писателей-охотников в русской литературе не так много. Но каждый из них несёт нам на страницах своих книг огромный мир, не похожий ни на какие другие миры. Аксаков, Тургенев, Михаил Тарковский, Анатолий Кондауров... Радует, что его произведения печатаются во многих журналах и газетах – «Охота и охотхозяйство», «Уральский следопыт», «Врата Сибири», «Огни Кузбасса», «Тобольская правда»... Но фирменный стиль Анатолия Кондаурова не только в богатой и колоритной типажности. Под стать этому богатству язык Кондаурова. То сибирский неторопливый, то искристо меткий, в котором задор русского народа переплетён с поэтической образностью.

Кондауров как истинный словотворец оживляет природу в каждом своём произведении. И что самое ценное в языке этого писателя, он понятен любому жителю России безо всяких словарей. Слова, даже самые забытые и древние, поставлены в предельно точный контекст и благодаря этому начинают играть новыми красками образности и современной актуальности. Эти редкие слова сами себя поясняют безо всяких словарей, обогащая словарный запас читателя и побуждая его снова и снова восхищаться красотой русского языка.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Альбина КУЗЬМИНА

ЗАМОЛВЛЮ СЛОВО О МОЁМ НАРОДЕ, ИЛИ САГА О ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Югре 900 лет со времени первой достоверно известной фиксации упоминания в русской летописи. К юбилею приурочен научно-просветительский проект «Многовековая Югра», старт которому дан губернатором Натальей Комаровой. Мне представилась возможность вынести на обозрение людей те чаяния и мысли, которые много лет роились в моей голове. Многовековая Югра – как исторический центр России, где гармонично проживают многонациональные народы, я и хотела замолвить слово...

Путь непроходим: но чудо, диво дивное...

Когда бы кто в какие годы и века ни бывал в Сибирском крае, кто не исходил его дорог, кто не искал с ним встреч и не желал бы знать его историю, тот не знает ценности своей родине. На волнах памяти окунаюсь в глубь веков, проникаясь в сокровенные строки, написанные в 90-х годах. Это книга «На священных берегах Ваха», написанная совместно с нашей замечательной югорской писательницей М.К. Анисимковой, которой кстати, нынче земной мир отметил 90 лет. Сегодня вновь будто кто-то толкает меня обратиться к истории, и я с удовольствием открываю неизведанные мною, словно из глубины веков, заповедные представления – картины древней жизни наших сородичей. За давностью лет и веков, отсутствием древних архивов, новых археологических раскопок, разрозненностью учёных в этом вопросе я могу ошибаться, но всё же мне видится так.

Тысячи лет назад пришли сюда и покорили суровый север наши братья, прародичи современных ханты и манси, обжились на берегах Оби, укоренились, породнились. Примерно в IX веке н.э. при переселении народов часть племён двинулась на запад и поселилась на Дунае, где и обосновались предки венгров, другая часть нашла пристанище на свободных территориях, где также произошло заселение. Так вышло, что венгры, ханты, манси, коми и финны – родственные по происхождению народы, четыре тысячи лет говорили на одном языке, их общее этническое имя – угры. Конечно, можно найти множество версий, как шло переселение народов Сибири, но у нас другая задача. «Повесть временных лет», сохранившаяся в Российском государственном архиве древних актов, имеет упоминание о земле Югорской, датированное 1096 годом. Безусловно одно: как и Шёлковый путь, поход новгородцев за данью преследовал не только поиск новых земель, развитие торговых путей, но и жажду наживы. «Югра же есть люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в полуночных странах. Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше... есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор... Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них».

Русские познакомились с коренным аборигенным населением в глубокой древности, когда о самоедах-ненцах летописи поведали еще в 1114 году, о вогулах – манси – в 1136-м. Издавна на Руси объединения хантыйских

и мансийских племён называли княжествами. Знаменитая рукопись «Повесть временных лет», датируемая 1096 годом, содержит факт первого упоминания о Югре. «Новгородская первая летопись младшего извода» в 1193 году уже повествует о полновесных югорских княжествах. Археологические памятники более ранних культур Югры также говорят, что расселение людей проходило девять тысяч лет назад. Анализ обско-угорских легенд позволяет определить примерное время появления югорских княжеств – XII–XIII века.

Имя своё...

Как писал С.В. Бахрушин: «Первоначально имя «Югра» присваивалось только народу: «Югра же людье есть...». Позже оно было приурочено к определённой географической территории, а именно к бассейну притока реки Оби - Сосьвы с Сыгвой. Наиболее точное положение Югорской земли зафиксировала «Книга большого чертежа», основываясь на источниках XVI века: «От устья Оби идут вверх Обдорские грады, а выше Обдорских градов Югорские, а выше Югорских градов Сибирь». После крещения коми-зырян Стефаном Пермским в конце XIV века и включения Перми Вычегодской в сферу влияния Московского великого княжества московские власти устремились к освоению Урала и Сибири, предпринимая ряд походов на Югру.

Первый поход состоялся в 1465 году: великий князь Иван III послал в Югорскую землю воевать. В Москву были привезены пленные югорские князья Калпак и Терчик, которых Иван III отпустил править своими княжествами, наложив на них ежегодную «дань соболиную». В 1481 году Перми Великой пришлось обороняться от вогуличей, которых возглавлял князь Асыка. При помощи устюжан Перми удалось в 1483 году совершить поход в Югру на непокорных вогуличей.

Экспедицию организовали с размахом: под командованием великокняжеских воевод князя Фёдора Курбского Чёрного и Ивана Салтыка-Травина были собраны силы со всех северных земель страны. В результате успешного похода властям Московского государства подчинились князья обширного района, населённого преимущественно татарами, вогуличами и остяками. С помощью пермского епископа Фолофея проведены переговоры в Усть-Выми и Москве, и в 1485 году заключен мирный договор с обязательством югорских князей платить дань.

Поход русских войск на Югру в 1499–1500 годах считается присоединением Югры к Москве. По завещанию великого князя Ивана III 1504 года Югра предназначается его старшему сыну Василию (то есть входит в основную территорию великого княжества). Югра также упоминается в завещании царя Ивана Грозного 1572 года наследнику престола и государства царевичу Ивану Ивановичу. Так, в недавно введённой в научный оборот летописной записи в Псалтыри, переписанной на нижней Вычегде на погосте Лена в 1517 году, содержится известие о походе на Югру известных московских великокняжеских воевод князей И.Т. Оболенского и А.Ф. Пестрикова.

Так, название Югорской земли было включено в царский титул, составлен специальный герб, вошедший в герб Российского царства, а затем Российской империи. Впервые в 1577 году на государственной печати появилась отдельная эмблема с изображением хищного зверя, стоящего на задних лапах, с текстом «Печать Югорская». В наиболее известном источнике русских земельных гербов – Титулярнике 1672 года герб Югорский представлен в виде выходящих из облаков двух рук, держащих перекрещивающиеся копьё.

Далее исторические события Югорской земли, введённой в состав России, развивались по спирали уже своим чередом. Вхождение Сибири в состав России считалось большим историческим значением для судеб коренных народов.

Князцы и княжества

Во главе объединений коренных жителей, как ни удивительно, имелись княжества, где так называемые князьки, князцы передавали власть по наследству от отца к сыну, от старшего сына к младшему. Князцы имели постоянные военные дружины, могли собирать военное ополчение. Центром княжества считались городки, которые были укреплены бревенчатым частоколом, валом или рвом. Князцы вели частые войны друг с другом, получая с побеждённых дань, захватывая имущество, людей, воруя невест.

Наиболее крупное княжество манси – Пелымское, расположенное в бассейне рек Пелыма, Конды, Тавды, с центром княжества у места слияния Пелыма и Конды. Ляпинское мансийское объединение находилось в бассейне реки Ляпин, низовье Северной Сосьвы, низовьях реки Сыни, столица княжества городок Куноват князца Гугуя. В Сибири множество угорских княжеств объединялось под властью сильнейших, первым из которых была Кода.

Кодское хантыйское княжество – самое большое, во главе с династией Алачёвых объединила 13 городков. Центр княжества – Кодский городок, Кода, бывший Кондинск, а ныне Октябрьское, где воссоздан великолепный бывший когда-то Кодский монастырь. Именно на Кодское княжество сделала ставку Россия. Известные княжеские городки Обдорское в Полновате, Казымское в Казыме, князца Демьяна на реке Демьянке, княжество Бардака в Сургуте. По указу царскому велено было ставить город в местечке Сургут, где княжил хантыйский князь Бардак, чья власть распространялась на всех живущих в Сургутском уезде. В 1594 году на его территории поставлен город Сургут.

Какова была древняя жизнь северных народов? Сохранившиеся до нашего времени крупницы документов говорят о том, что часты были войны. Остяцкие и вогульские князцы нападали друг на друга. В книге «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках» С.В. Бахрушин говорит о том, что в 1594 году вогульское Кондинское княжество ликвидировано русскими при содействии кодских остяков. Князец Игичей Алачёв совершил набег на владения князца Большой Конды Агая, и князь Агай со всем семейством, братом, дочерью и сыном Азыпкой взяты в плен. Люди постоянно жаловались на князца, что он разорял их имущество, жён и детей уводил к себе. Такие набеги часто случались в древние времена. Зато царь Фёдор I добавил себе титул: «Великий князь Югорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель». Все предначертанное судьбой коренным народам в Остяко-Вогульской стороне заставляло ханты и манси ещё больше сплотиться, передавать знания, традиции, сохранять языки, помнить сказы, легенды, мифы.

Отыскиваем ранние даты

Удивительно: чем больше обращаешься к истории родины, тем дальше она уводит тебя во времени, тем более неизведанные страницы являют тебе не то сказку, не то миф о прежней жизни на земле предков. Попробуем разобраться и отыскать более ранние даты.

Если «Повесть временных лет», сохранившаяся в Российском государственном архиве древних актов, имеет упоминание о земле Югорской, дати-

рованное 1096 годом, по рассказу записанного монахом Киево-Печерской лавры летописцем Нестором, то об юграх упомянуто также у Татищева, а в различных летописных списках есть указание о несчастном походе новгородцев к железным воротам – Уральским горам – ещё в 1032 году. Это одна из ранних дат того времени, когда новгородцы под предводительством Улеба предприняли поход к железным воротам, окончившийся неудачно, так как они были побеждены юграми, «...и вспять мало их возвратишася, но многи там погибоша». Также было сказано, что «в недавнее время в горах появился народ, языка которого они не понимали, но объяснялись с ними мимикой».

Неведомый этот народ, как видно, нуждался в металлических изделиях, но изобиловал рухлядью. По мнению Карамзина, важным для нашей истории является то, что россияне уже в XI веке бывали за хребтом гор Уральских и что сибирские народы выменивали в Югре железные орудия на шкуры.

Завоевательные походы в Югру случались в древние времена довольно часто, и поэтому оружие для остяков было необходимостью не только в охоте на живность, но и по защите территории. Так, если первые несколько упоминаний об юграх у Татищева указаны под 1032-м, занесены в Несторовой летописи под 1096-м, то уже в Ипатьевском списке летописи под 1114 годом следует, что новгородцы издавна имели сведения о богатстве Сибири разными пушными зверями, вследствие чего у них, как и у многих об этом знающих, естественно, явилось желание утвердить свою власть в этой местности и собрать с туземцев дань.

Так, в XII столетии предпринят ещё ряд походов на Югру, которые также не всегда оканчивались удачно для них, причём и дань, собиравшаяся ими с югров, называемая в летописях Югорщиною, поступала в казну тоже неаккуратно. Неоднократно новгородские сборщики дани «избиты были» как в Югории, так и в Печёре и Заволочи, причём около 1187 года «пали головы у ста доброименитых». Но слухи о несметных пушных богатствах «полуночных стран» вновь побуждали предприимчивых новгородских купцов к проникновению за Урал.

Не губите рабов своих...

«От какого же события отталкивается разработанный в Югре проект «Югра многовековая»? – спросит дотошный читатель. Наталья Владимировна Комарова, губернатор Югры, в одном из выступлений отметила, что в 2018 году исполнится 825 лет со времени возникновения первых югорских княжеств. Следовательно, от 1193 года. Именно в этом году предпринятый поход на Урал новгородцев под предводительством воеводы Ядрея с тем, чтобы (по догадке Лерберга) наказать Югру за участие, принятое в возмущении против притеснений, и принудить югров к уплате дани, оказался трагичным. Отряд завладел укрепленной местностью югорского князя и приступил к осаде, которая продолжалась пять недель.

Князь прислал к ним гонца с тем, чтобы сказать: «Мы собираем серебро, собольи меха и «узорочье», не губите рабов своих, а с ними своей дани». В то же время князь набирал войско, и изготоясь, пригласил в город воеводу с 12 знатнейшими особами, которые пришли и были побиты. Затем югорский князь пригласил ещё 30 человек из знатных новгородцев, вновь 50, и все они подверглись той же участи. В декабре 1193 года осаждённые напали на обессилевших новгородцев и почти всех их перебили. По крайней мере с середины XIII века, как видно из договорных грамот с князьями

(если нельзя установить времени более раннего), Югория уже была в числе Новгородских волостей почти до XIV века. С конца XIV века в борьбу с Великим Новгородом за обладание землями Югры вступает Великое княжество Московское.

Известно из Архангелогородской летописи: «Князь великий Иван III Васильевич посылает рать на вогульского князя Асыку, да в Югру, на Обь реку великую, а воеводы великого князя Фёдор Курбский Чёрной да Иван Иванович Салтыков-Травин, а с ними устюжане, вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки вели бой с вогуличами на устье реки Пельни, впадающей в Тобол. Вогуличей пало много, а князь вогульский Юмшан убежал, а воеводы великого князя оттоле пошли вниз мимо Тюмени в Сибирскую землю, воевали идучи, добра и полону взяли много, да от Сибири по Иртышу вниз на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей горских воевали и в полон вели».

В 1484 году побеждённые вогульские князья Юмшан и Калиа, сибирский князь Лятик, югорский князь Пыткей и знатнейший Югорский князь Молдан предстали перед великим князем, присягнули ему в верности, и он принял их в число своих подданных, наложил на них дань и, одарив, отпустил домой. Кстати, как замечает по этому поводу Лерберг, – знатнейший князь государем всея Сибирской земли, наверное, не был и также не принадлежал к роду монголо-татарских князей, владевших тогда сей страной, вероятно, был только старшиною обских остяков да зависел до сего от татар, а теперь принял русское подданство, в надежде, что отдалённое правительство не слишком строго будет взыскивать дань. Впервые название Сибирской земли встречается в русских летописях – временниках ещё под 1407 годом, это Тохтамыш, в княжение Дмитрия Донского разоривший Москву, был убит ханом Шадибеком в Сибирской земле. Возможно, что убит близ Тюмени, которую татары именовали Чинги-Турой.

Жалованные грамоты

К концу XVI века хантыйские и мансийские княжества были уничтожены, Югру постепенно завоевала Москва. Окончательное покорение всей Югорской земли свершилось после большого похода в 1499 году за Урал под предводительством князя Семёна Фёдоровича Курбского, князя Петра Фёдоровича Ушатого и Василия Ивановича Заболоцкого-Бражника. При великом князе Василии Ивановиче для управления обширными территориями из Югории были выделены значительные части: Обдорья с местностями по обеим сторонам нижней Оби, Кондия с землями по реке Конде, впадающей с левой стороны в Иртыш. Названия этих областей внесены в титул великого князя.

Древнейшая из жалованных грамот с титулом князя Кондинского и Обдорского относится к 1514 году (упомянутая в 1597 году царём Фёдором Ивановичем). Тогда под именем просто Югории стали разуметь места по Сысьве, Сосьве и около Берёзова.

Сургутская область считалась за особенную часть древней Югорской или Закамской земли, а южная Югория, простиравшаяся от Уральских гор до пределов прежней Перми и Вятки, названа теперь Тюменскою или Сибирскою областью, так как была некоторое время под властью тюменских и сибирских ханов.

С целью открыть новые торговые отношения с Китаем посредством Северного морского пути из Англии в 1553 году отправляются суда, которые должны достигнуть Новой Земли. Одно из них спаслось, высадившись на берег в устье Северной Двины, после чего капитан Ченслер, отправившись

в Москву, явился к Ивану Грозному, чтобы он даровал английской компании право торговли с Россией. Это было время, когда русские уже плавали для промыслов на мурманский берег, остров Шпицберген, Новую Землю, вели морскую торговлю с устьями Оби и Енисея, огибали полуостров Ямал, перетаскивали свои суда через волок между Карским морем и Обскою губою.

По свидетельству Карамзина, царь Иван IV Грозный в 1554 году именуется повелителем Сибири в грамоте к английскому королю Эдуарду VI.

Следуя Никоновской летописи, в Москву также являлись послы сибирского князя Едигера из рода Тайбуги, поздравляли царя с взятием царства Казанского и Астраханского и били челом князю всей Сибирской земли, чтобы он защищал от всех неприятелей. Царь наложил дань на чёрных людей, которых 30 700 человек в Сибирской земле насчитано, с тем чтобы дань платить в год по 1000 соболей, да посланнику царскому, который приедет, – 1000 белок. Отправил с послами Димитрия Непейцына, веля ему привести к присяге всю землю Сибирскую, переписать чёрных людей и взять с них всю дань сполна. Начинается период, когда «...учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю наложил впредь ежегод беспереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать...»

Начало новых открытий

Вот и случилось: ранние даты, указанные нами, обозначились. «Учёные Российской академии наук нашли в летописях более раннее упоминание о Югре. Таким образом, в 2018 году мы отметим не 825, а 900 лет Югре».

Уточним. Итак, изучив исторические летописи, академики РАН установили, что первое упоминание о земле Югорской в Несторовой летописи, сохранившееся в Российском государственном архиве древних актов, датируется 1096 годом. Летописный свод, куда вносили все исторические события и даты, создан лишь в 1118 году, где упоминаются имена реальных людей. Однако мы помним, что первое упоминание о юграх указано под 1032 годом. Мы не сбрасываем со счетов 1193-й и знаем, что эта дата – 825 лет со времени возникновения первых югорских княжеств.

Теперь, когда всё расставлено по местам, учёные примутся за исследование новгородских берестяных грамот, изучение археологических раскопок в более глубоких слоях древнего Югорского края, чтобы найти точное подтверждение историческим данным и доказать существование Югры со времени упоминания – 900 лет назад!

Утверждение о том, что с завоеванием Югры, а вернее, с покорением Московской Югорской земли уничтожены хантыйские и мансийские княжества, беру под сомнение. Так ли всё просто и были ли они вообще уничтожены? Начинается этот период, когда знатнейший югорский князь Молдан присягнул великому князю в верности: «...учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю наложил впредь ежегод беспереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать»... «Поскольку зависел до сего от татар, а теперь принял русское подданство, в надежде, что отдаленное правительство не слишком строго будет взysкивать дань». Из Югории для управления её обширными территориями – Обдории с местностями по обеим сторонам нижней Оби и Кондия с землями по реке Конде, впадающей с левой стороны в Иртыш, было введено правление: внести названия этих областей в титул великого князя. С этой поры в жалованной грамоте царя Федора Иоанновича указывается с 1514 года титул князя Кондинского и Обдорского. Иван IV Грозный в 1554 году уже именуется повелителем Сибири.

Народ, не похожий на татар...

Сибирь – старое название столицы Сибирского ханства, упоминаемое в русских источниках. Кашлык, Искер, Чимги-Тура – так называли завоёванную Тюмень сами татары. Кстати, процесс генеза сибирских татар за 300-летний период является сложным и до сих пор мало изученным, а этническую народность сибирских татар составляют тюркские племена, среди них аялы, курдаки, туралы, и даже смешение с местными жителями и угорскими народами.

Неспокойно было в Сибирском ханстве, его также раздирали междоусобные войны, за власть боролись выходцы местной знати тайбугины и чингисиды – потомки Чингисхана из династии Шейбанидов. Те и другие грабили соседей, захватывали пленников, продавали в рабство, взимали дань с покоренных угорских племен. Сибирское ханство не раз подчинялось силе Золотой Орды и имело границы по Оби с Пегой Ордой. Так русские называли объединение нарымских селькупов, поддерживавших сибирских ханов в их борьбе с русским влиянием.

Название Пегая Орда произошло из-из пёстрых звериных шкур, – одежды, которую они носили. В 1555 году Сибирское ханство с великой, но разорённой Тюменью все же признало вассальную зависимость от Руси и впоследствии все эти народы вошли в состав России. В трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкин говорит словами французского офицера, завербованного на службу в Москву: «Большая провинция... которую они называют империей или королевством Сибирским, полна лесов, чащ и болот, она ещё не полностью открыта; считают, что примыкает одной стороной к реке Оби... Там построили четыре города, в которых имеются гарнизоны, чтобы держать в повиновении народ, который весьма прост, маленького роста, внешне похож на татар...они носят длинные волосы...одеты в соболя мехом наружу».

Вхождение Сибири в состав России имело большое историческое значение для судеб всех коренных народов Сибири. Прежде всего это обмен культурными ценностями и экономическими достижениями. Русские принесли в Сибирь хлебопашество, которое до сих пор было незнакомо Сибири, поскольку хлеб в Сибири был на вес золота.

Вместе с тем когда царь Иван Грозный даровал право англичанам торговать с Россией, английские компании активно снаряжают экспедиции для открытия Северного морского пути. Однако дойдя до острова Вайгач, они встречают много судов и понимают, что морской путь уже открыт русскими. Вскоре англичане решаются определить возможность сухопутной торговли между Московским государством и Китаем. И это первоначальное непосредственное знакомство русских с Китаем, хотя пока и безрезультатное: к неизвестным властителям в Пекин «проведывать государства» посланы были атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев.

Пришло время Строгановых...

В 1558 году Аника Строганов послал в Москву своего сына Григория бить челом царю Грозному. Сказывали ему: «...ниже Великой Перми по реке Каме, по обе стороны до реки Чусовой лежат места пустынные... и эти земли не писаны ни у кого». Григорий Строганов просил дозволения поставить на этом месте городок, снабдив его пушками и пищальями для бережения от ногайских и других орд. На что был пожалован царём землями и правами со льготами от уплаты всякой дани на 20 лет. Также права и льготы

были пожалованы на 10 лет брату его Якову на земли от устья Чусовой вниз по Каме до Лозьвинского бору. Построили братья городок Канкор, во имя Преображения монастырь. Привилегии, пожалованные на 20 лет, налагали на Строгановых обязанность – оберегать инородцев и русских всельников от нападения со стороны ратных людей Кучума не только на Тоболе, но и на Иртыше, Оби и иных реках.

С марта 1569 года случаются первые сношения московского царя с сибирским ханом. Кучум твёрдо укрепился в Сибири, подчинив себе угров, остяков и вогуличей, данников московских, и запретил им платить дань русским, кроме как только в казну татарского правителя.

В Соликамском летописце имеется известие, что беспокойно в землях Кучума. Царевич Маметкул, сын Кучума, побил плативших царю дань остяков, полонил их жён и детей, побил царского посланника и ехавших с ним служилых татар. Но узнав от русских пленных о том, что русские ратные люди собрались в Чусовские городки, остановился за 5 верст до них и возвратился обратно.

В 1572 году «ходил воевать царя Кучума князь Афанасий Лыченицын, только без удачи; потерял много народу, всё пушки и зелье». Вследствие усилившихся жалоб на разбой Строгановым дозволено было на Тахчее и Тоболе строить крепости, а всельники на этих землях освобождались от всякой службы и повинностей.

Походы Ермака

Шли слухи, что происходят частые нападения на торговые суда, на служивых людей вольными людьми, называемыми себя казаками. Грозный выслал против разбойников большое число ратных людей. Некоторые казаки были изловлены и казнены, большая их часть разбежалась в разные стороны.

Ермак, прибыв во владения Строгановых, заручился их готовностью содействовать походу на Сибирь. Ермак начал готовиться и двинулся в первый свой поход в Сибирь речным путем, поплыв вверх по Чусовой, но не имея грамотного проводника, сбился с пути и ввиду наступивших морозов решил зимовать на реке Сылве. Кстати, местность, где пристал к берегу Ермак, до сих пор сохранила название Ермакова городища.

Весной он построил на месте стоянки часовню во имя святителя Николая. Оставив часть казаков, желавших поселиться тут, он возвратился к Строгановым, чтобы приготовиться более тщательно к походу в Сибирь. По Строгановской летописи значится, что Ермак с пятитысячной дружиной вступил во второй поход. Они спустились плотами по реке до Тагила и, пересев на струги, вышли в реку Туру. Тут, в Сибирской стране и встретились с сибиряками татарского князьца Епанчёю, имели первое удачное столкновение, и обратив их в бегство, овладели местностью Туринского округа и городищем Епанчиным (ныне Туринск).

Через несколько месяцев Ермак без особого сопротивления достиг татарского города Чинги-Туры (Тюмени). Перезимовав, дружина отправляется вниз. Двигаясь по Тоболу, каждый день имели столкновения то с Маметкулом и его воинством, который был разбит и бежал, то с остяками разбитого воинства его, а возле Долгоярского (Тобольского округа) после жаркой битвы знатного мурзы и думного советника Кучума ермаковцы остановились на 40-дневный пост.

Это послужило тому, что казаки при выходе из устья Тобола в битве с татарами, подкараулившими их, были все переранены. Ими всё же был занят городок Атик-мурзы. В это время пелымский князец со множеством

вогуличей, не согласный с владением русских, разорил строгановские поселения по Каме, сжёг несколько деревень, увёл в плен множество людей и держал в осаде один из строгановских городков. Это обстоятельство дало повод прислать на помощь войска.

Ермак же через несколько дней вынужден был продолжать поход. Решительная битва под Чувашской горою в Тоболе дружины Ермака с войсками царя Кучума окончательно решила господство русских за Уралом. Когда «остяки от Кучумова повеления отступили, и вогуличи тайно от Кучумова убежали», Кучум, захватив с собой богатства, родных и родственников, ушёл из городов, а именно Сибири (ныне городище в 16 верстах от Тобольска), Бицик-Туры (жёнин город, где ныне Панин бугор в Тобольске), Сузге-Туры (ныне Сузгунские юрты), Абалака и других, и бежал в Ишимскую степь.

«Прииде Ермак со товарищи во град Сибирь...»

26 октября 1581 года – знаменательный в истории Сибири день, когда Ермак свободно вступил в столицу Сибирского царства – Искер, или Сибирь как «полный господин его». Летопись Саввы Есипова вещает: «Во истине же люди на Бога уповаша и поидоша ко граду. Прииде же и Ермак со товарищи во град Сибирь в лето 7089 (1581) октября день 26, на память святого великомученика Димитрия Солунского, прославивша Бога, давшего им таковую победу на окаянных агарян...»

Явился к Ермаку через четыре дня первым остяцкий князь Бояр с дружиною, принеся с собою ясак и съестные припасы для казаков, которые стали вместе с тем дружить с ними, с остяцкими жёнами и девушками. Мало-помалу стали являться скрывавшиеся в окрестностях татары с семействами и размещаться в прежних своих юртах.

Приняли новое подданство и два вогульских князья: Ишбердей из Ескальбинских болот да Суклем с речки Суклема, впадающей в Тобол. Завоевательные походы в Югру часто случались и в древние времена. Помимо того что остяки воевали с неугомонными соседями – ненцами, в 1594 году вогульское Кондинское княжество попало под влияние при содействии самих же предателей остяков. Даже когда совершались походы новгородских дружин в Югорскую землю, были безуспешны попытки создания прочной вассальной зависимости Югры от Новгорода.

Здесь отдельный разговор – о многочисленных деятельных походах Ермака Тимофеевича, которого ныне почитают в Сибири, а памятник ему поставлен в Тобольске на высокой горе. Карамзин извещает, что царь принял посланцев, даровал полное прощение Ермаку и его товарищам, пожаловал казаков, покорителей Сибири, великим своим жалованьем. В числе царских подарков Ермаку назначены были дорогая шуба, серебряный под золотом ковш, два дорогих панциря да 100 рублей денег.

В Москве по поводу этого события звонили в колокола и пели благодарственные молебны.

Кстати, интересно, что отправленный в Москву пленный Маметкул сохранил титул сибирского царевича и состоял в русской службе полковым воеводой, а в 1590 году участвовал в шведском походе, в 1598-м находился в Серпухове с царём Борисом в ожидании нападения крымцев. Но это уже другая история...

Нарекли его богом...

Дальнейшая судьба Ермака известна. В мае 1583 года он отправляется в поход вниз по реке Оби, где покоряет Кодское княжество, городок Казым

(село Кондинское и Казымский остяцкий улус) и отправляется вверх по реке для покорения вогулов. Им взят Лабутинский городок (деревня Лабута в Тюменском округе). Летом 1584 года Ермак совершает последний перед смертью поход – вверх по Иртышу, для преследования Карачи и покорения тех татарских племен, которые ещё не признавали русской власти. В этом походе он покорил многие городки, но не встретив Карачи, решил возвратиться в Искер...

В ночь с 5 на 6 августа – кончина покорителя Сибири Ермака ввиду ложного известия, что по Иртышу идёт бухарский торговый караван, который задерживается Кучумом. Ермак с 50 казаками поплыл навстречу, но не встретившись, по возвращении обратно в бурную дождливую ночь с товарищами решил переночевать на безопасном островке неподалёку от устья Вагая. На Иртыше, там, где река, разделяясь надвое, течёт в одну сторону кривой излучиной, а в другую прямым когда-то выкопанным каналом, носящим название Ермаковой перекопи, он и почил.

По Строгановской летописи, он «убиен бысть, по другим – утопе, стараясь вплавь достигнуть лодки, но вместо того исчезнув в волнах Иртыша от тяжести надетого на него панциря – подарка Грозного-царя».

После, когда в Епанчинских юртах был обнаружен труп Ермака, начались издевательства врагов, продолжавшиеся, по словам летописца, шесть недель, но вместе с тем появились рассказы о чудовидениях и болезни-исцелениях. Истреблённое тело покорителя Сибири татары зарыли сначала на Бегишевом кладбище, но чудеса не прекращались, и Ермака похоронили вторично, уже в неизвестном месте, – «нарекоши его богом», как повествует об этом Ремезов.

От устья Иртыша – вверх по Оби, или Как остяки с верховьев Ваха проникали для промыслов на Таз...

Да, остяки, соглашаясь с Ермаком, подчинились и платили дань Москве. Кодскому остяцкому князю Алачу поручено было управление всем краем, владения которого раскинулись от верховьев Оби до устья Иртыша, от Самарова до Сумгу-Вош (ныне Берёзово), и частично займка в Ишимских землях, – вступил он в союзнический договор. Правитель же Пегой Орды, племенного объединения селькупов в Среднем Приобье Воня ещё в 1596 году вступил в переговоры в союз с Кучумом, не склонным идти навстречу предложениям царских воевод о переходе в русское подданство. Против Вони выступил тогда целый отряд. Построенный близ устья Иртыша Обский городок, ставший на время опорным пунктом русских казаков, был обложен данью, как называли остяки – ясаком, который тоже со всех городков по Оби и Иртышу шёл в государеву казну.

Известно, что в мае 1582 года, когда казаки отправились в «ясачный поход» по Оби и Иртышу, сопротивление оказал князь местных остяков Самар. Небольшой отряд под предводительством сподвижника Ермака Богдана Брязги подошёл на лодках к Белогородскому городку. Между русскими и ханты произошло сражение, во время которого князь Самар погиб. Много позже и эта территория Сибири стала частью российского государства.

Необходимо сказать, что от устья Иртыша вверх по Оби остяки населяли весь Сургутский уезд, в состав его входили также волости: Ларьянская по реке Ларьяхе, впадающей в Вах; Ваховская на Ваху, большая часть населения которой до 1644 года была в подданстве у князей кодских; Лунпуколская по правому берегу Оби, состоявшая собственно из трех волостей; Аслыпекая; Вась-Юганская на левом притоке Оби – Вась-Югане, который является границей распространения остяков на восток; дальше идут остяко-самоеды и кеты.

Имеются сведения, что в XVII веке остяки с верховьев Ваха проникали для промыслов на Таз, где нередко у них происходили столкновения с мангазейскими самоедами; в конце столетия несколько человек сургутских остяков числились плательщиками ясака в Мангазейском уезде.

В архивах Тобольска имеются сведения, что берега Ваха были заселены аборигенным населением ханты, и у ваховских ханты не было таких крупных влиятельных князьков, как Бардак у сургутских остяков. Однако с постройкой в 1594 году казаками крепости Сургута русские подчинили управление Ваховской волостью и ваховским народом ханты.

Независимость Бардаковской волости, как было им обещано Ермаком, кстати, продолжалась недолго. После разгрома нарымских остяков, в борьбе с которыми русская власть нуждалась в помощи «бардаковых людей», роль Бардака была сыграна. После восстания 1619 года уже ни о какой независимости не могло быть речи, и «поминки» первоначально, может быть, до известной степени добровольные, приняли форму обязательного ясака.

Почти все угорские княжества: Обдорское, Ляпинское, Кодское, Казымское, Белогорское, Пельымское, Кондинское, княжества Нимьяна, Бояра, Бардака – жили надеждой на самостоятельность, но Югра полностью попала под московскую зависимость. Имеются свидетельства о мирных отношениях с прославленным казачьим атаманом: «Ермак и вождь остяков поменялись ружьём и луком из рук в руки», что говорит о присяге царю. Царь Фёдор I добавил теперь себе титул: «Великий князь Югорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель».

Много в нашем крае территорий и мест, связанных с названием Ермака. В Нижневартовске имеется речной причал Ермаковская переправа, юрты или позднее село Ермаково на реке Меге, что близ Мегиона. К сожалению, о том, проходила ли тут дружина Ермака, останавливался ли на привал атаман или его дружина, история умалчивает, хотя всё возможно.

Учёные утверждают, что происходило перемещение народа ханты с Егана и Тыма на Вах, с Казыма на Аган, рассказывается о вытеснении ими с Ваха в борьбе с ненцами и зырянами. Когда о русских и «белом царе» ещё никто не ведал, но первоисточниковая информация в мифах и легендах говорит, что народу ханты удалось одолеть ненцев. Хотя и примитивно, но «с помощью панцирей, изготовленных из рыбного клея, от которого отскакивали стрелы», и также «горящими лодками-обласами с горючей серой, которыми они забрасывали врагов». И всё же ранние торговые отношения в Сибирском царстве велись.

Как писал арабский путешественник Ибн-Батута (он называет Сибирь «страною мраков», а торговлю ведут купцы, не видя человека): «Торговлю же ведут немую: приехавши к стране мраков, оставляют свои товары на границе и сами уходят на некоторое расстояние; на другой день, придя к оставленному товару, они находят вместо него, если товар понравился покупателям, меха соболей, белок, горностаев».

Имеются сведения, что по Ваху границ иностранных государств достигали через самую крайнюю точку нынешнего села Корлики местные князьки, купцы, торговали пушниной, приобретая взамен железные изделия.

Да не оскудеет память...

Обского городка, основанного Иваном Мансуровым в 1585 году, сейчас нет. Но именно с него началась история русских городов Сибири.

Не унесло течение реки память о Ермаке. Много в Сибири мест названо в честь славного первого атамана Сибири с его дружиною, который победно вступил в столицу Сибирского царства. Погиб Ермак в 1585 году. На высокой

горе Тобольска возвышается памятник ему. Фамилии Ермаковы встречаются. Протоки и села его именем кличут. Много книг и стихов написано, народных песен поется во славу его.

Николай Михайлович Ядринцев посвятил атаману стихотворение «Стрела», взяв за основу легенду из сибирской летописи. В конце XVIII века в Тобольске с успехом прошла пьеса «Ермак» местного священника Флоринского. В XIX веке П.П. Ершов написал поэму «Сузге». В тюменском театре была поставлена пьеса профессора М. Бударина. С обращения самого Ермака к дружине: «Милая братия моя, аще нам Господь Бог поможет, то уж и по смерти нашей память не скудеет вовеки», – будут помнить люди имя вожака, покорителя Сибири.

На традиционных днях памяти в Тобольске в августе 2017 года был поднят вопрос о канонизации атамана казаков Ермака Тимофеевича в лике святых.

После смерти Ермака его делу угрожала окончательная гибель. Кучумовы татары с уверенностью в успехе восстали против русских ратников, истомлённых лишениями и борьбой. Иван Глухов с оставшимися 150 людьми, боясь преследования, не осмелился возвращаться в Россию тем же путем, что шёл некогда покоритель Сибири, а спустился по рекам Иртышу и Оби и, переваливши через Уральский хребет, достиг нынешней Архангельской губернии, лишь затем направился в Москву. Сибирское же царство на время вернулось к владению, вначале им правил сын Кучума Алей, затем сын сверженного Кучумом Бекбулата вместе с племянником Едигера Сейдяком.

Надо сказать, что первые сношения московского царя с сибирским ханом случились еще в 1569 году. Соглашение на унижение? – взвыли люди. Да, монголо-татарское иго имеет многовековую историю...

Однако не так много книг написано о Кучуме. Тобольский писатель Вячеслав Софронов отважился, провёл исследования, и появился его двухтомный труд «Кучум», изданный в 1993 году. Софронов отмечает, что в Сибирь, которую открыли русские первопроходцы, сразу же устремляются и завоеватели из Средней Азии. Они считают её подвластной Золотой Орде и поэтому диктуют здесь условия вассального ханства. Молодая династия Тайбугинов, вышедшая из местной знати, не желала признавать своей зависимости от Бухарского царства, отчего происходили постоянные стычки между пришельцами из степей и сибирскими воинами.

В 1555 году сибирские ханы Едигер и Бек Булат признают себя данниками Москвы и просят помощи в войне со степняками. Хотя помощи не последовало, но через несколько лет в Сибирском ханстве уже правила династия Шейбанитов, берущих начало от хана Шейбана, брата Батыя, возглавлял которую на сибирском престоле хан Кучум. Им же, потомком Чингисхана, в Сибири распространялся ислам. Судьба хана трагична и загадочна, но это события, происходившие на берегах Иртыша, Тобола и Оби.

Реален народ, который жил на этих землях, давший новому правителю прозвище Кучум. Ведь в переводе с татарского это «пришелец», «переселенец», «кочевник». События, предшествующим походу Ермака, и посвящена книга В. Софронова о прошлом нашего народа.

Наказав, пожалеть и помиловать...

И всё же сыновья Кучума, впоследствии перешедшие на службу России, получили титул сибирских царевичей. Хотя ранее титулы переходили только по наследству, Кучумовичей же произвели после того, как один из сибирских царевичей оказался замешанным в дело сына Петра царевича

Алексея Петровича. С тех пор потомков Кучума стали называть сибирскими князьями.

Интереснейше об этом написала Любовь Александровна Пиманова в книге «Земля открытий». Из Москвы в Ялуторовск в 1800 году был сослан князь Василий Фёдорович Сибирский, генерал и кригс-комиссар. О нём было сказано: «Его прадед был правителем Сибири... В царствование Павла этот князь пытался спасти от изгнания некоторых своих друзей, за это преступление был схвачен и препровождён в Сибирь. Закованный в кандалы, босиком, князь отправился на родину своих предков, точно злодей. Через год он был освобожден, но с тех пор лицо его носит печать постоянной грусти».

Знаменитый немецкий драматург Август Коцебу в своей книге о Сибири написал: «В Ялуторовске был в ссылке князь С(ибирский) – бывший генерал от инфантерии, его невинность была после доказана, и ему возвращены чины и дворянство. Скованного тяжёлыми цепями тащил его проводник. Сюда к нему приехала семья, вслед за ним отправившаяся, – жена и дети. Князь С(ибирский) был болен, но в кругу своих».

История основания сибирских городов

Александр Герцен умиляется: «Горсть казаков и несколько сот мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки, в мёрзлых степях закипала жизнь, поля покрывались нивами, стадами». Царь Фёдор Иванович, уже долго не имевший известий о последних событиях во вновь завоёванном крае, отправил в Сибирь нового воеводу Ивана Мансурова с сотнею казаков и пушкою.

Высадившись на зимовку при впадении Иртыша в Обь у Белых гор близ нынешнего села Самаровского на правом берегу Оби против устья Иртыша, Мансуров устроил укрепление, названное в Книге большого чертежа городком Обским Большим. Остяки называли его Рушват, то есть русский городок. В одной из грамот 1610 года упоминается стоявший здесь Муалымский городок, который по Миллеру тождествен городку Мансурова. Осада остояков была безуспешной после первого же выстрела пушки, с которой сибиряки познакомились впервые, и изъятием дальнейшей покорности.

Обского городка, основанного Иваном Мансуровым в 1585 году, сейчас нет. Но именно с него началась история русских городов Сибири. Когда стало известным печальное положение дел в Сибири, царь отправляет рать из 300 человек, стрельцов и казаков под начальством двух воевод Василия Сукина и Даниила Чулкова.

Воевода Сукин прибыл к реке Туре, выбрал место на берегу и построил город Тюмень – на месте прежнего татарского города Чинги-Туры. Отрывок из сибирской летописи: «Лета 7093 посланы воеводы с Москвы В. Сукин да И. Мясной, да письменный голова Даниил Чулков с тремя сты человек, поставиша град Тюмень. Июля в 29 день еже Чинги слых». Дата 7093 год по старому летоисчислению от сотворения мира, принятому на Руси до Петровских реформ.

В 1700 году Пётр I ввёл новое летоисчисление от Рождества Христова, по новому календарю Тюмень основана в 1586 году. Весной прибыло из Москвы новое войско из 500 человек, с коими велено было Даниилу Чулкову при слиянии Иртыша с Тоболом основать главный административный центр края – город Тобольск.

Тобольск, основанный в 1587 году воеводой Д. Чулковым, когда-то был самым главным городом в Сибири. Через него ехали и купцы, и послы, и путешественники, и землепроходцы. Славится первым в Сибири белокаменным кремлём.

Он, упомянутый Чулков, и был первым воеводою Тобольским в 1587–1589 годах. Вскоре, впрочем, город был перенесён на мыс нагорного берега Иртыша, срублена церковь. К этому же году относят основание первого в Сибири монастыря Тобольского Знаменского. Ныне считают его дату даже ближе к 1586 году, так как первоначально он находился не в самом Тобольске, а за Иртышом, и только в 1610 году монастырь перенесён в Тобольск на нагорную его часть.

С этого времени Сибирь уже доставляла в казну 200 тысяч соболей, 10 тысяч лисиц чёрных, 500 тысяч белок, кроме бобров и горностаев, как повествует об этом Карамзин. «Ясак положил государь на Сибирское царство и на Конду большую, и на Конду меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру реку, и на Иртыш, и на Иргизское государство, и на Пегие Колмаки, и на Обь Великую, и на все городки обские, на девяносто на четыре года, с году на год иметь по пяти тысяч сороков соболей...».

История города Сургута начиналась так: «Лета 7102-го февраля в 19-й день памяти князю Фёдору Петровичу Борятинскому да Володимиру Оничкову. По государеву, царёву да великого князя Фёдора Ивановича всея Руси указу велено им быти на государеве службе, город ставити в Сургуте... А обский город велел разломать и сжечь, и впредь ему не быть... А пришед князю Фёдору и Володимиру в Сургут, в котором вместе пригоже, высмотря место крепкое под город и поставить город всеми людьми».

Сургут на Оби построили русские казаки на месте хантыйского селения Сумгут-вош в 1593 году. Сургут помогали строить местные обские остяки. Их князёк Бардак принял русское подданство. Место для Сургута выбрали красивое на берегу Оби. Его крепостные стены и управа в дальнейшем стали также местом ссылки для многих.

История основания первых русских городов Сибири на месте известных хантыйских и мансийских княжеств – сложнейший этап становления по мере утверждения в Сибири российского государственного правопорядка и самоуправления в будущем.

Не могу не повторить, что Бардаково княжество, хантыйское территориально-родовое объединение, возникшее ранее в пределах современного Сургутского района, основано князьцом Бардаком, а центром княжества был Бардаков городок (около современного Сургута). После царёва указа Бардаков городок был осаждён русскими, к стенам крепости подвезена пушка, которая после нескольких выстрелов уничтожила хантыйское селение Сумгут-вош.

Княжество Бардака сохранило известную независимость только на условиях участия в русском завоевании правобережного Приобья, да и то на некоторое время. Князь Бардак сдался, ему предложили право сбора ясака с селькупских земель. После него ещё правили сыновья Кинема и Суета, но в 1616 году они «пустили стрелу»: учинили восстание, захватили казну, а Сургут охватила паника. Однако восстание было подавлено, а княжество утратило свою независимость.

Подведём итог. С основанием и строительством первых русских городов Сибири, если битва дружины Ермака с войсками хана Кучума окончательно решила господство русских за Уралом, произошло покорение Сибири Ермаком, присоединение её к России, то наступивший 1590 год дал начало колонизации Сибири царским правлением.

Не зря Сибирь называют Богоспасаемой землей

Шли в этот древний край и по своей воле, и не по своей: проповедники, миссионеры, священники-подвижники. Позже заблестят купола в тихих

обителях, в церквах, в златоглавых храмах, а пока вместе со служилыми людьми, воеводами и казаками начиналось освоение Сибирской земли. Церковная жизнь в Сибири создавалась великими трудами подвижников веры, среди которых числится имя святителя Филофея Лещинского, которому создан уникальный памятник от югорских народов. Сюда был призван к архиерейскому служению и участвовал в миссионерских экспедициях епископ Тобольский и Сибирский Агафангел Преображенский, снискавший общенародную любовь, собором 2000 года он причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских. Этому патриарха знает Югра, и она имеет право гордиться своей историей.

До присоединения Сибири на обширных югорских землях не хранили заповедей Господних, не носили нательных крестов, не имели икон, не знали о крещении. Стук топора – вот что возвещало о том, что человек, поселившись в таёжном уголке, срубив себе жильё, будь то бревенчатая изба, земляная избушка или берестяной чум, возрождал жизнь.

Позже заблестят купола в тихих обителях, в церквах, в златоглавых храмах, а пока вместе со служилыми людьми, воеводами и казаками шли в этот древний край проповедники, миссионеры, священники-подвижники.

Скорейшее освоение Сибирской земли неизбежно приводило к созданию единой Российской империи, вот к чему стремилось правительство Петра Великого. Основной опорой для государства в этом деле была православная церковь. Именно с присоединения Сибири к русскому государству начнётся превращение Руси в Великую Россию. Правительство царя Михаила Фёдоровича и его отца, патриарха Филарета, понимало, насколько необходимо кардинально что-то менять, признавало значимость распространения православия среди коренных народов и для исправления «нравов» стремилось привести людей к поучению.

В 1620 году учреждается Сибирская епархия, кафедральным городом которой избирается Тобольск. Первый архипастырь, архиепископ Тобольский и Сибирский Киприан (Старорусенков) пробыл в епархии до 1624 года. Ему принадлежит начало летописания в нашем крае. Он повелел записать сведения о походе Ермака.

Архиепископу Нектарию приписывается в 1636 году явление чудотворной Абалакской иконы Божией Матери «Знамение». Её написал протоиерей Софийского собора Матвей и сразу по завершении работы её заказчик исцелился от паралича. В 1783 году на Абалакском погосте был учреждён мужской монастырь, действующий и поныне. Святая чудотворная икона ежегодно с крестным ходом и молебным пением торжественно приносится из монастыря в Тобольск.

В середине XVII века основаны Иоанно-Предтеченский под Тобольском и северный Кондинский Троицкий монастыри. В 1667 году Сибирская архиепископия возведена в степень митрополии, и тогдашний архиепископ Корнилий стал первым митрополитом Сибирским.

При митрополите Павле I в 1686 году в Тобольске возведены впервые за Уралом каменные сооружения – кремль и Софийско-Успенский собор. В селе Абалак по указу царя Фёдора Алексеевича построили каменный Знаменский собор в честь чудотворной иконы Божией Матери.

Царские особы жаловали в Сибирскую епархию и тобольские церкви богатые вклады. Однако привлечение в Сибирь духовенства проходило с трудностями, назначение в эти края духовные лица считали незаслуженной ссылкой.

Вскоре образовалась тобольская кафедра. В Сибирь прибыл святитель Филофей Лещинский, ревностный ценитель православия. Его надолго

запомнили местные народности, он бывал почти в каждом таёжном уголке, там, куда не ступала нога человека. Верою служил России, силой крестил и приводил к крещению народ, давал новые православные имена, вступал в схватки с местными аборигенами, чудом остался жив.

Во исполнение царского указа Филофеем (Лещинским) была развёрнута широкая миссионерская деятельность. В 1703 году при архиерейском доме открыта первая в Сибири школа. В России заговорили о неотложных вопросах христианизации северных народов. Предпринимая поездки в самые отдалённые места обширной епархии, Филофей Лещинский творил чудеса крещения сибиряков-инородцев. За свою жизнь святитель Филофей, исходив всю Сибирь от края и до края, построил 288 церквей, крестил около 40 тысяч человек из местных племён.

Во всё время пребывания на кафедре, а потом и на покое в тюменском Троицком монастыре, где им была принята схима с именем Феодор, он не оставлял миссионерских трудов. Отошел от дел по блаженной кончине, последовавшей в 1727 году, и согласно завещанию, захоронен у порога Троицкого собора, «дабы и по смерти не оставить подвига смирения».

Югре известно имя Агафангела

Земля Сибирская – Тюменская, Тобольская, а теперь и Югорская имеет право гордиться тем, что на её территориях был призван к архиерейскому служению и участвовал в миссионерских экспедициях епископ Тобольский и Сибирский Агафангел Преображенский. Человек, который снискал общенародную любовь, ставшую следствием высоких достоинств его значимой личности и правления. Зачем нам знать об Агафангеле и при чём он здесь, спросит, возможно, дотошный читатель. Ответу: святитель митрополит Агафангел имеет непосредственное отношение к Нижневартовскому району. Недавно в селе Ларьяк состоялось освящение и установка куполов на церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение». Возродилась церковь, которая появилась не без особых трудов и усердных молитв тогдашнего владыки Агафангела о ларьякской Знаменской церкви, существовавшей в Ваховской волости чуть ли не с 1751 года, если и того не раньше...

Это ещё раз заставляет меня обратиться к авторской книге «На священных берегах Ваха», написанной мною совместно с М.К. Анисимковой по следам этнографической экспедиции 1997 года и благодаря работе с документами в архивах Тобольска. Агафангел – авторитетный иерарх русской церкви. Замечу, что его архипастырская деятельность многократно удостоена благодарностей и наград. Владыка был почитаем великим князем Сергеем Александровичем и его супругой преподобномученицей великой княгиней Елисаветой Феодоровной, сотрудничал с ними в попечении о Палестинском обществе. Юбилейным Архиерейским собором 2000 года он причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских. И этого патриарха знает Югра.

Крупницы древних рукописей

Святая Русь со стародавних времен наделена величественными силами. Посланные всей Русской земле испытания и страдания каким-то чудом спасают нашу Родину в години самых страшных лихолетий. Не исключение в этом отношении земля Югорская. Превращение Руси в Великую Россию начиналось с присоединения Сибири к русскому государству.

Православие как духовный стержень русской культуры нельзя вырвать из контекста всеобщей истории. В истории православных церквей Ваховской волости Сургутского уезда много неизученных страниц. Поиски

в архивах Тобольского хранилища позволили обрести документы, относящиеся к истории нашего края.

В Тобольской духовной консистории, в Сургутском благочинии имеются документы, фонды которых содержат единицы хранения дел, объединяющих распоряжения, копии указов, уведомлений, различных предписаний канцелярии Тобольской духовной консистории. Интерес представляют церковные ведомости, церковные описи, доношения, отчёты и рапорты в приходы Ваховской волости Сургутского уезда от настоятелей церквей. Знакомясь с ними, ощущаешь необычный трепет от прикосновения к драгоценным крупянам древних рукописей. От них получаешь информацию о жизни православия в нашем крае, о храмах, причтах и прихожанах, о священнической пастве, что несла службу в Сибири. С особым содроганием вчитываешься в каждую строчку искусно-вычурного почерка.

Ваховская волость

Сургутский уезд, а правильнее – уездный город Сургут, являлся, как и некоторые другие, административной единицей Тобольской губернии Российской империи. Он образован в 1594 году в составе Тобольского разряда. Как мы заметили, Сургутский уезд, и в его составе на то давнее время уже присутствовала, жила, существовала Ваховская волость, населённая остяками.

Кстати сказать, большинство жителей волости было передано в вотчину кодскому князю Игичею Алачеву, воины которого воевали тогда не только с селькупами, но и с обдорскими остяками, также сооружали Берёзов и Сургут. Ханты заселяли преимущественно берега Оби, по Ваху с устья до Корликов осваивали Колек-еган, Сабун, Кульнигол, Кыс-еган, Большую Ларьякскую протоку. Часть их жила на протоке реки Таза-Тольке.

Вытеснение ханты ненцев и зырян шло постепенно с Тыма на Вах и с Казыма на Аган. В верховьях Ваха, там, где тайга переходит в лесотундру, кочевали эвенки, жили кеты. Существует мнение, что раньше предки восточных ханты, частично населяющие верховья Васюгана с одной стороны, продвигались вниз по его течению, затем освоили Васюгано-Ваховское Приобье и район Ваха, и пришли они со стороны Уральских гор. Территория расселения ханты включала бассейны Конды, Демьянки и районы южнее современного Тобольска вниз по реке Оби.

Очевидно, под давлением манси и предков сибирских татар ханты постепенно перемещались на восток, оттесняя в свою очередь селькупов, территория которых доходила, по некоторым сведениям, до современного Сургута. Таким образом, к XVII веку ханты продвинулись в бассейн рек Вах и Васюган. Жившие здесь селькупы отошли на север, в бассейн среднего Таза, положив начало новой этнической общности, уже тазовско-туруханских селькупов, отделённых от южных – нарымских селькупов хантыйским клином.

Ваховская волость включала большие территории и земли по нижнему течению Ваха, где значатся Ларьякская волость в верховьях реки Вах, далее Лумпокольская – от юрт Полиных до Охтеурских. Оказавшись на Вахе, ханты поселились вначале в Большом Ларьяке, эта территория оказалась тогда наиболее заселённой, и до сих пор там имеется несколько домов, а местные жители находят различные предметы давнего времени.

По преданиям следует, что прежде чем ханты появились на Вахе, народ с заливных лугов, соров – Лар-ях, обитал по берегам реки Ас, то есть Оби, близ городка-крепостцы Ват, на обширных просторах, ссорах. Понятно,

что слово «Лар-ях» означает местность Ларьяк. Однако до сих пор не удалось узнать, что же это за город Ват существовал: Сургут, или Вах, или какой другой, ведь перевод слова происходит как «народ из города», то есть выходцы из городка. От слов «ват» и «ях» – народ, люди – образовано название Ваха.

Где ты, Ваховская волость?

И всё же где находилась, что из себя представляла Ваховская волость, в которую входили земли других ее волостей? Исходим из краткой архивной справки: село Ваховское находилось в 150 верстах от юрт Вартовских.

И теперь: документ от 1748 года, найденный мною в архивах Тобольска, напечатанный в Московской типографии, был направлен в Ваховскую волость, где в то время существовала церковь в честь Богоявления Господня. Это форма для чтения в первых ектиньях, на вечерни и утрени о благодетельнейшей, самодержавнейшей великой государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне, всея России, наследнице ея благоверном государе, цесаревиче и великом князе Павле Петровиче и о супруге его благоверной государыне великой княгине Марии Фёдоровне, и о благоверных государях великих князьях Александре Павловиче и Константине Павловиче, и о благоверных государынях княжнах Александре Павловне, Елене Павловне, Марии Павловне, Екатерине Павловне и Ольге Павловне, о всея палате, и воинству их, где помолимся.

Далее представляю документ: ведомость именная, сочинённая сургутского заказа на 1751 год, и полное число в оной имеется: церквей и при них священно-церковнослужителей и их детей, грамоте обученных, обучающихся, необученных и подлинных лет, о том показано ниже: в Ваховской волости при церкви Богоявленской число церквей: 3. При тех церквах имеется попов: 1, дьячков: 1, пономарей: 1.

Следовательно, в это время Ваховская волость уже существовала. Позволю предположить, что в Ваховской при Богоявленской указанные 3 церкви относятся к Ларьякской стороне, Лумпокольской и/или даже к Охтеурской, поскольку здесь была часовня.

Итак, Ваховская волость – где её следы, точное расположение? Мало кто знает до сих пор, где же Ваховская волость Сургутского уезда. Протекает извилистый Вах, есть современный посёлок Ваховск, а вот где же та сама Ваховская волость? И тут, возможно, огорошу читателя, называя нынешнее село Локосово. Это ли не сенсация? Будущее село Локосово первоначально было определено как центр сбора пушнины. Однако с постройкой храма в честь святого Богоявления в 1716 году село стало духовным центром Ваховской волости и первоначально носило название Погост Богоявленский.

ЭТО ЛИ НЕ СЕНСАЦИЯ?

Предлагаю познакомиться: Локосово – одно из старейших сельских поселений на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, с которым связывают появление села и возникновение в 1716 году на высоком берегу реки Обь, в 100 километрах от Сургута, православного прихода в честь святого Богоявления.

Несколько лет назад ко мне обратился житель Локосово, занимавшийся историей села, и я отправила ему документы по истории Ваховской волости. Он был просто шокирован и утверждал, что такое немислимо! Так локосовцы узнали о своём богатом прошлом.

Как считают сами локозовцы и как отмечено в истории поселения, относительно времени образования и его названия существует несколько версий. По одной из них, в начале XVIII века на угожем месте вверх по Оби от Сургута располагалась в Ваховской волости однодворка казачьего десятника Никифора Ботолина, где ему было велено по указу его императорского величества Петра I обращать живущих рядом иноземцев в христианскую веру. Возможно, с этой самой однодворки и началось село.

По другой версии село образовано во второй половине XIX века на месте бывшей фактории, так называлась тогда торговая контора купца Лыковского, а название села – искажённый вариант этой фамилии. Скорее всего, обе версии имеют право на жизнь.

1845 году проезжающий по Оби финский исследователь **Матиас Александер Кастрен** в своих записях назвал это селение Лохосово. Так или иначе, но в 1851 году Локосово уже входит в список первых русских сёл Сургутского уезда. В окрестностях села находились остяцкие юрты, все они входили в Локосовскую народную управу. Население зарабатывало себе на пропитание промыслом рыбы, пушнины, заготовкой дров для пароходов.

В 1930 году Богоявленская церковь была закрыта, а позднее в ней стал размещаться сельский клуб. В сельском поселении, отметившим недавно 300-й день рождения, проживает около двух с половиной тысяч человек. Местному жителю Владимиру Кондакову удалось сохранить купол, находившийся на храме над алтарём, он зарисовал и описал вид бывшей церкви.

В 2000 году по инициативе жителей посёлка Локосово (бывшее село Ваховское) вновь образован православный приход. Силами прихожан под храм отремонтировано ветхое здание бывшей конторы торгового предприятия, и в 2002 году на здании был установлен купол с крестом. В канун престольного праздника было совершено первое богослужение и освящение воды на протоке Локосовской.

В сам праздник многие жители наблюдали чудесное явление, которое происходило над прорубью: вечером около 21 часа золотисто-серебристое облако с лучами, направленными на иордань, опускалось и поднималось несколько раз над ней. Увидев это явление, люди падали на колени и молились. Все это длилось в течение 7–10 минут. Затем облако поднялось, пронеслось над селом и исчезло.

А далее нам предстояло бы рассказать об уникальных церквях городов и территорий земли Югорской, ведь храмы с древних времён называют небом на земле. Тонкой вязью переплелась и традиционная хантыйская обрядовая культура, и русская, и всех тех, кто проживает здесь. О деятельности такой большой страны, имя которой ЮГРА, остаются за печатями альманаха те страницы, которым ещё суждено, дай Бог, увидеть свет.

Впереди ещё так много белых пятен...

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Дело случая

Неисповедимы пути Господни, но и человеческие порой так запутаны, что просто диву даёшься. И убеждаешься в очередной раз, что немалую роль в нашей жизни играет Его Величество Случай. Если бы москвичка Инна Оровна Калинина не познакомилась однажды с тюменским журналистом-краеведом Владимиром Полищуком, если бы не решила с его подачи заняться историей своего рода, если бы не приехала в Тюмень поработать в архивах, если бы в это время в областной научной библиотеке не проходил краеведческий фестиваль, который мог бы состояться годом раньше, а мог бы и вообще не состояться... Когда все эти «если» сложились в одно целое, мы встретились.

Здесь нужно сделать паузу и рассказать совсем другую историю. Краеведческий фестиваль, о котором я упомянула выше, был посвящен сибирскому купечеству и открыл большинству участников горькую – увы! – правду: ничего-то мы не знаем о людях, которые построили этот город. Которые создали его таким, каким мы любим изображать его на календарях и открытках. Назовите навскидку хотя бы несколько фамилий тюменских купцов. Колокольников, Текутьев, Колмаков, Машаров... Кто больше?

А между тем исследователь Сибири Н.А. Абрамов писал: «На стороне купцов стоит громадная сила капитала, почёт, громкое имя. Купечество составляло здесь всё, и сообразно купеческому складу устроился весь город Тюмень. Купец сказывался во всём».

В 1890 году в Тюмени насчитывалось 18 купцов первой гильдии (имеющих капитал более чем в десять тысяч рублей) и 58 купцов второй гильдии (с капиталом от тысячи до десяти тысяч рублей).

Но имя Василия Алексеевича Собенникова, купца первой гильдии, потомственного почётного гражданина г. Кяхты, владельца торгового дома «Собенников и бр. Молчановы», стало настоящим открытием для большинства участников фестиваля.

Тюменский период жизни кяхтинского торговца чаем начался в 1905–1906-м с покупки кожевенного завода на первой Береговой улице. Завод, на котором работало больше двухсот человек, производил продукции более чем на полмиллиона рублей, и это было самое крупное кожевенное предприятие Тюмени, а может быть, и всей Западной Сибири.

В самом центре города, на пересечении улиц Царской (Республики) и Иркутской (Челюскинцев), стоял шикарный двухэтажный особняк с бельведером и громадными конюшнями. Когда-то он принадлежал купцу Андрееву. В справочнике и адрес-календаре по Тюмени за 1913 год по адресу «Царская улица, собственный дом» значится торговый дом «Собенников В.А. и К.»: чай, сахар и кофе; оптовая и розничная торговля, телефон 152. А по телефону 95 можно было узнать о наличии кожевенных и жировых товаров.

Дом сохранился до наших дней, хотя и вырос на один этаж.

О том, какое место занимал вновь прибывший купец в тюменском высшем обществе, говорит всего несколько фактов.

Уже в 1907 году В.А. Собенников получил право участия в первом съезде избирателей в городскую Думу. Забегая вперёд, скажем, что в 1914 году он стал кандидатом в гласные – человеком с решающим голосом. Это означало, что тюменская элита доверяла ему и приняла в свой круг.

В 1907 году император утвердил Собенникова В.А. директором Тюменского отделения комитета попечительского общества о тюрьмах. В 1909 году он стал почётным попечителем тюменского Александровского реального училища. Императрица Мария Фёдоровна наградила тюменского купца золотой медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте, а такие медали давали только за крупные благотворительные акции. Всего же за свою деятельность В.А. Собенников получил шесть золотых наград и одну серебряную.

1 января 1915 года государь император «соизволил наградить за отличную, усердную и полезную деятельность» орденом святого Станислава Василия Алексеевича Собенникова, и тот получил право называться кавалером этого ордена.

Еще в 1911 году Собенников становится соучредителем пароходно-торгового товарищества «Г.Г. Иванов и К», акционером «Тюменской компании электричества». А в феврале 1917-го создает своё акционерное общество под названием «Акционерное общество кожевенного производства В.А. Собенникова в Тюмени». Основной капитал составлял полтора миллиона (!) рублей.

А потом всё рухнуло... Спустя год, в феврале 1918-го, для установления советской власти в Тюмень прибыл первый Северный летучий морской карательный отряд. Возглавлял его комиссар Михаил Запкус. Для начала он арестовал пятьдесят самых богатых жителей города. А 6 марта 1918 года составил список лиц, обязанных выплатить некую контрибуцию в сумме двух миллионов рублей: миллион – на содержание красных отрядов и миллион – в распоряжение совета рабочих и народных депутатов города Тюмени. В этот список вошло пятнадцать человек, в том числе В.А. Собенников. Деньги в обмен на жизнь – неплохая альтернатива.

Если после этого и оставалась ещё какая-то надежда на нормальную жизнь, то она рухнула окончательно в ноябре 1919 года, когда вышло постановление президиума Тюменского губсовнархоза о национализации кожевенной промышленности. Теперь оставаться в Тюмени уже не было никакого смысла...

Семья Собенниковых давно жила в Москве. Настала пора воссоединиться с женой и детьми. В один из зимних дней на исходе декабря из Тюмени выехало тринадцать обозов с купеческим добром. До столицы добрался только один.

Ну а сейчас вернёмся к Инне Оровне Калининой, со знакомства с которой мы и начали эту историю. Вы спросите: какая связь между ней и тюменским купцом? Самая прямая: Инна Оровна – внучка Василия Алексеевича Собенникова, дочь его младшего сына.

Когда слушаешь её рассказ о дальнейшей, послереволюционной, судьбе некогда благополучной во всех отношениях семьи, одной из самых богатых в Сибири, начинаешь понимать, какой катастрофой стала для них и ещё для миллионов граждан страны революция 1917 года. И невольно задумываешься: неужели нужно было заплатить за неё вот такую цену?

Собенниковым принадлежала большая квартира в доме недалеко от Кремля, возле храма Христа Спасителя. К тому времени когда глава семьи вернулся в Москву, там оставались лишь жена и младший сын. Четыре дочери давно вышли замуж. Старший сын Александр решил примкнуть к Колчаку. И погиб. Поскольку семья была хорошо известна в Сибири, о смерти Александра им сообщили: мать ездила его хоронить. Чуть позднее к родителям перебралась дочь Азелла. Она была замужем

за внуком князя Урусова. Им принадлежал ювелирный дом «Махалов и сыновья» – один из первых, куда ворвались обезумевшие, те, кто вчера ещё был никем... Во всяком случае, так писали московские газеты.

– 1917 год в Москве – это было до такой степени страшно! – рассказывает Инна Оровна. – Это был город-призрак. Они врываются в дома и мало того что всё забирали, хозяевам вспарывали животы. Причём это происходило в самом центре, как раз там, где мы жили.

Почему же Собенниковы не уехали?

– Многие не уезжали, верили во что-то. Надеялись, что не будет ничего плохого. А те, кто уехал... Я работала в библиотеках, изучала журналы, которые издавались в эмиграции. И что там пишут? Первые три года люди считали, что вот-вот вернуться в Россию. Никто не верил, что уехал навсегда. Уже через пять лет они начинают понимать, что это надолго, но всё равно считали: наши дети или внуки вернуться.

Кто хотел уезжать? Никто не хотел. Собенниковых было несколько братьев. Дедушка остался в России, его брат бежал через Харбин. Но он не смог пережить того, что произошло, и наложил на себя руки. А его сын уехал в Америку. Брат родной моей бабушки, жены Василия Алексеевича, чудесный человек Никон Александрович Молчанов, который был партнёром торгового дома Собенникова, вёл дела в Тюмени, занимался благотворительностью, принял решение бежать. Долгое время семья находилась в Китае, затем в Бразилии, где очень бедствовала, и только потом перебралась в Америку. Одна из его дочерей вышла на меня из Сан-Франциско.

В 1917 году Василию Алексеевичу Собенникову было 58 лет. Не молод, но ещё полон сил, планов и надежд, которым уже не суждено было сбыться. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что он вел переговоры о совместном бизнесе с бывшими партнёрами за границей, но... не случилось. Скорее всего, не смог уехать. Или уже не было средств, чтобы начать новое дело. А кому нужен нищий партнёр по бизнесу? Хотя...

– До того богатые были люди, что когда уже всё отобрали, путешественник П.К. Козлов, исследователь Монголии и Тибета, брал у деда деньги, чтобы расплатиться за экспедицию. Золотые червонцы, тысячу рублей. А это был год 1922-23-й. Кстати, у нас есть книга с автографом Козлова, подаренная им моему отцу.

В 1937 году 78-летнего бывшего купца, «владельца заводов, газет, пароходов», арестовали. Он умер в Бутырской тюрьме. Его имя можно найти в Книге памяти жертв сталинских репрессий.

– Мне многое было непонятно, когда я была ребёнком. К примеру, говорили, что мой дед умер в тюрьме. Когда я спрашивала, за что его посадили, что он совершил, мне отвечали: «Ничего он не сделал, совершенно ничего, просто нужны были его деньги». Может, ещё что-то всё-таки оставалось... В детстве я была окружена предметами антиквариата, в том числе китайскими картинами в оправе из слоновой кости, видела грубоватые перстни из золота. Редкой красоты ваза у нас была в коробке... Картины были такие, каких и в музеях-то нет... Все это постепенно, с годами продавалось при необходимости и таяло...

Младший сын, Ор Собенников, по полной ответил за всю семью, вопреки словам Сталина, что «сын за отца не отвечает». Для начала просто не дали получить высшее образование. Происхождением, видимо, не вышел. Позже в своей биографии Ор Васильевич писал, что не смог окончить университет. Но это ложь! – утверждает его дочь.

– Он был очень умный, образованный, хотя окончил только курсы иностранных языков. Его иначе как профессор никто не называл. Он знал пять языков, готовил проекты энциклопедий и словарей, но ему так ни один проект и не одобрили, указывали на его непролетарское происхождение.

Сохранились старые фотографии, на которых видно, что он из богатой семьи, приличный человек. Дома оставались запонки золотые, жемчуг натуральный. Это были очень дорогие вещи. Потом всё продали, а его выслали из Москвы, и его мама поехала с ним в Свердловск. Но папу всё равно посадили...

И началась череда посадок. Такая была тогда практика: посадить – и выпустить, посадить – и снова выпустить. В промежутках Ор Васильевич преподавал английский язык в УПИ, на кафедре иностранных языков.

– Жили очень бедно. У бабушки отобрали последний стол... Я не знаю, где она жила, когда папу посадили в очередной раз. От неё осталась только сумочка и куча икон. Утро она проводила в церкви, а потом шла к воротам тюрьмы и ждала, когда выведут её сына. Заключённых вывозили машинами каждый день – на расстрел. И сколько времени это продолжалось, я не знаю. В конце концов бабушку парализовало.

Какие-то драгоценности удалось спасти, пытались кого-то подкупить. Видимо, получилось, потому что он выжил, якобы потому что потерялись документы. Я как-то случайно пересеклась с человеком, который работал в органах. Разговорились, и я рассказала, что отец выжил, потому что потерялись документы, на что он ответил: у нас ничего и никогда не теряется. Его могли выкупить.

Он вышел, а бабушка умерла за полгода до этого.

К тому времени закончилась война. Жить стало не то чтобы легче, но всё-таки веселее. Вчерашний зэк женился на девушке-фармацевте из Первоуральска, не испугавшейся его прошлого, преподавал в УПИ, получил комнату в общежитии, в 1946-м родилась дочь Инна. И всё бы ничего, вот только вернуться в Москву, в родной дом, он не мог: анкета не позволяла. Впрочем, к тому времени от квартиры осталась одна 25-метровая комната: Собенниковых уплотнили ещё в 1927 году.

Как только дочь подросла, отец отправил её в Москву, к тётке, которая к тому времени овдовела. Не хотел, чтобы девочка росла в ссылке. Да и образование столичное всё-таки на порядок выше. Впрочем, и тут не подсуетился вовремя: прописать бы Инну сразу в московской квартире, а они наивно ждали, когда ей исполнится 16 лет. Вот получит паспорт... Когда получила, прописку в Москве запретили. А без прописки жить в столице было нельзя. И 16-летнюю девочку, не успевшую окончить школу, отправили к родителям, в Свердловск. Так Собенниковы окончательно потеряли право на московскую квартиру.

И тут снова вступил в свои права Его Величество Случай.

– Зимой я приезжала к тётке. И к соседке-врачу приезжали племянники. А мой будущий муж работал главным врачом в Кремле. Соседка договорилась с ним насчёт билетов на Кремлёвскую ёлку и попросила меня съездить забрать их. Я приехала, увидела интересного человека старше меня на 25 лет. Очень интеллигентный, красивый, стройный, спортсмен. И какой-то не такой, как все. Увидела и не смогла забыть. Он был особенным. Каждый полгода мы случайно встречались. Как-то он позвонил и спросил, можно ли пригласить меня на кинофестиваль во Дворец съездов. А когда мне исполнилось 18 лет, мы поженились.

Внучке купца-миллионера суждено было выйти замуж за потомка князей Куракиных...

– *Это уже от Бога,* – говорит Инна Оровна. – *Он только пересекает как-то людей.*

Ну и на сладкое.

В 1988 году на первом в истории СССР конкурсе красоты «Московская красавица» корону победительницы и титул «Мисс СССР» получила 16-летняя московская школьница Маша Калинина. Долгое время ходил слух, что она – то ли дочка, то ли внучка какого-либо политического деятеля... Дыма без огня не бывает, но первая красавица СССР эти слухи никак не комментировала. Не комментирует и сейчас. Хотя уже можно. Но потомок знаменитой купеческой семьи Собенниковых по линии мамы и князей Куракиных, потомков Рюриковичей, по линии папы не афиширует своё происхождение, предпочитая всего добиваться своим трудом.

Внучка купца Собенникова Маша Калинина живёт в Америке. Её мама Инна Оровна Собенникова-Калинина – в Москве. Несколько лет посвятила изучению родословной князей Куракиных, написала и на свои средства издала двухтомник «Потомки о предках князей Куракиных». Сейчас вплотную занялась родословной своей семьи и её историей. Впрочем, это не только история семьи. Это ещё и история Сибири. История Тюмени. История российского купечества и российского предпринимательства. Это наша общая история.

Николай ЗЕНЗИН

Случайного под небом не бывает

В этом рассказе будут, на первый взгляд, случайные встречи, неожиданные моменты, но все их объединяет одно – кузнецовская тема, в центре которой сияет имя нашего земляка, легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова, официально признанного международной организацией ЮНЕСКО лучшим разведчиком XX столетия.

Начну разговор с письма моего коллеги, мурманского журналиста и писателя Сергея Шибанова, с которым знаком с 2011 года. Он более 30 лет занимается темой разведчика Николая Кузнецова и его соратницы Валентины Довгер. Вот что там сказано:

«Помнится, года два назад в письме к Вам я писал, что надо выйти на следы Агафьи Ивановны, старшей сестры Николая Кузнецова, потому что без нее биография Героя Советского Союза Кузнецова неполная. Ведь никто из авторов, включая москвичей и «медведевцев», о ней ничего не писал, это, конечно, было несправедливо и печально. И вот Вам, Николай Васильевич, без всяких натяжек, можно поставить в заслугу, что Вы стали первым автором, кто вернул Агафью Ивановну из небытия. А она ведь тоже была неординарным человеком, сыгравшим немалую роль в становлении Ники в детстве. Впрочем, все члены семьи Кузнецовых были неординарными людьми. Очень здорово, что Вы установили контакты с ее тобольскими родственниками – я имею в виду ее внучку Надю, которая тоже славный человек, ее мужа Александра Самойлова и сына Сашу».

Как это было? «Выйти на следы» Агафьи Ивановны получилось не сразу, она несколько раз меняла место жительства, вышла замуж, попала в ссылку и уже давно была не Кузнецовой. А ссылка – это ни много ни мало 20 лет и данных практически никаких. Автор вместе с советом ветеранов тюменских чекистов вел ее поиски в архивах Увата и Тобольска. Со второго захода через Тобольский архив удалось установить внучку Агафьи Ивановны, врача-стоматолога Надежду Анатольевну Самойлову, проживающую в Тобольске, ее мужа, предпринимателя Александра Геннадьевича Самойлова, и их сына, школьника Сашу. Весной 2014 года в Тюмени мы организовали встречу с семьей Самойловых, обменялись адресами и телефонами. У меня с ними завязалась переписка и периодические контакты в городе, которые продолжаются до сих пор.

Уже летом 2014 года Саша, увлеченный подвигами своего знаменитого прадеда Николая Кузнецова, захотел стать военным. Он сдал вступительные экзамены в Тюменское президентское кадетское училище и был принят при некотором содействии чекистов. 1 сентября в новенькой форме кадет Александр Самойлов на плацу училища из рук Героя России Владимира Шарпатовича получил свое удостоверение. Родители сияли от счастья.

Александр Геннадьевич тут же позвонил автору этих строк и предложил сфотографироваться у бюста разведчика Кузнецова. Но обязательно, как и Саша, в парадной форме. Через час все собрались. Примчался и двоюродный брат Саши Артем, его одноклассник, проживающий в Тюмени, с которым они очень дружны.

Сделали несколько групповых фото. Потом автор в шутку заметил, что Саше – 14, автору – 81, вроде как смена подрастает, надо бы сделать отдельное фото кадета и полковника. Сфотографировались у бюста Героя, оба вытянулись по стойке смирно, взяли под козырек. Получилось очень даже неплохо...

Решили опубликовать фото и стали придумывать, какое дать название. Мама Надя и отец кадета предложили «Смену поколений» или «Передачу эстафеты». Автор сказал, что надо бы коротко и по-военному: «Пост сдал. Пост принял!». Все согласились. Фотографию отправили на тюменский областной конкурс «Победа: счастливые лица». Она получила «Специальный приз», участвовала в передвижной выставке в Тюмени и по всей области, даже побывала в Дагомьсе на Всероссийском форуме прессы.

С Сашей мы периодически встречались, а позднее выступили в роли кадета и ветерана-полковника в фильме Президентского училища «Как стать офицером», созданном пресс-службой училища. На смотре-конкурсе учебных фильмов страны из почти пятидесяти представленных получили вторую премию, а создатели и участники были награждены дипломами и грамотами.

В том же 2014 году с помощью Самойловых удалось познакомиться с родным братом Надежды Анатольевны – Анатолием Сазоновым. Он после окончания индустриального института остался в Тюмени, женился, имеет хорошую работу и не любит публичности. В семье – дочь Юлия и сын Артем, ровесник кадета Саши. Анатолий приезжал ко мне домой, пили чай и около двух часов беседовали. Он с уважением говорил о подвигах разведчика Кузнецова, о бюсте, поставленном тюменцами. С удовольствием принял книгу «Два разведчика с улицы Республики». Тепло отозвался о своей бабушке Агафье Ивановне, на руках которой они с Надеждой буквально выросли в Тобольске. Но ему не очень нравятся шумные собрания и митинги, связанные с именем Николая Кузнецова и его старшей сестры. По его мнению, Агафья Ивановна в Тобольске, хоть и регулярно встречалась со школьниками и студентами, но не стремилась, чтобы этих встреч было много. Свое мнение Анатолий никому не навязывает, стремлению сына Артема бывать у бюста разведчика не противится.

По электронной почте Надежда Самойлова передала мне копию черновика большого письма своей мамы Валентины, единственной дочери Агафьи Ивановны. Весьма содержательное письмо, датированное 1963 годом, адресовано Николаю Струтинскому, другу и соратнику разведчика Кузнецова по партизанскому отряду, в то время полковнику Львовского управления госбезопасности. Валентина, по просьбе Струтинского, довольно подробно описала жизнь Агафьи Ивановны по месту рождения в Свердловской области, отдельные эпизоды из ссылки в Уватском районе, переезд в Тобольск, активную деятельность в городе и раннюю смерть от инсульта 16 мая 1970 года.

Было в письме краткое упоминание о приезде к Агафье Ивановне из Свердловска неизвестного нам Героя Советского Союза летчика П.С. Шарова. Адрес он раздобыл у ее брата Виктора Кузнецова, давно работавшего на Уралмаше. Гость подробно расспрашивал Агафью о Николае Кузнецове, сказал, что ему это нужно для предисловия к новой книге о разведчике. Шаров побывал у Агафьи Ивановны дома, удивился, в каких стесненных условиях живет родная сестра Героя Советского Союза. Он тут же повел ее в горисполком, добился, чтобы от нее приняли заявление на расширение жилплощади и возвратился в Свердловск (квартиру она вскоре получила).

А дальше автору пришлось провести свое расследование, организовать ряд встреч, изучить дополнительные материалы, чтобы прояснить ситуацию с Шаровым до конца.

Весной 2011 года я имел краткую беседу с интересным журналистом из прежней, еще советской газеты «Тюменский комсомолец» Николаем

Данилиным, который сам пришел в редакцию «Тюменской области сегодня» после моих публикаций в газете о разведчике Кузнецове. Он рассказал, что давно увлечен этой темой, встречался с братом Героя Виктором, ездил в Тобольск к старшей сестре Агафье Ивановне, приглашал ее в Тюмень, участвовал в подготовке книги о жизни и подвигах Николая Кузнецова.

В общедоступных источниках удалось найти только одного Героя с такой фамилией – это Павел Степанович Шаров, 1922 года, уроженец села Сазоново Тюменского района. После средней школы окончил в 1940 году Тюменский сельхозтехникум, то же отделение, где раньше учился Николай Кузнецов. Попал на фронт, воевал в авиации, сделал 140 боевых вылетов, из них 72 разведывательных. Значит, тоже разведчик, только воздушный. Трижды сбивали, но остался жив и выбрался к своим. За боевые подвиги в феврале 1945-го получил звание Героя Советского Союза.

В мае 2017 года моя читательница Надежда Николаевна из деревни Кутарбитки Тобольского района подарила мне старую на вид книгу «Разведчик Николай Кузнецов». Книжке 53 года, издана в 1964 году в Свердловске. Авторы – брат и сестра разведчика Лидия Брюханова и Виктор Кузнецов. Но у них, я знаю, образование дореволюционное, соответственно пять и четыре класса, значит нужен хороший журналист. Читаю дальше – литературная запись журналиста Николая Данилина. А он умер в 2014 году. Звоню Юрию Переплеткину, собору «Тюменского комсомольца». Да, он был собкором в Ханты-Мансийске, немного общался с этим бойким коллегой, но лучше его знает Раиса Ковденко. Комсомолка Рая тогда начинала в его отделе, сейчас она заместитель главного редактора в газете «Тюменская область сегодня».

Еду к Раисе Петровне. Она с удовольствием вспоминает то время. Данилин действительно был весьма активным и трудолюбивым человеком, иногда сверхинициативным. Кроме газеты, успевал работать над книгой, ездил к Агафье Ивановне в Тобольск, приглашал ее к себе в редакцию. Они сидели за соседним столиком, и Раиса Петровна хорошо запомнила эту внешне скромную, уверенную в себе женщину с отлично поставленной речью, даже назвала цвет ее блузки и юбки.

Николай Данилин возглавлял в редакции «Тюменского комсомольца» отдел молодежной политики и «по делам службы» частенько бывал в обкоме комсомола у секретаря Руфины Роговой. Поскольку газета финансировалась из областного бюджета, Данилин пытался демонстрировать некоторую независимость «от комсомольцев», хотя всегда сохранял с ними добрые отношения.

Когда его посетила счастливая идея заполучить к книге о Николае Кузнецове хотя бы несколько строчек от первого космонавта планеты Юрия Гагарина, он прямоком направился к Роговой. Сумел убедить ее, что легендарного разведчика Кузнецова знает вся страна, хорошо знают в Москве, где командир партизанского отряда Медведев опубликовал о нем две книги, которые активно читает молодежь, да и взрослые. Наверняка читали о его подвигах и наши космонавты. Поэтому, если Тюменский обком направит в Центральный Комитет ВЛКСМ письмо с просьбой получить у Гагарина небольшой отзыв о Герое Советского Союза Кузнецове для книги о его подвигах, Юрий Алексеевич вряд ли сможет отказать. Не устояла под напором настойчивого журналиста и Руфина Рогова. Так горячее комсомольское письмо ушло в Москву.

ЦК ВЛКСМ и отряд подготовки космонавтов – инстанции в столице не самые доступные, но послание из нефтяной Тюменской области

достаточно успешно преодолело все преграды. Месяца через полтора Данилину лично вручили в Тюменском обкоме комсомола долгожданный ответ. Вот какие драгоценные строчки были в письме.

«О легендарных подвигах храброго партизанского разведчика Николая Кузнецова я узнал из книг «Это было под Ровно» и «Сильные духом».

Образ народного мстителя Н.И. Кузнецова всегда являлся для меня примером беззаветного служения своему народу, своей Родине.

Пусть же слава о храбром партизане Николае Кузнецове останется навсегда в сердцах молодого поколения».

Подпись – Гагарин, дата – 2 апреля 1964 года.

Но самое интересное и неожиданное оказалось в предисловии, которое сочинил к этой книге Павел Шаров. Он пишет, что в годы войны не раз выполнял задания по разведке вражеских войск, но не на земле, а с воздуха. И это непросто, надо было преодолевать зенитный огонь фашистов и вести бои с их истребителями. «Однако трудно себе представить ту роль, какую выполнял мой земляк, одно время учившийся в том же Тюменском техникуме, в котором учился и я. Николай Кузнецов действовал в стане врага в самых тяжелых условиях. Он постоянно рисковал, подвергал себя опасности быть схваченным каждый час, каждую минуту». И дальше Шаров с большой любовью и уважением описывает боевые подвиги разведчика Кузнецова в тылу врага.

Вот теперь все встало на свои места, понятно, почему он встречался с Виктором Кузнецовым в Свердловске, зачем ездил в Тобольск к Агафье Ивановне. Хотя после войны Шаров жил и похоронен в Свердловске, но он родился и рос в нашей области, свои первые шаги в большую жизнь сделал, как и Николай Кузнецов, из стен Тюменского сельскохозяйственного техникума. Можно считать, что сегодня точно установлено – в Тюменском сельхозтехникуме до войны учились два будущих разведчика и два Героя Советского Союза.

...Во время другой встречи внука Агафьи Ивановны Надежда с горечью рассказала о неожиданной и нелепой гибели своей мамы Вали в августе 1995 года в Тобольске. Она ехала в автобусе в день ВДВ, на задней площадке поругались подвыпившие десантники, рядом с которыми она находилась. На очередной остановке один из них вышел и успел бросить зажженный взрывпакет под ноги оставшимся. Бравые ребята быстро покинули автобус, видимо даже не заметив упавшую на пол женщину в загоревшейся от взрыва одежде. Спасти ее не удалось, площадь ожогов оказалась несоместимой с жизнью.

Похоронили Валентину Андреевну на городском кладбище рядом с мамой Агафьей Ивановной. Муж Валентины, Анатолий Григорьевич Сазонов, 58-и лет, еще крепкий и привлекательный мужчина, остался один. Через год дочь Надежда и сын Анатолий стали советовать отцу найти себе подходящую помощницу, чтобы легче было управлять с домашним хозяйством, дачей и пасекой. Но он оказался однолюбом, вежливо отклонил все предложения, заявив, что Валю ему никто не заменит.

Случилось так, что 7 сентября 2017 года ко мне в гости из Тобольска пожаловал сам Анатолий Григорьевич Сазонов, проходивший обследование в Тюменском кардиоцентре. Прямо с порога вручил мне баночку свежего меда. Заочно мы знали друг друга, он читал мою книгу о разведчике Кузнецове, мне о нем рассказывали Самойловы, потому разговор получился непринужденный и душевный. О себе рассказал, что жил и учился в 7-м классе в Горнослинкино, когда к ним приехала после педучилища 18-летняя преподаватель математики Валентина Андреевна Петрова, хрупкая

и очень симпатичная. Самый высокий и сильный среди одноклассников, он выглядел старше своих лет. Через год признался старшему брату, что влюбился в нее. Но ему нет 18-и, он пока не имеет профессии, значит, и жениться нельзя.

После 9-го класса ушел в училище, затем окончил курсы механиков речного флота и три лета ходил по Оби. Зимой занимался плановым ремонтом судов и жил в общежитии на территории речпорта. Имел стабильный заработок и решил, что пора жениться. Мама невесты, Агафья Ивановна, выслушав жениха, предложила встретиться с его родителями. Дальше привожу слова Анатолия Сазонова: «Тактичная, образованная и предупредительная Агафья Ивановна установила хороший контакт с мамой и отцом, спокойно обсудила с ними характер взаимоотношений невесты и жениха, а также весьма важный вопрос – где поселить молодоженов после свадьбы». В 1958 году Петровы и Сазоновы сыграли свадьбу, а через полгода Анатолия призвали в армию. После двух лет службы он возвратился в Горнослинкино, и в их дружной семье один за другим появились дочка Надя и сын Толя, которых со временем взяла на полное попечение Агафья Ивановна, проживавшая вместе с молодыми.

А еще Анатолий Григорьевич поведал интересную семейную историю про пчеловодство. «Первопроходцем» в этом весьма увлекательном, полезном, а иногда и доходном деле был еще в Зырянке глава рода Кузнецовых Иван Павлович. Он практически круглый год угощал целебным лакомством всю семью и близких друзей, а по осени излишки собранного меда успешно продавал. Управляться с довольно большой пасекой помогали жена, две дочери и два сына. И только одна из всех – Агафья по-настоящему освоила и полюбила пчеловодство. Любовь к маленьким загадочным пчелкам она пронесла через 20 лет ссылки в уватской тайге, привезла в Тобольск и сумела передать своему зятю Анатолию. Тот теперь тоже жить не может без пчел, а еще сумел увлечь этим делом мужа дочери Александра Самойлова.

Судьбы разведчика Николая Кузнецова и его старшей сестры Агафьи Ивановны сложились трагически. Последний раз они встретились в любимой Зырянке Свердловской области, где родились и выросли, в 1930 году. Исключенный из «зырянновской» сельской коммуны по решению райкома партии, он уезжает лесостроителем в Кудымкар Коми-Пермяцкого национального округа. Дальше Николай был техником на заводе «Уралмаш» в Свердловске, а потом – спецагентом госбезопасности с великолепным знанием немецкого языка, работал вместе с чекистами по ведущим сотрудникам посольства Германии в Москве, причастным к органам немецкой разведки.

Потом Великая Отечественная война. Невероятно трудная и чрезвычайно опасная роль обер-лейтенанта фашистской армии Пауля Зиберта на оккупированной территории Украины среди немецких офицеров, сотрудников разведки и гестапо. Добыта ценная разведывательная информация для правительства СССР и Красной армии, проведены акты возмездия против главных германских руководителей в Ровно и Львове. Но 9 марта 1944 года – внезапный, неравный бой с группой украинских бандеровцев и гибель на хуторе Боратин. Шел тогда Николаю всего лишь 33-й год.

Агафья Ивановна в том же 1930 году вместе с раскулаченным мужем была направлена в ссылку в Уватский район тогда еще Омской области и надолго исчезла из поля зрения всех авторов. О своем брате Николае ничего не знала, а «встретилась» с ним только через 30 лет. Это случилось

27 июля 1960 года во время перезахоронения останков разведчика Кузнецова в городе Львове на городском воинском кладбище «Холм Славы». Она тихо и долго плакала, обнимая гроб с прахом своего любимого брата.

...А теперь немного истории. Во времена Столыпинской аграрной реформы в начале XX века крестьянам из густонаселенных районов Центральной России было предложено переселение в малообжитые, с большим количеством свободных земель края Сибири с предоставлением некоторых льгот.

По данным Тобольского филиала госархива Тюменской области, в 1910 году недалеко от поселка Туртас был образован переселенческий участок Чебунтанский. Начали со строительства грунтовой дороги, и в 1913 году появился первый житель поселка Чебунтан – Максим Верзаков. В 1914 году в поселок из западных губерний России прибыло еще 13 семей переселенцев. Сначала они жили в землянках, так как много времени уходило на раскорчевку леса и создание земельных участков для посевов и огородов.

Вторая волна прироста населения случилась в 1930–1932 годах в период начала коллективизации в стране. В Чебунтан массово стали прибывать семьи спецпоселенцев, раскулаченных крестьян из Свердловской, Курганской и Челябинской областей. В поселке создали спецкомендатуру, которая вела учет и следила за жизнью и перемещением поселенцев.

Старшая сестра будущего разведчика Кузнецова Агафья Ивановна, родившаяся в Зырянке 18 февраля 1901 года, окончила в Камышловле женскую гимназию, была первой учительницей Коли и дома, и в Зыряновской начальной школе. Брата и сестру связывала взаимная нежная дружба. Николай был не по годам прилежным, настойчивым, начитанным, смелым. Она гордилась своим учеником. В 1926 году в селе Балаир Свердловской области Агафья вышла замуж за Михаила Егоровича Петрова. В 1930 году Михаил Егорович, его брат Андрей и две сестры были раскулачены и высланы в Уватский район. Самой Агафье Ивановны раскулачивание не коснулось, но власти её предупредили, что, если она поедет и будет жить вместе с мужем, на неё распространятся все правила спецпоселения.

Летом 1931 года группу свердловских спецпоселенцев перевезли в лес к реке Туртас, где каждая уральская семья построила собственный дом. Поселение назвали Быковкой, школы там еще не было, и Агафья Ивановна стала работать учительницей начальных классов в соседнем поселке Чебунтан.

В этом месте пока поставим точку и подождем, когда в Чебунтане появится другая героиня этого рассказа – Александра Тихоновна Старовойтова. Предоставим слово внучке Александры Тихоновны – Анне Ключиной, студентке Тюменского медуниверситета. Вот что она написала про свою бабушку-фронтовичку:

«Бабушка родилась 26 июня 1920 года в деревне Хрипилёво Смоленской области. Школу окончила с отличием. В 1940 году поступила в Смоленский медицинский институт. Перед войной бабушка успела закончить только первый курс. Студенческое общежитие немецкие летчики разбомбили при первых же налетах на Смоленск. Уцелевших студентов собрали и послали рыть противотанковые рвы на подступах к городу. Когда появились немцы, отдельные жители деревни Хрипилёво стали сотрудничать с ними, но многие ушли в лес к партизанам, а другие просто помогали им.

Бабушкина мама привечала партизан, кормила их и потихоньку в ее доме образовалась «партизанская столовая». Бабушка и ее молодые

подружки носили в партизанский отряд донесения, сообщали о передвижениях немцев, а когда в деревне останавливались немецкие машины, прикрепляли к ним магнитные мины, чтобы машины взрывались где-нибудь в пути.

Когда Смоленск освободили и пришла Красная армия, партизаны ушли на фронт, а бабушку, как студентку мединститута, направили работать во фронтовой госпиталь. Она помогала лечить раненых и вместе с госпиталем прошла до конца войны, имеет боевые награды.

В 1948 году она окончила восстановленный Смоленский медицинский институт и получила распределение в Сибирь».

Александра Тихоновна прибыла в Тюмень, и облздрав направил ее в сентябре 1948 года участковым врачом в таёжный Чебунтан. Технология медицинского обслуживания спецпоселенцев была проста. Врач получала в спецкомендатуре на каждый посёлок список своих подопечных, их адреса и затем проводила подворовый обход, осматривала пациентов, выслушивала их жалобы и оказывала помощь. Добралась она и до посёлка Быковка, где проживала семья Петровых, побывала в их доме и познакомилась с Агафьей Ивановной. Муж ее скоропостижно умер в 1946 году, дочь Валентина уехала в августе 1948 года на учебу в Тобольский педагогический техникум, поэтому на учёт медобслуживания попала только Агафья Ивановна.

Почти единственными представителями интеллигенции в Чебунтане оказались участковым врач Александра Старовойтова и учитель начальных классов Агафья Петрова. Когда кругом тайга, а в поселках сплошь спецпоселенцы, сам господь Бог направил этих женщин навстречу друг другу. Две общительные, образованные женщины вскоре после первого знакомства стали регулярно встречаться.

В Москве в конце 1948 года Дмитрий Медведев, командир партизанского отряда, полковник госбезопасности, закончил свою первую книгу о партизанах Великой Отечественной войны и об отряде «Победители», в составе которого действовал смелый разведчик Николай Кузнецов. Медведев, состоявший в переписке с другой сестрой разведчика Лидией Ивановной Брюхановой, проживавшей в Уфе, переслал через нее свою книгу «Это было под Ровно» в город Тобольск дочери Агафьи Ивановны Валентине. Адреса ссыльной Агафьи у него не было. В письме и книге он рассказал, как сражались вместе с Кузнецовым против фашистских оккупантов, как тот погиб и был посмертно награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Валентина с величайшим интересом и волнением читала письмо Медведева и его книгу о своем дяде Николае Ивановиче, его геройских подвигах в тылу врага. Ничего этого ни она, ни ее мама до тех пор не знали. Она немедленно написала обо всем Агафье Ивановне, а как только их отпустили на летние каникулы, сразу поехала к ней в Быковку. Агафья Ивановна со слезами на глазах читала и снова перечитывала книгу о своем дорогом брате, с которым она рассталась почти 20 лет назад, о военных подвигах и гибели которого в семье никто ничего не знал.

Постепенно, когда начитались и наговорились с Валентиной, и страсти немного улеглись, Агафья Ивановна рассказа Старовойтовой о своем брате и показала книгу. Александра Тихоновна залпом прочитала повесть Медведева. Партизанская тема была ей близка и хорошо понятна еще со времен смоленских военных событий, в которых ей пришлось участвовать. При нашей последующей встрече с Агафьей Ивановна она с благодарностью возвратила книгу и охотно поделилась впечатлениями.

Время – понятие вечное, остановить его невозможно. Наступило 1 августа 1950 года, когда по решению Уватского районного отдела МВД на основе вышестоящего постановления через 20 лет после ссылки Агафья Ивановна была снята с учета в комендатуре и освобождена из спецпоселения. Это означало, что она теперь могла свободно выехать в любой район области и страны. Ее дочь Валентина к этому времени окончила Тобольский педагогический техникум, получила назначение в Горнослинкино, устроилась там с жильем и перевезла к себе маму.

Вскоре распрощалась со своими спецпоселенцами и Александра Тихоновна. Трудолюбивого, энергичного участкового врача заметили в Тюмени, Старовойтова получила приглашение на работу в областную клиническую больницу и с облегчением покинула неуютный таёжный Чебунтан. И опять, наверное, по велению Божьему, Александра Тихоновна в 1953 году, работая врачом облбольницы, познакомилась с тюменским скульптором Алексеем Клюкиным и вышла за него замуж. В 1958 году в тюменском роддоме появился на свет их сын Алексей – первый и единственный. Семейная жизнь вошла в привычные берега.

Но наступил 1967 год, вся страна готовилась отметить 7 ноября 50-летний юбилей советской власти. В списке праздничных мероприятий был пункт по сохранению памяти о Героях и участниках революции и Великой Отечественной войны. Это новые книги, кинофильмы, мемориальные доски и памятники отличившимся в годы революции и войны.

Где-то в самом начале 1967 года в больнице Александре Тихоновне попала в руки книга чекиста Дмитрия Медведева «Сильные духом». С первых страниц она поняла, что это тот же полковник Медведев, которого она читала двадцать лет назад в Чебунтане, и разведчик тот же – Николай Кузнецов, брат учительницы младших классов Агафьи, с которой она, к сожалению, потеряла связь после возвращения в Тюмень.

Александра Тихоновна принесла книгу домой, быстро прочитала и с восторгом рассказала мужу, с какой радостью вновь пообщалась с автором Медведевым и главным героем Николаем Кузнецовым. Но сейчас, в отличие от прочтения первой книги, она лучше поняла, какой замечательный человек был разведчик Кузнецов, сколько ему нужно было выдержки и мужества, чтобы одному в оккупированном городе Ровно жить и бороться в окружении фашистских офицеров и ищеек гестапо.

Алексей Клюкин тоже не отрываясь прочитал книгу. Он, прошагавший дорогами войны четыре года, послуживший в воздушно-десантных войсках, имевший боевые награды, хорошо знал, что такое воинская доблесть, и очень высоко оценил боевые подвиги разведчика. Звание Героя Советского Союза так просто не присваивали. Кроме того, в разговоре с женой выяснилось, что уроженец деревни Зырянки Кузнецов начал свою самостоятельную жизнь в Тюменском сельскохозяйственном техникуме. Более экспрессивная и энергичная Александра Тихоновна тут же предложила супругу отложить свои текущие работы и немедленно заняться скульптурой Николая Кузнецова, чтобы поставить памятник именно около здания сельхозинститута. Алексей Иванович, увлеченный не меньше жены подвигами разведчика, согласился без колебаний.

Надо было срочно собрать необходимый материал. Через своих друзей-десантников он разыскал адрес брата Героя – Виктора Ивановича Кузнецова – и немедленно отправился к нему в Свердловск. С Виктором они отобрали для работы несколько фотографий, обменялись телефонами. Алексей Иванович заверил, что постарается скоро пригласить Виктора в свою мастерскую, чтобы показать первые заготовки.

Александра Старовойтова позднее вспоминала, что никогда раньше ее муж не работал так увлеченно. Прошло немного времени, и Виктор Иванович был приглашен к скульптору. Алексей показал ему три различных варианта бюстов разведчика. Гость выбрал один, однозначно заявив, что он самый похожий. Это тот, который стоит сегодня возле сельхозуниверситета.

А вскоре в мастерской появился первый секретарь Тюменского горкома ВЛКСМ Сергей Великопольский со своим замом Евгением Безруковым. Они осмотрели работу Ключкина и обсудили возможность создания памятника Герою-разведчику. Вопросами разрешения сооружения памятников и мемориальных досок в городе и области занималась специальная комиссия горисполкома с участием главного архитектора города и представителя областного военкомата. Вот туда и попала просьба горкома комсомола о сооружении памятника разведчику Кузнецову и письмо коллектива преподавателей и комсомольской организации сельхозинститута. В инструкции, присланной из Москвы, значилось, что памятники и мемориальные доски можно открывать «уроженцам данной области или постоянно проживающим там лицам». Уроженец Зырянки Свердловской области Николай Кузнецов ни по каким статьям не отвечал этим требованиям. Комиссия однозначно сказала «нет», вопрос повис в воздухе. Памятника разведчику могло и не быть, если бы все промолчали. Но в те времена, если в народе какая-то ситуация заходила в тупик и ее не решали никакие инстанции, люди обычно писали или шли в КГБ. Написали и в этот раз.

Теперь точно можно сказать, что «в один прекрасный день» заместитель начальника Тюменского управления КГБ полковник Александр Ильич Корнев пригласил к себе начальника идеологического отдела (были тогда такие) полковника Евгения Михайловича Чулимова и куратора сельхозинститута старшего лейтенанта Николая Зензина. Зачитав письмо, Корнев коротко приказал: «Прошу разобраться и доложить».

Через пару дней доложили, что формально комиссия горисполкома права. Но Кузнецов в Тюмени окончил первый курс сельхозтехникума, здесь вступил в комсомол, активно участвовал в коммунистических субботниках и других общественных мероприятиях, успешно окончил курсы эсперантистов, начатые еще в Талице. Именно в Тюмени он прошел уроки самостоятельной работы и получил хорошую путевку в жизнь. Ректор сельхозинститута Анатолий Васильевич Малов, участник войны и Сталинградской битвы, считает, что в Тюмени нет более популярного Героя Советского Союза, чем разведчик Николай Кузнецов, про которого написаны книги и снят кинофильм. Установленный ему памятник станет местом торжественных сборов молодежи и тюменских ветеранов, наверняка около него будут вручать билеты вновь принятым комсомольцам, а пионерам повязывать красные галстуки. Другого такого места в городе нет. Ректор и коллектив института просят тюменских чекистов поддерживать идею сооружения памятника разведчику возле здания, в котором он учился.

Выслушав доклад, Корнев сказал, что юридически управление КГБ не может вмешиваться в работу горисполкома. Значит, надо подключить секретаря горкома партии по идеологии Екатерину Петровну Корневу, ведь она уже не раз помогала чекистам. Он тут же позвонил супруге, к ней в таких случаях всегда вежливо обращался по имени-отчеству, хотя многие за твердый и решительный характер за глаза называли её Екатериной Второй. Кратко изложив суть проблемы, он спросил,

когда она сможет принять куратора сельхозинститута, он расскажет ей все подробно.

Вечером того же дня автор сидел в просторном кабинете Корневой. Екатерина Петровна внимательно и заинтересованно выслушала рассказ оперработника. Особенно ей понравились доводы ректора Малова, с ним она была лично знакома. Она однозначно заявила, что горком партии поддерживает коллектив института и чекистов, завтра же она побывает на комиссии в горисполкоме и постарается убедить ее членов в необходимости создания в Тюмени памятника разведчику Кузнецову.

Решение было принято в тот же день, и горком комсомола немедленно приступил к работе. Комсомольцы города настолько активно поддерживали идею создания памятника Герою, что денег собрали больше, чем требовалось по проекту. Итогом совместной активной работы Горкома ВЛКСМ, строителей и скульптора Алексея Клюкина стало открытие 19 декабря 1967 года возле сельхозинститута памятника Герою Советского Союза Николаю Кузнецову.

Это был еще и подарок тюменским чекистам к 50-летию создания органов ВЧК – КГБ, которое они отмечали 20 декабря 1967 года. На открытие памятника из Свердловска приехал брат Героя Виктор Иванович Кузнецов. Было много тюменских ветеранов войны, студентов и школьников. Клюкин привел своего девятилетнего сына Алексея – мальчик уже интересовался подвигами разведчика.

Мы помним, что скульптор изготовил три варианта бюста Николая Кузнецова. Один поставили у сельхозинститута, а что с двумя оставшимися? В предоставленных в 2011 году автору Клюкиным-младшим архивных документах его отца есть приложение к характеристике с перечнем всех созданных им произведений. В числе более чем тридцати работ значатся бюст Кузнецова, установленный у школы № 37 города Тюмени, и бюст, переданный в музей лицея № 34.

Руководитель этого музея Валентина Петровна Гаврилова рассказала, что за полувековое существование школы ребята и педагоги активно участвовали в создании и комплектации музея. Поисковый отряд под руководством Гавриловой не раз выезжал на раскопки в места боев Великой Отечественной войны, откуда привозили богатые военные трофеи: мины, снаряды, гильзы патронов, личные вещи солдат и офицеров, многое другое. В Тюмени собирали фронтовые письма, фотографии, книги, потом оформили несколько альбомов о разведчике Кузнецове. 18 мая 1963 года решением бюро городского совета пионерских организаций пионерской дружины школы № 34 присвоили имя Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Позднее такое же звание получила пионерская организация школы № 37.

В 1967 году, узнав, что скульптор Клюкин готовит бюст Николая Кузнецова для города, пионеры лицея № 34 долго собирали и сдавали макулатуру, чтобы заработать деньги на бюст для своей школы. Однако при личной встрече с Алексеем Ивановичем, когда пионеры рассказали ему об активных делах дружины по созданию музея, сохранению памяти о разведчике, а также встречах с ветеранами войны, Клюкин безвозмездно передал им бюст героя-разведчика.

Третий бюст (первым я считаю тот, что у сельхозинститута) был установлен во дворе школы № 37 и за ним ухаживали пионеры этой школы. Однако после распада Советского Союза в 1991 году и ликвидации пионерских организаций страны, школьники и педагоги стали уделять меньше внимания бюсту Героя, со временем он обветшал и потерял свой

художественный вид, а потом вообще исчез со двора. Никто из педагогов ничего не мог объяснить.

В сентябре 2015 года я отдыхал в санатории «Жемчужный», что на 27-м километре Ялуторовского тракта. Рядом, за забором санатория, две бригады рабочих заканчивали реконструкцию старого здания, делали вокруг него из плитки дорожку, вдоль которой располагали скульптуры Ленина, Сталина, несколько фигур пионеров, футболиста и девушки с веслом, военачальников периода Великой Отечественной войны. Вдоль забора санатория два постаментов пустовали. Я поинтересовался, кого на них разместят и неожиданно услышал: «Юрия Гагарина и разведчика Кузнецова, но их бюсты пока на реставрации».

В апреле 2016 года я снова приехал в санаторий «Жемчужный» и через пару дней отправился к соседям. Над входом прочитал свежую вывеску: «Гостиничный комплекс-музей «Дом пионеров». Для начала вручил дежурному администратору визитку полковника ФСБ, подписал музею свою книгу «Два разведчика с улицы Республики». Взамен заслужил внимание администратора и получил визитную карточку Дома пионеров с городским телефоном и адресом электронной почты. Поинтересовался, как обстоят дела с бюстом разведчика Кузнецова, который был на реставрации. Администратор охотно пояснила, что он уже на своем постаменте, недалеко от Гагарина. Прошел к Николаю Ивановичу. Да, стоит на месте, новенький, только что с реставрации. Лоб, нос и прическа – почти как у того, что находится у сельхозинститута, но поворот головы немного другой. А в целом очень узнаваемый Герой Советского Союза Николай Кузнецов.

...Журналисты иногда говорят: «удивительное рядом». Но как могут оказаться рядом разведчик Кузнецов и шрифт Брайля для слепых? Чтобы закончить разговор о случайностях, которые чаще всего закономерны, расскажу и об этом.

В феврале 2016 года я получил от Тюменской областной библиотеки для слепых и слабовидящих приглашение на презентацию моей книги «Два разведчика с улицы Республики», набранной... шрифтом Брайля.

За последние пять лет, со времени 100-летия со дня рождения Николая Ивановича, перечитал около пятнадцати книг разных авторов о разведчике Кузнецове. Но нигде не встречал даже упоминание о шрифте Брайля и вот – «пожалуйста, приходите на презентацию!» Необычное издание этой книги произошло следующим образом. В октябре 2015 года журналист Татьяна Потёмкина проводила встречу с читателями библиотеки и, по их просьбе, передала им книгу о разведчике. Сначала книгу читал вслух методист, а незрячие сидели и слушали. Но постепенно рассказы о подвигах легендарного разведчика Великой Отечественной так увлекли слушателей, что они решили издать книгу шрифтом Брайля, чтобы её мог прочитать любой желающий. Ведь у слепых часть функций зрения переходит на пальцы, и они захотели своими пальчиками «пощупать» подвиги разведчика.

Нашлись специалисты-энтузиасты, благодаря усилиям и терпению которых вместо 120-страничной книжечки появился увесистый том в 260 страниц. Заведующая библиотекой Татьяна Шиманская рассказала, что в библиотеке для слепых полторы тысячи читателей. Теперь каждый знающий шрифт Брайля сможет сам почитать книгу о войне и её героях, познакомиться с жизнью нашего земляка Николая Кузнецова. Она считает, что благодаря авторам книг, которые откровенно рассказывают о Великой Отечественной войне, сохраняется историческая справедливость,

молодёжь узнаёт правду о войне, получает примеры для подражания, одним из которых является герой-разведчик Кузнецов. Примечательно, что тюменские энтузиасты изготовили второй экземпляр книги шрифтом Брайля и передали ее в библиотеку для слепых города Кургана.

Закончить рассказ хочу 2017 годом, когда мы отметили 50 лет со дня открытия 19 декабря 1967 года бюста разведчика Кузнецова. Дожившие до сего дня, заметно поседевшие Сергей Великопольский, Евгений Безруков, Алексей Клюкин-младший и Николай Зензин собрались по инициативе последнего на улице Республики, 7 возле бюста разведчика.

Говорили, вспоминали, какими были молодыми и как легко брались за любые трудные дела. Алексей Алексеевич Клюкин, теперь доцент кафедры дизайна и архитектурной среды Тюменского индустриального университета, очень тепло и откровенно рассказал: «Был тогда совсем юным, но помню многое из того, что происходило 50 лет назад. Удивительно, что в тот день так же, как и сегодня, падал снег. Еще помню, как меня отругали за то, что прогулял занятия в школе. Папа позвал меня на открытие бюста, я с радостью пошел – повод такой замечательный! Теперь для меня этот монумент разведчику – память об отце и своем детстве, а с другой стороны – сохранение общечеловеческой памяти о Герое. И это – полное совпадение интересов. Обучаясь в школе, я уже многое знал о подвигах Николая Кузнецова. Дома разговаривали на эту тему. В советское время Герой-разведчик вызывал восхищение. С тех пор восприятие почти не изменилось. Но сегодня понимаешь, что тогда героизация была больше идейная, а сейчас задаешься вопросом: «Вот интересно, а теперь кто-нибудь бы так смог?»

В тот морозный день 19 декабря 1967 года после многолюдного торжественного митинга группа чекистов – участников Великой Отечественной войны и молодых сотрудников Тюменского управления КГБ возложила живые цветы к памятнику Герою-разведчику. Это были первые цветы Николаю Кузнецову от тюменских чекистов.

С 1968 года делегации чекистов-ветеранов и молодых сотрудников стали возлагать цветы дважды в год: 9 Мая в День Победы и 27 июля в день рождения Николая Ивановича Кузнецова. Это стало замечательной традицией, которая живет и по сей день.

К ней добавились и другие, например, все вело-, мото- и автопробеги, посвященные разведчику Кузнецову, берут начало с улицы Республики, 7. Так было и в 2016 году. Старт велопробегу «Сибиряки: дорогами Побед» от Тюмени до Тобольска, посвящённому 105-летию со дня рождения Николая Кузнецова, дал губернатор области Владимир Владимирович Якушев. Первый этап до Покровки он проехал на велосипеде вместе со всеми в головной колонне. Завершился пробег на площади у Тобольского кремля. Некоторые продвинутые участники, кто постарше, подвели итог: «Начали пробег в Тюмени от памятника Николаю Ивановичу, а закончили в Тобольске у его сестры Агафьи Ивановны».

Сергей БИРЮК

9-й пехотный резервный Сибирский Тобольский полк в войне с Японией

Первые бои с японцами

После сколачивания в крепкую боевую единицу, 28 апреля из г. Тобольска полк выступил в Маньчжурию. Путь занял 30 дней, 28 мая полк прибыл в г. Ляоян (5, с. 42).

Личный состав 9-го пехотного Сибирского Тобольского полка на 15 мая насчитывал 61 офицера и 4 185 строевых и нестроевых нижних чинов (8, приложение № 2а, с. 23).

К моменту прибытия полка на фронт сложилась следующая обстановка: 24 мая главнокомандующий адмирал Алексеев предписал генералу Куропаткину перейти безотлагательно в наступление на вырчку Порт-Артура силами «не менее 48 батальонов» (то есть 4 стрелковые дивизии). Наместник требовал активных действий. Командующий Маньчжурской армией являлся сторонником пассивно-выжидательной тактики, желая дать бой на сильно укрепленных ляоянских позициях и ни в коем случае не наступать самому. На приказ о наступлении генерал Куропаткин посмотрел поэтому как на «отбывание номера» и отправил, в порядке канцелярской отписки, 1-й Сибирский армейский корпус барона Штакельберга – не 48 батальонов, как то приказывал Алексеев, а вдвое меньше. Предписав Штакельбергу «с превосходными силами в бой отнюдь не вступать», Куропаткин счел свой долг исполненным (4, с. 66).

Тобольский полк в ночь на 2 июня получил приказ выдвинуться на помощь 1-му Сибирскому армейскому корпусу. Около часу ночи полк загрузился в два железнодорожных эшелона и двинулся на юг. В 4 утра началась выгрузка эшелонов на ст. Вафаногоу. Японские снаряды рвались на ближайших к станции горах. К моменту прибытия Тобольского полка сражение было в самом разгаре. Японцы обходили правый флаг 1-го корпуса. Задачей тобольцев стало задержать движение японских обходных колонн. Полк выдвинулся в горы и занял выход из ущелья Лунтайху. Развернувшись в боевой порядок, полк вступил в бой. В течение дня полк отразил несколько атак японцев и остановил их движение на этом участке.

Благодаря самоотверженным действиям полка, 1-й Сибирский корпус избежал окружения. В 20 часов тобольцы снялись с позиции и отошли, прикрывая 1-й Сибирский корпус (5, с. 43). Старший унтер-офицер 14-й роты А. Балин, получив ранение, до конца боя оставался в строю, умело управляя огнем своего взвода. Всю войну Балин добровольцем всегда вызывался на самые опасные поручения. За подвиги, оказанные им во многих последующих боях, его удостоили знака отличия военного ордена Святого Георгия 2-й, 3-й и 4-й степеней (5, с. 83).

Потери полка составили 2 офицера и 8 нижних чинов убитыми, 55 нижних чинов были ранены. Всего потери русских частей – 131 офицер, 3 577 нижних чинов убитыми и ранеными и 21 орудие. Японцы лишились 35 офицеров и 1 137 нижних чинов. Так закончилась первая попытка активных действий Маньчжурской армии (4, с. 67).

Следующий бой тоболяки приняли у станции Дашичао. 10 июля обнаружилось наступление армии Оку против нашего Южного отряда в общем направлении на Дашичао. В произошедшем здесь 11 июля бою японцев

отразили по всей линии. Генерал Зарубаев предложил либо отступить за благоприятно без боя, сберегая войска, либо уж драться серьезно, до последнего и разбить японцев (4, с. 68).

10 июля полк в составе отряда генерал-майора Шилейко занимал укрепленную Наньдалинскую позицию. В 5 утра 11 июля началась артиллерийская канонада, продолжавшаяся 15 часов. Главный удар японцев обрушился на правый фланг, занимаемый Барнаульским и Томским полками. Тобольский и два батальона Семипалатинского полка занимали левый участок. В 12 часов 4-й батальон Тобольского полка провел демонстративную атаку, без единого выстрела он подошел к японцам на 300 шагов, но попав под ружейно-артиллерийский огонь, отошел (5, с. 44). Эти действия уменьшили давление японцев на правый фланг русских. В 16 часов на помощь батальонам Семипалатинского полка выдвинулись 1-я, 2-я, 11-я и 12-я роты тоболяков. Вечером после 30-минутной артподготовки японцы провели несколько атак на позиции семипалатинцев. Тобольские роты перешли в контратаку и отбросили японцев. В дальнейшем противник ограничился ружейной перестрелкой. В полночь был получен приказ отходить к д. Саньченцзы. Потери: 1 офицер и 27 нижних чинов убитыми, 3 офицера и 153 нижних чина ранеными, 1 офицер и 79 нижних чинов пропали без вести (5, с. 45).

По данным Кесновского, общие потери русских – 37 офицеров, 782 нижних чина, у японцев выбыло 60 офицеров и свыше 1 100 нижних чинов. Тем болезненнее поразил войска, уже было почувствовавшие свое превосходство над неприятелем, приказ Куропаткина отступить... С оставлением Дашичао оставлялся врагу и порт Инкоу (соединенный с Дашичао железнодорожной веткой) и терялась морская связь с Порт-Артуром (4, с. 68).

Кангуалин и д. Саньченцзы

18 июля прибывший в Маньчжурию маршал Ойяма перешел в наступление армиями Нодзу и Куроки. Еще накануне, 16 июля, получен приказ – 1-му батальону Тобольского полка отправиться на усиление отряда генерал-майора Мищенко. Вечером батальон присоединился к отряду. 18 июля подошли остальные три батальона Тобольского полка. Состав отряда Мищенко: Тобольский полк, 13 рот Омского полка, 6 сотен и 3 конных батареи. Фланг отряда прикрывался конницей полковника Павлова, занимавшей Яншугоусский перевал. В 3 часа 18 июля японцы сбили отряд Павлова с позиций и заняли высоту Орлиное гнездо, грозили разделить русские позиции на две части. Генерал-майор Мищенко, заняв позицию к югу от д. Саньченцзы, тремя батальонами Омского полка остановил японцев с фронта (5, с. 46). Однако японцы с высоты Орлиное гнездо поражали русских с флангов и тыла.

2-й батальон Тобольского полка получил приказ атаковать высоту и выбить японцев. Но высокие горы Орлиного гнезда, жара, массивный огонь задерживали движение батальона. 4-й батальон был направлен на помощь отряду Павлова. Он поддерживал атаку 2-го батальона на Орлином гнезде залповым огнем, также обстреливая японцев, занимавших Яншугоусский перевал. 9-я и 10-я роты прикрывали артиллерию.

1-й батальон, находившийся в резерве, попал под артобстрел и понес значительные потери. В 12 часов на поддержку 2-му батальону были направлены 2-я и 3-я роты. Японцы тем временем продвигались по горам и обходили левый фланг русских, угрожая тылу. Генерал Мищенко приказал занять позиции по линии деревень Цаомяоцзы и Суцзяпуцзы и контратаковать японцев силами 1-й, 3-й, 11-й и полуроты 12-й рот.

Тоболяки пошли в атаку под командованием полковника Душкевича (5, с. 47). Сняв снаряжение, под огнем противника карабкаясь на кручи, сбили японцев и заняли высоту. Обстановка сразу изменилась, противник прекратил обстрел тыловых позиций и обход левого фланга.

В 20 часов был получен приказ оставить занятые позиции. Тобольский полк отошел к д. Цангоу и расположился на ночлег. Потери составили 10 нижних чинов убитыми, 5 офицеров и 72 нижних чина ранены, 13 нижних чинов пропали без вести (5, с. 48).

Части 4-го Сибирского армейского корпуса Зарубаева отступили на Хайченские позиции, но 24 июля Хайчен было предписано оставить без боя.

Бои при Дашичао, Кангуалине и Янзелине знаменовали собой оставление Южной Маньчжурии и отход войск из гор в местность более равнинную. Наши войска отводились в сильно укрепленный район Ляояна, где Куропаткин стремился с самого начала войны дать генеральное сражение. В неизбежности этого генерального сражения и победы в войсках никто теперь не сомневался (4, с. 70).

Бой у д. Багуагоу. Сражение под Ляояном

В ночь на 15 августа Тобольский и Омский полки находились в арьергарде 4-го Сибирского армейского корпуса под командованием генерал-майора Коссаговского. Был получен приказ – занять оборону у д. Багуагоу. Численный состав Тобольского полка на 15 августа составлял 46 офицеров, 2 720 строевых и 422 нестроевых нижних чина (9, приложение № 2, с. 46). Около 4 часов Тобольский полк расположился на высотах к северо-востоку от деревни, правее его высоту к востоку от железной дороги занял Омский полк. Общий резерв, по два батальона каждого полка, расположился у д. Цянтлишантунь. Две батареи 1-й Сибирской артбригады стали в низине около Мандаринской дороги. Боевая часть Тобольского полка состояла из 3-й и 4-й рот и 2-го батальона, 1-я и 2-я рота прикрывали артиллерию и служили связью с Омским полком.

В 5 часов обнаружена японская колонна, обходившая позиции Тобольского полка слева. Для предотвращения обхода из резерва выдвинули 3-й батальон Тобольского полка с двумя сотнями батарей. Японская артиллерия обстреливала русские позиции, затем в атаку по всему фронту перешла пехота японцев. Тобольцы и омцы стойко выдерживали атаки японцев с фронта, но в это время значительные силы японцев выполняли обход левого фланга Тобольского полка (5, с. 50). Здесь их атаковал 3-й батальон Тобольского полка. Несмотря на превосходство противника в силах, остановил и до конца боя сдерживал противника. Позиции Омского полка японцы обошли справа. Таким образом, к 10 часам арьергард был обойден с обоих флангов и подвергся артобстрелу с трех сторон, а Тобольский полк и с тыла. Положение было угрожающее, тем более, что использовали все резервы. Полки удерживали позиции у д. Багуагоу до тех пор, пока войска 1-го Сибирского корпуса не отошли за р. Шахэ. Позиции оставили только после приказа об отходе. Потери Тобольского полка: 1 офицер убит, 3 офицера и 97 нижних чинов ранены (5, с. 51).

17 августа Тобольский полк находился в общем резерве у д. Далиньцзы Северная. Вместе с Барнаульским и Красноярским полками он обеспечивал тыл и правый фланг 1-го Сибирского корпуса, занимая позиции между 4-м и 5-м фортами.

18 августа Тобольский полк был выдвинут к д. Сибаличжуан, куда прибыл в 18 часов. В 20.30 1-й батальон выдвинут на поддержку Красноярского полка. Прибыв на место, батальон развернулся в одну

линию и занял железнодорожное полотно у д. Юцзячжуанзы. Завязалась ружейная перестрелка, продолжавшаяся до часу ночи. Остальные батальоны полка заняли форт № 4 (5, с. 53–54).

В ночь с 18 на 19 августа русские войска оставили передовые позиции и перешли на правый берег р. Тайцзыхэ. Тобольский полк вошел в состав гарнизона Ляояна. Утром японцы атаковали форт № 4, но были отражены. В 14 часов Тобольский полк был сменен частями 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и занял форты №№ 8, 9, 11, 14, 15 и 16. В 13.30 началась бомбардировка Ляояна. К вечеру полк отошел в частный резерв. В 11 часов 1-й и 3-й батальон заняли форт № 7, но вскоре были сменены ротами Барнаульского полка (5, с. 54).

20 августа Тобольский полк прикрывает демонстративную атаку в районе фортов №№ 5 и 8. Тобольцы прикрыли отход Енисейского и Семипалатинского полков, охотничья команда подбирала раненых этих полков. Всего было вынесено офицер и 50 нижних чинов. В этом бою тобольцы потеряли 3 нижних чина убитыми, офицер и 21 нижний чин были ранены (5, с. 55–56).

21 августа Куропаткин приказал оставить Ляоян. Японцы весь день обстреливали город и укрепления. В 19.30 начался постепенный отход войск и переправа через р. Тайцзыхэ. Тобольский и Красноярский полк составляли арьергард отступавших войск. Арьергард в 17 часов занял форты 2-й линии обороны: №№ 14–16. Охотничьи команды занимали укрепления 1-й линии до 23 часов. В 1.00 22 августа получено донесение, что главные силы перешли р. Тайцзыхэ. Арьергард, не тревожимый неприятелем, в полном порядке в 2.20 подошел к мостам и переправился на правый берег. Мосты были сожжены (5, с. 56).

В течение 22–23 августа полки продолжали отход. В 12.30 Тобольский полк, расположившись на биваке, отдыхал и варил чай. Внезапно со стороны Янтайской ветки раздались артиллерийские выстрелы, над биваком начала рваться шрапнель. Полк был поставлен в ружье и выведен за предел артобстрела. Развернувшиеся 4-я и 5-я батареи 3-й артбригады двумя залпами принудили японскую батарею к молчанию. Потери полка оставили 9 нижних чинов (5, с. 57).

24 августа арьергард присоединился к дивизии. Так закончилась «ляоянская неделя» – первое генеральное сражение между русской и японской армиями. Наш урон в Ляоянском сражении 18 300 человек (7 генералов, 531 офицер), пленными лишь сотня-другая. 15 августа при отходе 1-го Сибирского корпуса на Ляоянские позиции оставлено 8 орудий, завязнувших в болоте. Японские потери 23 714 человек (4, с. 71).

Сражение на р. Шахэ

Маньчжурская армия отступила к Мукдену на позиции по реке Хуньхэ в 70 верстах к северу от Ляояна. Утомленные японцы не преследовали, дойдя главными силами лишь до реки Шахэ и выслав к северу авангарды.

В конце сентября генерал Куропаткин начал наступление. Целью предстоящего наступления он назначил «оттеснить противника за реку Тайцзыхэ», поставив армии задачей не разгром живой силы неприятеля, а всего лишь достижение известного географического рубежа.

Главная роль – нанести поражение армии Куроки. Охватить в горах правый фланг неприятельского расположения была поручена Восточному отряду. 23 сентября наша армия перешла в наступление по всему фронту. Японцы быстро отходили на соединение с главными силами, избегая боя. 24 сентября наступление продолжалось: в Восточном отряде – ощупью,

в Западном – очень медленно, с опаской и оглядкой. Мы овладели все же долиной Шахэ. Между обеими группами образовался разрыв, куда для пополнения был двинут 4-й Сибирский корпус.

27 сентября Тобольский и Омский полки входили в состав отряда генерал-лейтенанта Зарубаева, имевшего задачу обеспечивать правый фланг Восточного отряда. Численный состав Тобольского полка на 1 сентября составлял 37 офицеров, 2 239 строевых и 420 нестроевых нижних чинов (9, приложение № 2, с. 46). В ночь на 28 сентября полки ночевали в д. Янсинтунь. В полночь получен приказ следовать к д. Хаматань, в 4.30 полки оказались на месте.

Для содействия Восточному отряду было приказано выделить 6 батальонов Омского и Тобольского полков с батареей 1-го Сибирского арtdивизиона и сотней верхнеудинских казаков. Эти части составили отряд генерала Шилейко (5, с. 58). Отряд должен был действовать в направлении на перевал Ченгоулин. В 5 часов полки начали выдвигаться. Около 8 часов 3-й батальон Тобольского полка был направлен на поддержку 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Батальон занял позицию у д. Мяохуопу и сразу же подвергся атакам японцев. На его поддержку из резерва был выдвинут 3-й батальон Омского полка. Целый день батальоны отражали атаки противника, а к концу дня, перейдя в атаку, отбросили правый фланг японцев.

Вечером по приказу генерала Шелейко батальоны отошли к д. Лиухедзы. После ухода тобольцев было получено донесение об обходе правого фланга 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, для поддержки был выдвинут 1-й батальон Тобольского полка на Большую сопку, к югу от д. Лиухедзы. Стремительная атака вынудила японцев оставить эту позицию (5, с. 59). В 9 часов 2-й батальон Тобольского полка занял позиции рядом с 1-м батальоном и открыл залповый огонь по японской батарее. 1-я рота тобольцев совместно с сотней казаков атаковала Лесистую сопку. Несмотря на ожесточенное сопротивление японцев, были захвачены два гребня высот. Во время атаки получил ранение пулей в грудь навyleт командир полка – полковник Душкевич. Казаки, занявшие соседнюю сопку, расстреляв патроны, были вынуждены оставить ее. Была выдвинута 4-я рота, она выбила японцев, но потеряла ротного командира и отошла. Наконец 3-я рота, выдвинутая из резерва, окончательно закрепилась на высоте.

Наступила ночь, и роты попытались окопаться, но каменистый грунт не поддавался действию малой лопаты (5, с. 61). В полночь японцы начали непрерывные атаки на позиции 1-й и 3-й рот. Дело доходило до штыкового боя. 1-я рота отбила 11 штыковых атак. Работали штыками и прикладами, схватывались рукопашную. К 6 часам японцы были отброшены и в беспорядке отходили, преследуемые ружейным огнем. 1-я и 3-я роты понесли тяжелые потери: из строя выбыли почти все офицеры и более двух третей состава нижних чинов. В 6.30 был получен приказ отступить. Части, занимавшие позиции по обоим флангам батальона, отошли, и он, таким образом, был охвачен с трех сторон. Японцы в 7 утра перешли в решительное наступление. Батальон, отбиваясь от наседавшего противника, отходил к д. Хаматань. Потери: убиты 4 офицера и 90 нижних чинов, ранены 14 офицеров и 580 нижних чинов. Основные потери понесли 1-я, 3-я и 12-я роты (5, с. 62).

Ранним утром 29 сентября генерал Коссович с Барнаульским полком и артиллерией занимал позицию к востоку от д. Сялиухецзы. Отряд Мищенко отошел к Хаматаню, роты Омского полка, входившие в его отряд, были выделены к резерву 4-го Сибирского корпуса. Отряд генерала Шилей-

ко отходил на соединение с отрядом Коссовича. По два батальона Омского и Тобольского полков заняли позиции у д. Янсянзая. Они прикрывали отход арьергардных батальонов Тобольского полка (1-го и 2-го). Два батальона Омского полка из резерва были направлены генерал-лейтенантом Зарубаевым на усиление отряда генерала Коссовича. Японцы с утра начали обстрел русских позиций и крупными силами охватывали их с флангов. К 11.00 обе русские батареи, 3-я и 4-я, были подавлены японским огнём. К часу дня полки отвели на вторую позицию, южнее д. Янсянзай. Один батальон омцев занял сопку к востоку от деревни, два батальона встали в резерве за этим участком (5, с. 64). Левее расположился отряд генерала Шилейко: батальон Омского полка, полтора батальона Тобольского полка, две роты 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и батарея. Еще левее – отряд генерала Мищенко с 4-м Восточно-сибирским стрелковым полком и батальоном Тобольского полка.

30 сентября, вследствие отступления 17-го армейского корпуса к реке Шахэ, в 6 часов вечера войскам 4-го Сибирского корпуса было приказано отходить в р-н д. Фаньдяпу.

В боях на реке Шахэ потери Тобольского полка составили: 4 офицера и 162 нижних чина убитыми, 16 офицеров и 441 нижний чин ранеными, 80 нижних чинов пропали без вести (10, приложение № 48, с. 463).

Сражение под Мукденом

После сражения на реке Шахэ Тобольский и Омский полки в составе 4-го Сибирского корпуса занимали укрепленные позиции у д. Фаньдяпу, неся сторожевую службу и занимаясь сооружением укреплений. В период до середины февраля полки участвовали во многих рекогносцировках, разведках, поисках, производили атаки на сторожевые посты японцев, отбивали нападения на свое охранение.

В начале февраля японцы начали наступление. План вражеского главнокомандующего заключался в энергичной демонстрации армиями Кавамуры и Куроки на Линевича с целью обратить сюда все внимание и все резервы русского командования (Нодзу должен был следить за Бильдерлингем). Когда русские будут окончательно связаны на своем левом фланге и оголят остальные участки, армиям Оку и Ноги надлежало наброситься на Каульбарса и разгромить его: Оку – с фронта, Ноги – широким обходным движением долиной Ляохэ, во фланг и в тыл. В случае особенной удачи, если Кавамуре и Куроки удалось бы сбить Линевича, могли получиться «Каньны» – двусторонний охват русских маньчжурских армий. Расчёт следует признать отличным, распределение сил посредственным: на демонстрацию назначалось 6 дивизий, на решительный удар – только 7.

12 февраля V и I японские армии яростно атаковали Линевича, начав двухнедельное Мукденское сражение. 13, 14, 15 и 16 февраля по всему фронту нашей 1-й армии шел жестокий бой. Ренненкампф отразил Кавамуру, Иванов и Зарубаев сразу же остановили Куроки. Обе японские армии истекали кровью, а 1-й армейский корпус генерала Мейендорфа легко отбил пытавшегося им помочь Нодзу (4, с. 80).

Численный состав тобольского полка на 1 февраля составлял 72 офицера, 2 771 штык (11, приложение № 1, с. 39).

21 февраля по приказу А.Н. Куропаткина из состава 4-го Сибирского корпуса выделены Томский полк и по батальону Тобольского и Омского полков с батареями и сотней казаков. Они составили сводную бригаду под командованием полковника Борисова и в ночь на 22 февраля выступили в Мукден.

От Тобольского полка был назначен 1-й батальон, от Омского – три роты 1-го батальона и 13-я рота (5, с. 65).

22 февраля был получен приказ оставить позиции у Фаньдяпу и отходить на г. Фулин. В ходе отступления Тобольский и Омский полк несколько раз на аррьергардных позициях отбивали атаки японцев и задерживали их наступление.

Батальоны сводной бригады Борисова расположились у деревень Сяогоуза и Фаньдятунь. Ближайшей задачей было занятие и укрепления деревень Тунчандза и Кусантунь. Генерал Куропаткин намечал собрать в этом районе 90 батальонов для действий против д. Тхэнитунь. Для занятия деревень были выделены 1-й и 2-й батальоны Томского полка, его охотничья команда и 1-й батальон Тобольского полка. Эти части находились под общим командованием полковника Манштейна. В полночь тоболяки без выстрелов заняли д. Тунчандза, томичи, сбив охранение, овладели д. Кусантунь. Заняв деревни, батальоны приступили к их укреплению (5, с. 66).

В это время батальон Тобольского полка весь день 24 февраля укреплял позиции в д. Тунчандза. Работы велись под артиллерийским обстрелом врага. В 15 часов мимо деревни прошли части Оровайского полка, направлявшиеся для атаки д. Госитунь. Японцы отбили атаку Оровайского полка и сами перешли в атаку на д. Кусантунь, обороняемую батальоном Томского полка. Оровайцы и томичи, не выдержав атак японцев, отошли за д. Тунчандза.

Ночью был получен приказ отбить д. Кусантунь. Тобольский батальон должен был атаковать с фронта, Томский с охватом правого фланга. Только тоболяки двинулись в атаку, как попали под массированный артиллерийский и ружейный огонь. Несколько раз роты бросались в атаку, но град пуль и снарядов останавливал их. За 15 минут выбили из строя половину офицеров и треть нижних чинов. От первой роты остались фельдфебель и несколько нижних чинов. Деревню все же захватили части Томского и Мокшанского полков, а тоболяки отошли в д. Тунчандза (5, с. 68).

25 февраля японцы начали артобстрел деревень Кусантунь и Тунчандза, огонь велся с трех сторон. Деревни окутались дымом рвущихся шрапнелей и гранат, японцы густыми цепями бросались в атаки, пулеметный и ружейный огонь был очень интенсивен. Томичи и оровайцы оставили д. Кусантунь и отошли в д. Тунчандза, куда уже несколько раз врвались японцы на плечах отступавших, но были выбиты тоболяками.

В 9 часов две японские батареи с расстояния 1 500 метров обстреливали деревню, пехота поддерживала сильный огонь с фланга и тыла. В полдень, отразив ожесточенную атаку, русские отошли из д. Тунчандза. В составе батальонов Тобольского, Томского и Мокшанского полков оставалось всего 140 человек. В батальоне Тобольского полка осталось 3 офицера и несколько десятков рядовых.

Потери Тобольского полка в мукденских боях: 6 офицеров и 82 нижних чина убитыми, 7 офицеров и 176 нижних чинов ранеными (5, с. 67–68).

1 марта полки и части присоединились к своей дивизии, продолжая отступление на Телин и далее до Сыпингайских позиций. Там они находились до октября 1905 года, проводя постоянные работы по укреплению позиций.

Эпилог

20 октября высочайше утвержден мирный договор, началась перевозка войск в места постоянной дислокации. В декабре Тобольский полк прибыл в г. Тюмень, где был демобилизован и приведен в двухбатальонный состав,

с откомандированием 2-го батальона на постоянные квартиры в г. Тобольск и назван 9-й пехотный Сибирский Тобольский резервный батальон.

За всё время войны Тобольский полк потерял 12 офицеров и 183 нижних чина убитыми, 32 офицера и 1 066 нижних чинов ранеными, 3 офицера и 220 нижних чинов пропали без вести.

Награждён орденом Святого Георгия 4-й степени и золотым оружием командир Тобольского полка полковник Душкевич. 465 нижних чинов Тобольского полка были удостоены знака отличия военного ордена Святого Георгия 4-й степени, 3-й степени – 40, 2-й степени награждены Аким Балакин, Степан Тонкушин, Алексей Балин (5, с. 85–103).

Полк получил коллективную награду – Георгиевское знамя с надписью на скобе «1711. Сибирскаго Гарнизона Санктъ-Петербуржкїй полкъ. 1907. За отличіе въ войну съ Японіей 1904 и 1905 годовъ. 1907. 9-го пехотнаго Сибирскаго Резервнаго Тобольскаго полка» (5, с. 71).

1 августа 1910 года Тобольский и Омский полки сведены в 43-й Сибирский стрелковый полк. Штаб-квартира в г. Омске. Полку присвоено старшинство Тобольского полка и его Георгиевское знамя. Последним командиром Тобольского полка был полковник Полянский, первым командиром нового полка стал последний командир Омского резервного полка полковник Марсов-Тишевский.

19 февраля 1911 года в честь 200-летнего юбилея 43-му Сибирскому стрелковому полку даровано новое Георгиевское знамя с надписями «1711–1911» и «За отличіе в войну с Японіей 1904 и 1905 годовъ» (5, с. 72).

В Первой мировой войне 43-й Сибирский стрелковый полк воевал на Северо-Западном и Западных фронтах (3). Сражался под Лодзью и Праснышем. За боевые заслуги орденами Святого Георгия 4-й степени и георгиевским оружием были награждены 15 офицеров полка (2).

Литература:

1. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 221.
2. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, отв. сост. В.М. Шабанов. Федеральное архивное агентство, РГВИА, Издательство «Русский мир», Москва, 2004, 928 стр.
3. Историческая справка по 43-му Сибирскому стрелковому полку. <http://antologifo.narod.ru/pages/list2/histore/ist43SibStP.htm>
4. Керсновский А.А. История русской армии. – М.: Голос, 1994. Т. 4.
5. Крылов И. А. Памятка 43-го Сибирского стрелкового полка. 1711–1911. Омск, 1911. 64 с.
6. Отчет военного министра по поездке на Дальний Восток в 1903 году. Ч. 1 Осмотры войск, военных учреждений и заведений – СПб, 1903.
7. Разведчик. № 1904 г.
8. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 2., ч. 1.
9. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 3. Ч. 1–2.
10. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 4. Ч. 1.
11. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 5. Ч. 1.
12. Список полковникам по старшинству 1905 года. Составлен по 1 января. СПб. 1905.

Сергей СЕДЫХ

По фарватеру воспоминаний. Навеяно книгой

В мае 2014 года в г. Омске вышла из печати книга Григория Константиновича Вставского «Капитаны Иртыша», рассказывающая о нескольких поколениях капитанов Иртышского речного пароходства. Григорий Константинович 20 лет возглавлял коллектив бассейновой газеты «Речник Иртыша», лично знал многих героев книги и был непосредственным свидетелем множества ярких страниц в истории пароходства. Впечатлениями от прочитанного, а заодно и нахлынувшими в связи с этим воспоминаниями, мне и хочется поделиться. Испытываешь совсем иные ощущения при прочтении книги, в которой мелькают знакомые имена и события.

С большим интересом прочитал очерки о легендах Иртышского пароходства – капитанах В.А. Вронском, И.А. Чудинове, П.А. Плахине, В.И. Евдокимове и о своём земляке, уроженце Черлакского района Василии Ивановиче Таркове.

Не менее интересны страницы, посвященные следующему поколению капитанов: М.И. Листопадову, Н.Е. Власюку, Л.И. Соколову. Это уже имена моего детства, звучавшие в разговорах родителей и их коллег по нелегкому флотскому труду. Читая очерк о Митрофане Петровиче Листопадове, вспомнилось событие, оставившее заметный след в моей памяти.

Весной 1972 года впервые в практике Иртышского пароходства теплоходы ОТ-2018 и ОТ-2017 прошли по сплошному, еще не вскрывшемуся льду, от Омска до Черлака. Два огромных, как нам, тогда ребятишкам, казалось, невесть откуда взявшихся белых красавца-теплохода посреди замершей реки вызвали неподдельный восторг не только у черлакской ребятни, но и у взрослых. Это было практически чудо. Потом подобные рейсы судов 428-го проекта станут привычными и уже не будут никого удивлять. А по прошествии нескольких лет каждую весну на Черлакский рейд станет приходиться ледакол «Капитан Чудинов», на капитанском мостике которого будет стоять Юрий Иосифович Шульман, и это тоже станет привычным и обыденным. Но тогда это случилось впервые, наверное, потому так и врезалось в детскую память.

С особым волнением прочитал в печати очерк о капитане парохода «Туркменистан» Николае Дмитриевиче Шевелёве. Дело в том, что я знаком с сыном Николая Дмитриевича Александром. Николай Дмитриевич встал на капитанский мостик парохода «Туркменистан» в предвоенном 1940 году и проработал на нем без малого 20 лет, включая навигации военного лихолетья. Потом были пароход «Красноармеец», рефрижератор «Советский Иртыш», с которого он и ушел на пенсию по болезни. Осенью 1965 года Николая Дмитриевича не стало – рак легких.

Родом Николай Дмитриевич из деревни Шевелёво Оричевского района Кировской области, расположенной на берегу реки Вятки. Из этой же деревни был капитан теплохода-сормовича проекта 10 «Академик Вильямс» Михаил Дмитриевич Шевелёв (в книге упоминается как капитан парохода «Байдуков»). Когда им вручили ордена Ленина, то в газете написали, что награждены братья Шевелёвы, хотя они таковыми не являлись.

Кстати сказать, в первой половине прошедшего века на Иртыше работало довольно много выходцев с Вятки. Достаточно вспомнить известные династии речников Тупицыных, Пушкаревых, Втюриных, многие из

которых были капитанами, из Вятичей был и Александр Фадеевич Зубарев, известнейший на Иртыше капитан, герой еще одного очерка Григория Вставского.

Приятно было прочитать в короткой заметке «Улицы, названные именами речников» имя Виталия Григорьевича Колеватова. Я хорошо помню Виталия Григорьевича и его жену Антонину Федоровну. В тот год, когда мне пришлось время идти в первый класс, конец августа застал сухогрузную баржу МП-1431, на которой тогда работала моя мама, в плесе в районе Салехарда. Меня доставили из Салехарда в Черлак и отдали на попечение Антонины Фёдоровны. Таким образом, на несколько месяцев, до конца навигации, я оказался в семье Колеватовых.

Позволю себе небольшое отступление, связанное с этим событием. Основной вид транспорта, на котором в те времена можно было попасть из Салехарда в Омск, был водный, но это оказалось бы довольно длительное путешествие, а времени до 1 сентября оставалось мало. И тогда маме при содействии какого-то «большого» речного начальства достали (какое забытое уже слово) билет на самолет. Улететь из Салехарда летом и в теперешние времена не так-то просто, знаю из собственного опыта, поскольку несколько раз в год приходится летать по работе, а тогда и подавно. Но вся экзотика заключалась в том, что в то время в Салехарде кроме аэропорта в классическом его понимании существовал еще и его речной собрат – гидропорт. Самолёты взлетали и садились прямо с акватории реки Полуй. Гидросамолёты представляли собой одну из модификаций знаменитого «кукурузника» Ан-2 на поплавковом шасси. Вот на одном из таких самолетов мы и вылетели на Тюмень, а оттуда уже поездом добирались до Омска и далее «Ракетой» до Черлака. Так единственный раз в жизни мне довелось летать на гидросамолёте. К слову сказать, несмотря на то что гидропорт уже давно ушел в прошлое, городской район Салехарда, где он когда-то располагался, до сих пор носит название «Гидропорт».

Попробую немного рассказать о Виталии Григорьевиче, воспользовавшись автобиографией, написанной им для аттестационной комиссии Нижне-Иртышскоко речного пароходства в 1954 году.

В.Г. Колеватов родился в 1910 году в Павлодаре в семье речника. После окончания семилетней школы в 1927 году Виталий Григорьевич пришел работать на Павлодарскую пристань Госпароходства. Работал кочегаром на пароходе «Тобольск» и землечерпалке «Сибирская-13». В 1930 году поступил в Омский техникум водных путей сообщения. Осенью 1932 года был призван на службу в ВМФ. Прослужив в течение 6 лет на кораблях Амурской военной флотилии, в декабре 1938 года вернулся в Омск. Работал на различных должностях на Омском судоремонтном заводе. С началом Великой Отечественной войны в августе 1941 года вновь призван в ряды ВМФ и в звании главстаршины назначен механиком одного из катеров Амурской военной флотилии. Участник войны с Японией. Награждён несколькими медалями, в том числе «За победу над Японией» и «Адмирал Нахимов». После демобилизации в феврале 1946 года работал в Омском речном порту. В мае 1950 года Виталий Григорьевич назначен директором Черлакских судоремонтных мастерских.

Это было время интенсивной реконструкции предприятия, началось строительство новых зданий для цехов и участков мастерских, многие из которых просуществовали до начала 80-х годов, значительно обновлен станочный парк предприятия. Развернулось строительство жилищного фонда и объектов социальной и непромышленной сферы. На левом

берегу Иртыша вырос целый посёлок черлакских речников – Затон. В марте 1958 года Черлакские судоремонтные мастерские были реорганизованы в ремонтно-эксплуатационную базу флота. Начальником Черлакской РЭБ флота утвердили В.Г. Колеватова. Более пяти лет Виталий Григорьевич работал в этой должности. В декабре 1963 года он был переведён начальником Черлакской пристани, где и проработал до ухода на пенсию в августе 1970 года. Умер Виталий Григорьевич в сентябре 1975 года.

После смерти мужа Антонина Фёдоровна, получив от пароходства квартиру, переехала в Омск, поближе к старшей дочери и внукам. А в квартиру, где жили Колеватовы, переехала наша семья. В ней и сейчас живёт семья моего младшего брата Виктора. А рядом с домом цветут и плодоносят две сибирские яблони, посаженные ещё Виталием Григорьевичем.

В конце 80-х – начале 90-х годов посёлок черлакских речников переживал своё второе рождение: по единому плану застройки было построено более тридцати двухквартирных домов. В посёлке выросло несколько новых улиц, одну из них назвали именем Виталия Григорьевича Колеватова.

К слову сказать, улица Колеватова не единственная в Черлаке, названная в честь речника. Ещё в 1920 году улица Береговая по инициативе первых черлакских водников была переименована в честь Алексея Семёновича Буя – первого председателя комитета водных путей Сибири «Судосоюза», одного из активных участников национализации флота в Сибири.

р.п. Черлак – г. Тюмень

НАШИ ГОСТИ. «КОВЧЕГ»

Коротко о «Ковчеге»

«Литературно-художественный альманах «Ковчег» издаётся в г. Туле с 2011 года, публикует духовные произведения, рассказы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, родословные, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Альманах состоит из разделов «Духовная страница», «Проза», «Поэзия», «Литературоведение, литературная публицистика, критика», «Публицистика», «Родословие» и «Детям и о детях». Участники альманаха – это и самодеятельные писатели, и профессионалы – члены Союза писателей России, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широк и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. Объединяет же всех любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим детей. Главным редактором альманаха является Яков Шафран.

В альманахе регулярно печатаются авторы из Тюмени и области.

Яков ШАФРАН

Снежинка за снежинкой

Снежинка за снежинкой –
Благословенье неба.
Тихонечко ложится
Сияющий покров.
А мне, где я бы ни был,
Всё постоянно снится
Посёлок, сад под снегом
И дом – родимый кров.

Снежинки вы, снежинки,
Откуда прилетели?
Возможно, издалёка
Вы принесли привет?
Морозы, и метели,
И праздничная ёлка,
На солнце снег искрится,
И радость детских лет.

Снежинка за снежинкой –
Как день за днём, слетают
Снежинки, только с неба,
А дни летят с земли.
Снежинки те растают –
Вот снег и был, и не был.
А дни всё в книгу жизни
Летят, как журавли.

* * *

На дворе бушует непогода,
Завывает ветер из трубы.
Мы с тобой не виделись полгода –
Всё дела, заботы да труды...
Ты и я – в доме холодном двое.
Печь гудит красна и горяча.
Разговор застрял на полуслове,
Два печально сомкнутых плеча.
Твои губы холодны и грубы,
У огня расслабленно слабы,
Мне особо эти губы любы
На порогах кочевой судьбы.
Знаю, как измучена разлукой,
Ты мне снишься берегом родным.
Столько лет мечтал я о подруге –
И опять в разлуке жить, одним.
На дворе бушует непогода,
Печь гудит, красна и горяча,
Пара позабытых бутербродов
Да в углу потухшая свеча.

Любимая, прости

Любимая, прости,
Как же могло случиться:
Весна в окно стучится,
А я застрял в пути.

Любимая, прости,
Набухли почки соком
В твоём саду далёком,
Ему б уже цвести,
А я ещё в пути.

Любимая, прости,
Полями и лугами
Ходил я за цветами,
Тебе чтоб принести,
И все ещё в пути.

Любимая, прости,
Октябрьский тихий лес

Нам целый мир чудес
Готов преподнести,
А я пока в пути.

Любимая, прости,
Осеннее ненастье
Смывает меты счастья,
Дорогу не найти
Мне на моём пути...

Любимая, прости,
Через снега-сугробы
Я к терему дошёл,
Любимой не нашёл.
Всю ночь мела метель,
Срывала дверь с петель,
Грести – не разгрести,
И следа не найти,
Любимая, прости!

* * *

Может быть, это день был такой,
Или просто устал я душою –
Ты вчера была вовсе чужою,
А сегодня вновь стала родной.

Может, это берёзовый сон
Сердце мне обогрел ненароком,
Может, это зелёный тот клён
Так напомнил мне вдруг о далёком.

Может быть, о весенней капели
Загрустила земля в летний зной...
То, что было когда-то в апреле,
Разве больше не будет со мной?

Может быть, это день был такой.
Что случилось со мной – я не знаю,
Будто снова в весеннем том крае
Я, любовь, повстречался с тобой.

* * *

Огненной краской заката залиты
Ближних угодий холсты.
Вяз одинокий в горячей молитве,
Руки воздевши, застыл.

Милая земля

Речка, косогорье.
Дальние поля.
Ближнее подворье –
Милая земля.

Улица под липами.
Тёплый жёлтый свет.
Ставенки со скрипами.
В окнах разноцвет.

Старый дом с колоннами,
Милый старожил.
Кроны над балконами.
Соловьиный пыл.

Дребезжит и катится
Старенький трамвай.
В шёлковые платъица
Нарядился май.

* * *

Сероглазая русая женщина.
Вся в заботах, семейных делах.
Кто-то скажет: «Гляди, деревенщина!» –
Позабывший о добрых словах.

А она всё приемлет, покорная –
Только губы сожмутся в тоске
И забьётся в молчанье упорная
Только жилка одна на виске.

Но когда отступать больше некуда
И когда под угрозой сыны,
На врага может броситься беркутом,
Даже силы когда неравны.

Сероглазая женщина русая,
А душа – словно Волга-река.
И пока есть такая вот русская –
Быть России собой на века!

* * *

Я проснулся с рассветом, и снова остался далече
Мир, наполненный светом, звучаньем
Божественных слов.
Погружалась душа в небосвод, что был странно расцветен,
Всей палитрой дыша откровений, иллюзий и снов.

Убегают минуты и тают в завесе тумана,
Что остаточной смуты скрывает ночные следы.
Как над дивной землёй темноперые птицы обмана
Всё порою ночной накликают набеги беды.

Но в полоске рассветной ярчайшей на небе
звездою
Призывает нас светлой надеждой на промысел дня
Того мира огонь, что ведёт нас к победе над тьмою,
Тот огонь, что не блекнет и в солнца лучах для меня.

Я прошёл по росе, босиком свою землю лаская,
Каждой жилкой своей ощутил безмятежный
покой.
Как доверчива ты, о Россия моя дорогая.
Как ответственны мы, дорогая страна, пред тобой!

* * *

От холода в воде дрожали звёзды.
Дорожку к берегу стелила им луна.
А рядом у воды продрогшие берёзы,
И я, не уловлённый в сети сна.
И хоть темно, но видится далёко.
За кромкой долгой ночи всполохи зари.
И слышу: «Толку что – от срока и до срока?
Чтоб жить, ты для чего-нибудь умри!»

Олеся МАМАТКУЛОВА

Из цикла «Анапа»

* * *

От московского блёклого лета,
Как из мрачной темницы, сбегу!
На морском золотом берегу
Обрету рай, ветрами воспетый.
Вот он мир, мной до боли желанный,
Где поддавшись смятению чувств,
С головой, не боясь, окунусь
В колыбель голубого лимана.
В эту мягкость лазурной постели,
Где, как в нежных ладонях твоих,
Буду таять, покуда не стих
Шум волны, что сродни птичьей трели.
Буду грезить о том, что возможно
В том краю, где забыт календарь,
Где не страшен промозглый январь,
Ощущая тепло тонкой кожей.
Понимая, миг счастья не вечен,
Прошепчу ему пылко: «Люблю...».
Окропит ярких радуг салют
Сотней брызг мои смуглые плечи!

* * *

Вечер над взморьем промок до нитки,
Тёплым глинтвейном разлился закат.
Хочется верить: смогу привыкнуть
К счастью, что трудно порой
отыскать.
Трётся щекой о ладони ветер,
Ластятся волны щенками у ног.
Нет, не вернусь, ни за что на свете
В мир, что от вьюг и метелей
продрог.
Так хорошо и легко до дрожи!
Шепчет о чём-то кудрявый самшит.
Кажется, будет сейчас возможно
Мне рассекретить все тайны души.
Кажется, в руки слетятся звёзды,
Стаями птиц упорхнув с высоты.
Станет понятно: совсем не поздно
Сделать реальностью сны и мечты.
Знаю, что чудо случится вскоре,
Мается грудь от нахлынувших чувств.
Солнечный край, голубое море!
Здесь навсегда я остаться хочу!

* * *

В бесприютной ночи невесомые синие звезды.
Отголоском далёких времен
растревожен прибой.
Мир бездонных глубин и бескрайних просторов не познан.
Ах как хочется чувствовать вечно волну под рукой!
Ах как хочется верить в счастливое светлое завтра,
Ощущая родство двух чужих
неприкаянных душ.
Не грустить об ушедшем, о том,
что исчезло внезапно,
Растворяясь в осенней простуде
и холоде луж.
Ах как хочется ждать и надеяться сердцем на чудо.
Застелив тонким кружевом рифм предначертанный путь,
Осторожно ступать, видя символы-знаки повсюду,
Не спеша, раскрывая любви
потаённую суть.
Растворяться в мечте,
забываясь свободой, как ветер,
За спиной ощущая два крепких
широких крыла.
Отрекаясь от глупых обид и пустых междометий,
Ненадолго забыть про земные
заботы-дела.
Что должно, то придёт через годы,
а может быть вскоре.
Шепчет мягко прилив, мне пытаюсь
о главном сказать.
А пока только звёзды, высокие
звёзды и море.
И дрожит, не пролившись, солёная капля-слеза...

* * *

Загадаю желанье! И сбудется!
Непременно! Сомнения нет!
Мне волна, говорливая спутница,
Сокровенный раскроет секрет!
Ветер косы растреплет смолистые.
Прошлых дней позабыв череду,
Я к воде на короткую исповедь
Потихоньку сегодня приду.
Ранним утром, у самого берега,
Окунусь в розоватость зари.

Всё святое природе доверив,
Ощуцаю сиянье внутри!
Надышусь настоявшимся воздухом,
И у кромки бурливой реки
Светозарные нежные лотосы
Мне протянут свои лепестки.
Их коснусь осторожно и вкрадчиво,
Отдавая души теплоту.
Станет чистой вода и прозрачною,
Мне в подарок исполнив мечту!

Евгения КУРГАНОВА

Танго осени

На дворе сентябрь – первый месяц осени. Дни иногда были жаркими, небо, как летом, ярко-голубое, по нему, не торопясь, плыли кучевые облака, а солнце ещё долго продолжало светить на небосклоне. Воздух оставался чистым и прозрачным. Эту пору в народе всегда называли бабьим летом. Но с раннего утра всё чаще появлялась осенняя дымка, которая к полудню постепенно исчезала. Дул легкий ветерок. Деревья ещё стояли зелёные с небольшим коричневым налетом.

В это время в лесу особенно тихо. В один из таких дней мы с сыном пошли в лес собирать грибы, ягоды, орехи. Вот красноголовые подосиновики, а немного подалше от них, в траве, мы нашли белые грибы, здесь же сыроежки, рыжики, под сосной маслята, на поваленном дереве примостилась семейка опят. Невдалеке увидели куст калины. На болоте поспевала клюква. Под соснами, которые шумели наверху своими могучими кронами – ковёр из ягод брусники. Наполнив корзины грибами и ягодами, вышли на опушку леса. Легли на нескошенную траву поляны, от земли веяло увяданием.

Но цветы не хотели верить в это. Колокольчики, что цвели все лето, приветствовали нас своим неслышным перезвоном. Ветерок, перебирая их, играл, как заправский звонарь. Здесь же росли и ромашки. Сын собрал мне букет из полевых цветов, вставать с травы и идти домой не хотелось. Разморило. В небе среди плывущих облаков мы увидели летящий журавлиный клин. Они, курлыча, прощались с нами, с летом. Мы помахали им. Уже улетели в тёплые края стрижи, ласточки, иволги и другие певчие птицы. В дорогу засобирались дикие гуси.

К концу сентября листья деревьев и кустарников осень раскрасила во все оттенки красочной палитры: красные, жёлтые, бордовые и оранжевые их цвета радовали глаз. У берёзы и осины листья золотистые, клен же веселил нас своим разноцветьем, а у дуба наряд коричневый. Листья берёзок отражались в зеркале небольшого лесного болотца своими золотистыми монистами. Но уже начался листопад. Пёстрый ковёр из листьев, шуршащих под ногами, лежал на пожухлой траве. Мы с сыном любили играть с ними, смеясь, подбрасывали вверх, снова и снова наблюдая их полёт.

Сын предложил ещё немного пройтись по лесу. Паутина серебристыми нитями протянулась от дерева к дереву, играя и переливаясь под лучами осеннего, не часто появляющегося солнышка, вдалеке были видны красные грозди рябины и калины. Начали готовиться к зиме звери. У белки-хозяюшки припасено полное дупло орехов, семян и высушенных грибов, это её зимние заготовки. А к ноябрю она сменит рыжий летний мех на тёплую серую шубку.

Осенью, уже с середины сентября, начинается линька у зайцев, а заканчивается она обычно к концу ноября. Если снег в лесу ложится поздно, зайцу трудно спрятаться от хищников, так же как горностаю и ласке, которые на зиму тоже передеваются в белые платья. Мыши-полёвки натаскали в норки мягкого сена, наготовили зерен на зиму. Много сухих листьев принесёт в свое логово ёж. На этой теплой перине он будет спать до весны. Кабаны стараются держаться вместе, подготавливая себе ночлег

из опавших листьев, сухих сломанных сучьев. Подросли волчата. Тихо, только голоса синиц, свиристелей, стук дятла нарушали покой осеннего леса.

Ближе к ноябрю зачастят мелкие затяжные дожди с холодными ветрами, сильные порывы которых сорвут оставшиеся листья с деревьев. Их скрюченный, промокший вид уже ничем не напомнит бальный наряд ранней осени. Под ногами захлюпает мокрая жижа из земли и опавших листьев.

Дни в ноябре чаще всего пасмурные. В четыре часа опустятся ранние сумерки, начнёт темнеть. Наступит поздняя осень. Солнце будет появляться редко и быстро заходить за горизонт. Небо свинцовое, оно готово раздавить своей серой тяжестью всё вокруг.

По утрам появятся ранние заморозки, а на воде тонкий ледок. Уже прилетят клесты, снегири, чечётки. И во время нашей осенней прогулки с сыном на рябине мы видели сидящего свиристея, который спешил полакомиться ягодами. А вот и сойка, как увидит что-то необычное в лесу, сразу заголосит. Кричит она при всякой опасности, предупреждая лесной мир. Сорока и сойка тоже любят пошуметь по поводу и без повода.

В ноябре много не погуляешь. Пронизывающий, колючий, косой дождь забивает глаза, лезет за воротник, под ногами вязкая сырость. Удручающий вид у деревьев, которые тёмными голыми ветвями борются с холодными порывами ветра. Всё в природе исполняло последнее осеннее танго. И эта мелодия осени вызывала в моей душе непонятную неподдельную грусть, а также тоску по ушедшему лету. Природа готовилась к зиме.

Александр КЕРДАН

Квартира рядышком с метро

– Серёга, где хочешь жить после выхода в запас? – дурачась, спрашивали Коркина однокашники по училищу связи.

– Да где угодно, лишь бы метро было поблизости... – на полном серьёзе отвечал он.

Что Коркин знал о метро? Да ничего не знал. Он даже не видел его ни разу. В Донецке, где он родился и провёл детство, метро отродясь не было. Да и во всей стране победившего социализма таковое имелось только в Москве, Ленинграде и некоторых столицах союзных республик...

Но почему-то думалось ему, Коркину, мол, если есть метро рядом – так ведь и жизнь другая...

Дослужившись до майора, Коркин понял, что офицеров, желающих прозябать в захудалом гарнизоне на краю света, не бывает. Все мечтают служить в хорошем месте, и уж если выходить в запас, то пусть и не в столичном, но в каком-то приличном областном городе, чтобы квартиру успеть получить рядом с благами цивилизации.

Он же от своей наивной, юношеской мечты – жить рядышком с метро, так и не отказался.

Коркин служил всегда далеко от центра – в ДальВО и ЗабВО, всё надеялся перевестись в какой-нибудь престижный округ: Киевский, Одесский, Закарпатский или Прибалтийский... Но он и предположить не мог, что когда наступит срок распрощаться с армией, то не будет уже ни этих престижных округов, ни самой «непобедимой и легендарной», а вместе с нею не останется и страны, которой он присягал, да и увольнение его в запас произойдёт намного раньше, чем того требует выслуга лет...

Однако именно так и вышло. Новая власть, убаюканная заверениями бывших противников СССР, которых стали именовать «друзьями и партнёрами», что «холодная война» окончена и России больше никто не угрожает, ничтоже не сумняшеся, издала указ об одностороннем сокращении Вооружённых сил. Под него и угодил майор Коркин, едва успевший разменять двадцать «календарей».

К этому времени он успел получить служебную квартиру на окраине Читы, даже приватизировал её, следуя новой моде. Но оставаться в Забайкалье навсегда Коркин не собирался: климат здесь не подарок, да и метро в Чите в ближайшие лет сто не предвидится...

Получив приказ об увольнении, Коркин расстелил на кухонном столе карту «эРэФ», то есть Российской Федерации, и вместе с женой Галиной стал выбирать, куда переезжать.

После недолгих обсуждений сошлись на Екатеринбурге, бывшем Свердловске, там и метро, пусть самое короткое и самое долгостроящееся в мире, в наличии, и родители супруги недалеко живут. Можно было бы поехать в Донецк. Но отец и мать Коркина умерли, квартиру свою они приватизировать не успели, да и Донецк оказался теперь в другом государстве...

В пользу переезда на Урал сыграло ещё одно обстоятельство – старый приятель, ещё с курсантских времён, Виктор Хрясько служил в особом отделе Уральского военного округа. Он обещал помочь подыскать временное жильё и с трудоустройством.

Сказано – сделано. Наскоро продав читинскую квартиру, Коркин упаковал вещи в положенный ему для переезда трёхтонный контейнер и отправил его до станции Екатеринбург-сортировочный. Загрузил Галину и двух сыновей-погодков Костю и Мишу в старенький «москвичок» и своим ходом отправился к новому месту жительства.

Хрясько не подвёл. К приезду Коркиных он подыскал им в спальном районе квартиру, сдающуюся в наём, и при помощи знакомого директора, офицера-отставника, зарезервировал для друга в одной из гимназий место преподавателя ОБЖ. Он же подсказал, что в одном из районов города начато доленое строительство кирпичного дома и посоветовал:

– Район хороший. Недалеко от автовокзала. Ты с этим, Серёга, не тани! Заключай договор и скоро со своей квартирой будешь!

Коркин съездил в указанный район, увидел котлован, вырытый под новый дом. Место в самом деле оказалось приличное. До центра – рукой подать. Но главное, в шаговой доступности строится станция метро. Он нарочно прошёлся от котлована до забора с буквой «М». Всего десять минут неторопливого хода. Это и оказалось решающим аргументом.

В тот же день Коркин отправился в районную администрацию, где заключил договор на строительство трёхкомнатной квартиры на третьем этаже, с окнами, выходящими на будущую станцию метрополитена. Ему даже номер будущей квартиры назвали – «48». Он тут же внёс в кассу предварительно снятые со сберегательной книжки деньги и получил квитанцию об уплате.

Дом обещали сдать через полгода. Оставалось одно – ждать. Ожидание облегчалось тем, что можно было воочию наблюдать за ходом строительства.

В семье Коркиных это стало излюбленным семейным мероприятием: чуть ли не каждый выходной они садились в машину и ехали смотреть на «свой дом».

Когда он был возведён и начались внутренние отделочные работы, Коркин узнал, что в администрации «дольщикам» начали выдавать смотровые ордера, и тут же отправился за своим.

Но на этот раз заместитель главы администрации, маленький и круглый мужичонка с непомерно большой, лысой головой и глазами навывкат, с которым Коркин и заключал договор, оказался вовсе не рад ему.

– Ваша очередь ещё не подошла, – огорошил он Коркина, когда тот протянул ему договор и паспорт.

– Как же так! – возмутился Коркин, – передо мной к вам заходил человек, чья квартира в моём подъезде и этажом выше... Он ордер получил. А почему я не могу?

– Мало ли кто куда заходил и где у него квартира... Ваша очередь ещё не подошла! Это я вам говорю! – логика замглавы была просто убийственной.

– Я буду с вами судиться! – попытался урезонить замглавы Коркин.

– Это ваше право, – глядя сквозь Коркина, нагло заявил хозяин кабинета. – Будет решение суда, будем разбираться! Пригласите следующего...

Растерянный Коркин вышел из кабинета, махнул рукой следующему посетителю и тупо уставился на секретаршу.

Секретарша, судя по всему, считающая своим главным достоинством бюст, как у Памелы Андерсен, ещё подлила масла в огонь:

– Что, ордер не дали? Вы не первый сегодня! Значит, будете ждать ещё полгода, когда вторую очередь дома сдадут... А что будет через полгода,

кто знает? Столько теперь кругом этих «обманутых дольщиков». Ходят и ходят, жалуются и жалуются! – и закатила к потолку свои болотного цвета глазки с густо подведёнными ресницами.

Коркина затрясло от предположения, что его надули, что в одночасье может превратиться в прах его заветная мечта. Он помчался на «москвиче» в школу, достал из сейфа в кабинете ОБЖ учебный ПМ со спиленным бойком, сунул его в карман куртки и снова поехал в администрацию района.

Пока ехал, в голове крутились истории про «обманутых дольщиков», которые он слышал по телевизору, и представить не мог, что нечто подобное может приключиться с ним. Что он скажет Галине, когда она с детьми вернётся от родителей из Режа, куда они отправились на весенние каникулы? В воображении Коркина рисовались самые страшные картины, что он и денег своих не вернёт и без квартиры останется...

Он решил, что без ордера из кабинета замглавы не выйдет.

Припарковав машину на стоянке перед зданием администрации, Коркин взбежал на второй этаж и буквально ворвался в приёмную. Секретарша вышла куда-то, и посетителей – никого: время уже – самый конец рабочего дня.

Осторожно приоткрыв дверь, Коркин заглянул в кабинет замглавы. Тот озабоченно перебирал на столе какие-то бумаги.

Коркин вдруг сделался хладнокровным. Таким, наверное, становится тигр перед броском на выбранную жертву. Он спокойно вошёл в кабинет, прикрыл за собой дверь, извлёк пистолет и приблизился к столу.

– Ну как тебе, гнида, такой аргумент? – нацелил ствол в голову замглавы: «Вряд ли этот штафирка определит, что ПМ учебный...»

Замглавы оторвался от своих бумаг, увидев пистолет, испуганно отпрянул назад вместе с креслом.

– Вы что?! Вы кто?! – тонким голосом возопил он, пытаясь нащупать на столе телефон.

Коркин передёрнул затвор.

– Не дёргайся! Голову разнесу...

– Вас посадят... Вас судить будут... – пролепетал замглавы.

– А мне всё равно. Я в Афгане контуженный...

– Что вы хотите, гражданин? – замглавы ещё пытался сохранять начальственный вид, но трясущиеся губы выдавали то, как сильно он напуган.

Коркин усмехнулся:

– А то ты не знаешь? Ордер мой смотровой давай! Квартира номер сорок восемь...

– Это вам не поможет, вы всё равно не сможете в квартиру попасть... – попытался вразумить его замглавы. – Она уже отдана другому... Сегодня ордер выписан... Вот, сами посмотрите, – он схватил со стола чёрную папку и стал лихорадочно перелистывать документы, – ... гражданину Почуеву...

– Мой ордер давай! – Коркин покачал стволом пистолета перед носом замглавы.

– Он ещё не выписан...

Коркин снова начал злиться:

– Так выписывай скорей! – приказал он. – И за тем же номером, что ты выписал этому... Почуеву...

Замглавы трясущими руками выписал смотровой ордер на бланке с печатью и протянул его Коркину.

Коркин взял ордер, прочитал, аккуратно спрятал в нагрудный карман и, погрозив замглавы пальцем, направился к выходу из кабинета.

– Вы не понимаете, с кем связались! Вам теперь не жить! Вас закопают... – в спину ему автоматной очередью понеслись угрозы.

Коркин медленно обернулся и снова погрозил пистолетом. Замглавы умолк.

На стоянке Коркин успел сесть в свою машину, когда к администрации подлетели два чёрных джипа.

«Неужели по мою душу? Так быстро...» – из джипов вывалилось несколько крепких «качков» с битами и бегом устремилось к нему.

Коркин дал по газам. «Москвичок» был его гордостью: при помощи армейских умельцев он, ещё служа в ДальВО, поставил на него форсированный двигатель с японской иномарки:

– Хрен с два вы меня догоните!

Но качки оказались шустрыми. Прежде чем Коркин вырулила со стоянки, они успели разбить у его машины два габарита и заднее стекло.

Коркин помчался по улице, названной в честь международного женского дня, судорожно соображая, куда ехать: «В городе они меня всё равно достанут и за город вырваться не дадут...»

Одной рукой крутя рулевое колесо, другой он достал из бардачка ещё одну свою «гордость» – сотовый телефон, подаренный сослуживцами на его увольнение. Массивная телефонная трубка размером напоминала полевой телефон ТАИ-4З, которым пользовалось несколько поколений советских связистов.

Коркин набрал служебный телефон Хрясько:

– Витя, выручай! Меня бандосы преследуют...

– Где ты сейчас? – пророкотал друг.

– Около цирка... – Коркин, рискуя влететь в другие машины, проскочил на красный и выиграл пару минут, отрываясь от преследователей.

– Дуй прямо на Ленина тринадцать! Я предупрежу «территориалов», чтобы тебе ворота открыли... – скомандовал Хрясько.

По этому адресу находилось управление федеральной службы безопасности. «Туда бандосы точно не сунутся!» – мысленно поблагодарил друга Коркин.

Хрясько ждал его во дворе у «соседей»: его управление располагалось неподалёку.

– Ну куда ты влип? – спросил он Коркина, оглядывая его израненный автомобиль.

Коркин начал рассказывать, что случилось, когда зазвонил его «мобильник».

– Верни то, что не твоё! – раздался в трубке незнакомый голос.

«Откуда они мой телефон знают? Ах, я же его указал в договоре...»

– Мужик, – голос в трубке звучал как-то даже сочувственно, – отдай ордер прямо сейчас! Иначе сам понимаешь! Мы про тебя всё знаем... Пожалей жену и сыновей... Надумаешь, позвони по этому номеру...

– Всё так плохо? – спросил Хрясько.

– Хуже некуда, Вить...

– Ладно, паркуй свою машину в дальнем углу. С ребятами я договорился: она здесь пока постоит. А мы пойдём, помаракуем, что дальше делать...

В кабинете Хрясько они просидели допоздна, обсуждая, что предпринять.

– Совсем братва распоясалась, – бурчал Хрясько, поглядывая на бронзовый бюст Феликса Дзержинского, стоящий на столе, – год назад авторитета «центровых» прямо во дворе обкомовского дома завалили. Из автомата! Чикаго, мать его...

– А вы-то куда смотрите? – спросил Коркин. – Тоже мне, чекисты!

– А что мы? – огрызнулся Хрясько. – Политическая воля нужна! Прикажут, мигом всех скрутим... А пока нет такого приказа!

Он посмотрел на часы и посоветовал:

– Звони Галине! Пусть сидит в своём Реже и носа сюда не кажет, пока не позовёшь! И на телефон твой пусть не звонит – вся связь через меня... А с тобой мы поступим следующим образом. Ты сегодня у меня здесь на диванчике перекантуешься. Подушка и одеяло в шкафу. А завтра с утра я к соседям наведаюсь, поспрошаю, может, кто что и посоветует...

На следующий день Хрясько сходил к «территориалам». Они дали такой совет, от которого у Коркина мурашки по спине побежали: идти к «смотрящему за городом» воровскому авторитету и с ним договариваться...

– Мне самому это не нравится, – хмуро сказал Хрясько, – но другого пути, Серёга, нет. Да ты не дрейфь: ребята обещали по своим каналам за тебя слово замолвить, да и я подстрахую... После обеда нам позвонят и дадут адресок, куда надо подъехать...

Адрес «явки» появился ближе к вечеру. Дом в районе кинотеатра «Заря» на Уралмаше.

Хрясько подвёз туда Коркина на служебной машине. У подъезда дома сталинской постройки высадил его, назвал номер квартиры и предупредил:

– Позвонишь три раза через короткий интервал. Тебя ждут. Много там не болтай. Больше слушай. Удачи!

Коркин поднялся по крутой лестнице на четвёртый этаж. Дверь распахнул здоровяк, наподобие тех, что вчера громили его машину.

Он ощупал карманы Коркина и, не найдя оружия, жестом показал, куда идти. По полутёмному коридору Коркин прошёл в большую комнату.

Она совсем не напоминала воровскую «малину» из телесериала «Место встречи изменить нельзя». Обычная обстановка: выдавшая виды стенка, диван, телевизор, стол. За столом сидел человек невзрачного вида.

«Неужели этот сморчок и есть авторитет?» – Коркин сделал несколько шагов к столу.

На Коркина глянули два острых глаза-буравчика. От этого взгляда ему сделалось зябко.

– Люди за тебя просили. Говори, с чем пришёл, – глуховатым, невыразительным голосом распорядился смотрящий, тонкие губы его почти не шевелились.

Коркин, стараясь говорить как можно короче, изложил суть дела: мол, деньги заплатил, договор заключил, пришёл срок получать ордер, его кинули, у него жена и дети, других денег нет...

– Ты кто есть? – спросил «смотрящий», когда он умолк.

– Офицер.

– Мент или конвойный?

– Нет, армейский, в запасе... – поторопился отречься от внутренних органов Коркин и разозлился на себя за это: ещё подумает, что я его боюсь...

От пронизательного взгляда смотрящего и это не укрылось.

– Не люблю «краснопёрых»... – процедил он. – Армейский – это куда ни шло... Что же мне делать с тобой, офицер?.. Вёл ты себя, конечно, по беспределу: вольной размахивал перед лицом нашего человека...

– Ствол-то не боевой был... Учебный... – оправдываясь, сказал Коркин. – Я стрелять и не собирался... Так припугнул... У меня выбора другого не было...

– Выбор всегда есть... – смотрящий умолк, уставясь в одну точку.

Наконец он принял решение:

– Тех, кто за тебя слово замолвил, обижать не хочу, да и ты мне понравился – не ссыкливый. Ладно, спишем ситуацию на твою молодость. Своих у тебя с «хвоста» сниму и семью твою прессовать не дам... Ступай.

Коркин остался на месте:

– А с квартирой как мне быть? – не понял он.

– Это – твоя забота. Сможешь занять без кровопролития, занимай.

Мешать не стану...

Коркин кивнул и вышел.

– Ну как? – спросил Хрясько, когда Коркин уселся в машину.

– Пообещал не прессовать! Отвези меня на съёмную квартиру.

– Думаешь, бояться нечего?

– Да, кто его знает... – отозвался Коркин.

Ещё несколько дней после этого он ходил по городу, озираясь. Но смотрящий сдержал слово: «хвоста» не было, с угрозами больше не звонили.

Коркин забрал свой автомобиль со двора ФСБ и сдал его в ремонт, а когда закончились каникулы, поехал в Реж и привёз в Екатеринбург жену с детьми.

Решение, как занять свою квартиру раньше конкурента и без «кровопролития», нашлось неожиданно просто.

Гуляя как-то вечером возле своего готовящегося к сдаче дома, он познакомился со сторожем, охранявшим стройку. Разговорились. Сторожа звали Женя, «Женёк», как представился он. Женёк оказался бывшим прапорщиком и тоже связистом. Только служил он здесь, в уральской столице, в окружном полку связи.

– Да я самого комполка возил! У меня весь полк вот где был, – расхвастался Женёк, сжимая кулак совсем не внушительного размера.

– Водитель командира – это фигура, – подыграл ему Коркин. – Послушай, друг, скажу тебе как связист связисту: хочу в своей новой квартире дверь поставить железную, чтобы не возиться после сдачи... Вот у меня и ордер смотровой есть! Ты можешь посодействовать?

– Да какие вопросы, майор, – осклабился Женёк, – неси пару пузырей и во время моего дежурства ставь свою дверь, сколько хочешь...

Сказано – сделано.

Коркин установил в квартире железную дверь. Привёз спальный мешок, тёплые вещи и заселился в квартиру, взяв на работе отпуск без содержания.

Полтора месяца, остававшиеся до сдачи дома, он находился в квартире безвылазно. Днём сидел тихо, как мышь, не подавая признаков жизни. А вечером приходила к дому Галина и приносила ведро с продуктами. Коркин на верёвке втягивал ведро на балкон, а второе ведро, так сказать с «отходами жизнедеятельности», спускал вниз...

Конечно, жить в неотапливаемой квартире без канализации и электричества было нелегко. Дни в стылom помещении тянулись медленно, как на гауптвахте, куда в годы учёбы в училище однажды угодил Коркин за самоволку – он тогда сорвался на свидание к Галке, в ту пору даже не невесте...

А вечерами, ворочаясь в неуютном спальнике на жёстком полу, предавался невесёлым размышлениям: «Вот докатился, товарищ майор, живёшь, от людей прячась, стука в дверь боишься! Ешь по-собачьи и спишь так же! По нужде, как зэка какой-нибудь, в угол на ведро ходишь...»

И уж совсем горько было думать о том, что Галина принуждена его «нечистоты» на свалку выносить: «Я-то что – солдат, – терзался он, – мне всё привычно, а Галке за что такое? Другая бы уже истоналась вся, а она терпит... – с благодарностью думал он о жене и делал обобщающий вывод, – вот что значит настоящая боевая подруга!»

С этими мыслями он обычно и засыпал, утешая себя тем, что все эти трудности – не на век, что овчинка выделки стоит. Ибо вот она – квартира его мечты, ради которой он всё был готов вытерпеть и которую теперь охраняет.

С балкона хорошо было наблюдать за строительством метро, и это особенным теплом согревало Коркину душу. Он даже пословицу придумал, перефразировав знаменитое изречение Кутузова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади метро!»

Наконец наступил день сдачи дома в эксплуатацию. В подъезды открыли доступ для жильцов, и в дверь квартиры, где забаррикадировался Коркин, постучали.

Приоткрыв дверь на цепочке, Коркин увидел перед собой мужика, примерно одних с ним лет, в кожаной дублёнке и бобровой шапке, какие в советское время носили члены правительства и ЦэКа.

– Я Почуев, хозяин этой квартиры, – заявил мужик, тыкая Коркину под нос смотровой ордер, где черным по белому значилось, что квартира по такому-то адресу принадлежит такому-то владельцу и что он может осмотреть её...

– Нет, уважаемый, – отпарировал Коркин, – квартира – моя!

Он показал мужику свой смотровой ордер и развёл руками, мол, ничего не попишешь: ордера у нас обоих за одним и тем же номером, выписаны в одно и то же время, кто в квартире на данный момент находится, тот и хозяин.

– Я буду с вами судиться, – грозно пообещал мужик.

– Со мной-то что? Судитесь лучше с администрацией района, – посоветовал ему Коркин, но вспомнив своё обещание засудить пучеглазого замглавы, подумал, что совет дал Почуеву плохой: «Судиться с властью бессмысленно!»

Почуев, продолжая сыпать угрозами, ушёл, а через некоторое время Коркину принесли повестку в суд. Коркин, не без помощи верного Хряско, нашёл хорошего адвоката и все суды по квартире во всех инстанциях выиграл.

Ещё спустя полгода он получил документ, подтверждающий его право собственности на квартиру. Вскоре и станцию метро рядом с домом достроили и открыли. Только вот не пожилось Коркину в квартире рядышком с метро.

Галина, после вселения в новую квартиру, устроилась работать секретарём в областную прокуратуру. Там у неё случился роман с начальником.

Коркин с Галиной развёлся, оставил ей и детям квартиру, а сам стал снимать комнату на Сортировке, неподалёку от станции разгрузки, куда он отправлял из Читы контейнер с вещами.

Когда в четырнадцатом году началась война в Донбассе, он уволился из школы и уехал в Донецк добровольцем.

Светлана МАКАШОВА

Сплин

Разгоняю удушливый сплин –
Это тоже подобно искусству.
Назови мне сто тысяч причин,
Отчего так изменчивы чувства?
Изливая души звукоряд,
Я сквозь ноты судьбу свою вижу.
Назови мне две сотни преград,
Отчего мы не можем быть ближе!
В серых толпах безликих людей
Песня эхом в безумие канет.
Назови мне десяток идей,
Почему наш рассвет не настанет?
Я гитарною плачу струной,
Но обид в своём сердце не прячу,
Ведь достаточно только одной,
Чтобы в жизни всё стало иначе.

Коктейль

Судьба готовила коктейль:
Немного лжи, немного фальши,
Немой вопрос: «А что же дальше?»,
Влюблённый ласковый апрель,
Как парус в помощь кораблю –
Летающий бег по зову сердца,
Пуд соли и щепотка перца,
Дыханье нежное: «Люблю...»,
Эмоций взрыв – через края,
По капле – страх, мечта, свобода,
И ложка дёгтя в бочке мёда,
И лести кисло-сладкий яд...
Колочей ревности репей,
Крупница нездоровой кармы...
Судьба – не самый лучший бармен,
Что намешала – то и пей.

Город

Сквозь проёмы замочных скважин
Демонстрируя жизни шоу,
Перманентно обезображен,
С ненавидящей плотью душою,
Весь растрескан, кусками выбит,
Обнажён, как Атлант, по пояс,
Сед, всклокочен и гладко выбрит –
Всеми проклятый мегаполис –

Город мой, ты вздыхаешь тяжело,
Пишешь трепетно мемуары,
Распускаешь весной ромашки
Между плитками тротуара,
И слезами питаешь реки,
Вверх возносишь стальные крылья.
Город мой, ты в душе навеки.
Мне б твоей надышаться пылью.

Прощай

Прощай, малыш. По гребням облаков
Лежит твой путь к затерянному краю.
Тебе сейчас свободно и легко
Над жаркими просторами Синая.
На серый Питер рухнул небосвод.
Фатально. Не щадя и не жалея...
...А светлых душ воздушный хоровод
Всё выше... и прозрачней...
и светлее...
Ты знаешь, а у нас опять дожди
Роняют слёзы на прощальной тризне.
Мы встретимся, ты только подожди,
Через каких-то там моих полжизни,
Где мне судьба в рассветные часы,
Как брошенному псу на дне колодца,
На привязи у взлётной полосы
Ждать самолет, который не вернётся.

Конкур

Взмах приветствия. Всякий раз
Неизвестно, как ляжет карта.
Колокольчика дробный глас
Возвещает начало старта.
Сердце громко стучит в груди,
И волнения дрожь – по коже.
Эх, каурый, не подведи,
Мы прорвёмся вперёд, мы сможем!
Старт. Отмашка. Отсчёт секунд.
Вен пульсация. Мышц работа.
Пусть коварен и вязок грунт,
И глаза застилают потом,
Но рукою сжимая грудь
И пространство шагами меря,
Шепчет тренер: «Ещё чуть-чуть!
Ну ребяташки, я в вас верю!»
Не смиряя страстей порыв,
Заставляя дыханье сбиться,

2018 г.

Над препятствием воспарив,
Мы с каурым подобны птицам.
Пыль столбами из-под копыт.
В ожиданьи лихой развязки
Конь и всадник – как монолит,
Двое в прочной упругой связке.
Вновь финальный грядёт этап.
На исходе и сил резервы.
Тот, кто духом и телом слаб,
Никогда не домчится первым.
Вот и финиш. Опущен флаг.
Шум. Овации. Крики. Стоны.
Нет сомнений, что только так
И рождаются чемпионы!

Виктор БОРИСОВ

Тополь

Рассказ

К тридцати годам он потерял почти все свои зубы. Да и те, оставшиеся от частого курения дешевых сигарет, не отличались изысканной белизной и здоровьем. К сорока безвозвратно лишился своей шевелюры. Теперь он отращивал длинный-предлинный клок волос на затылке и аккуратно распределял его по всей необъятной лысине. Этой причёски хватало «до третьего стакана», после чего волосы спадали набок или на спину. Лёха подбирал их указательным пальцем и уже небрежно закидывал обратно, для надежности приклепнув ладонью к потной лысине.

– Учитель, скажи, чему ты научил своих учеников? – приставал он к соседу, к которому неизменно приходил в таком состоянии пофилософствовать и стрельнуть сигарету-другую.

– Ну как чему? – терялся Виктор Леонидович, полноватый мужчина примерно одних с ним лет, но в сравнении с Лёхой лучше сохранившийся, если, конечно, не брать в расчет очки, с которыми Виктор Леонидович, казалось, родился.

– Своему предмету. Многие мои бывшие ученики поступили в высшие учебные заведения.

– Сеятель, мать вашу, – не унимался Лёха. – Я хоть и пью, и институтов ваших не заканчивал, а вот пойдем ко мне в гости, я тебе покажу, что своими руками наделал, получше всяких музеев. А то мне жена говорит: «Устраивайся на работу. Ищи работу!» За тысячу-то? Вот нате вам, козлы. Лёху Смирнова и за пять уговаривать еще надо. Я вот кухонную мебель закончил. Учитель, пойдем покажу...

– Нет, Алексей, я и так знаю, что ты мастер на все руки.

– Мастерство не пропьешь! Мне моя говорит: «Иди на работу, иди на работу!» А я вот ей – столик на кухню и табуретки резные. Сколько они в магазине стоят, а? То-то же... Я своё отрабатываю. Пойдем ко мне, я тебе покажу музей... Лучше музея! А деньги – мусор. Вот сезон наступит, я их лопатой грести буду. Мастерство не пропьешь, учитель. А ты? Нет, ты скажи, чему ты научил своих учеников?

– Сосед, шел бы ты... мимо, – уже раздраженно сказал Виктор Леонидович и решительно взялся за дверную ручку.

Лёха, явно не рассчитав пьяной силы, так вцепился ему в плечо, что учитель невольно застонал от боли.

– Ну извини, извини. Дай еще сигаретку, если не жалко.

Закурили. Виктор Леонидович разминал плечо и мучительно думал, как избавиться от непрошеного гостя. Отделаться от него, грубо оборвав разговор, вряд ли получится: достанет потом звонками в дверь, а то и стуком по ней кулаком. Ради спокойствия семьи придется выслушивать его разглагольствования до конца, тем более, что терпеть осталось недолго, до последней затяжки измусоленной сигареты. Вот сейчас он начнет жаловаться на жизнь, а потом, довольный тем, что его выслушали, уйдет куролесить до рассвета, но уж зато крыльцо дома Виктора Леонидовича будет обходить стороной.

– Вот веришь или нет, а свил бы веревку, одел бы на шею и... – начал Лёха.

– Так в чём же дело? Вон бельевая у тебя во дворе, и вить не надо, – ответил ему учитель.

– Вот ты смеешься, а мне действительно жить наплевать. Надоело. Неинтересно. Все уже наперед знаю. Вот дочку замуж выдам. Сын из армии вернется. Внуки пойдут. А мне какое дело? Это их жизнь, их проблемы. Я своё отжил, через всё это прошел. Вот если девку молодую на стороне займешь, а? Как думаешь, учитель, поможет?

– Тебе Зинка-то займёт. Последних волос лишишься и еще кой-чего. Ты же сам, Алексей, только что сказал: твое время прошло, а туда же, на молоденьких потянуло.

– А девки сейчас знаешь какие?

– Такие же, какие были всегда.

– Не скажи! Хотя, может, ты и прав. Эх, были когда-то и мы рысаками. В зеркало не смотреть, дак и сейчас ещё хоть куда...

Виктор Леонидович уже не вникал в смысл занудной речи пьяного соседа, всё это им было слышано не один раз. Он сожалел лишь о том, что однажды обратился к Лёхе с заменой замка на входной двери и еще раз-другой с какой-то мелкой столярной работой, за которую тот ни копейки не взял. Но теперь, «приняв на грудь», Лёха каждый раз вспоминал о своем благодеянии, и ноги сами собой выводили его на крыльцо учительского дома. Просто выкурить сигарету-другую ему было мало, хотелось геройства, полета мысли, парения души, но довольно быстро он уставал от этой роли и как-то плавно переходил к самоуничижению и наконец к сведению счётов с собственной жизнью. Обычно этим они и заканчивали, на этом и расставались до следующей встречи.

– Зинка что, тьфу на Зинку. Если надо, меня девки и без волос залюбят. Только нет в этом уже интересу. Ты понимаешь, учитель, пропал интерес к жизни. Всё обрыдло. Ни на что смотреть нету мочи. Все осточертело. Нашёлся бы кто такой умный, кто бы научил, как надо теперь жить?.. Ты ведь не научишь. Сам, поди, ни хрена не понимаешь в этой жизни.

Оставь Виктор Леонидович без внимания эти слова, Лёха тут же ушёл бы, но последняя фраза больно задела, и он решил на неё ответить.

– Алексей, если ты оскорблять меня пришёл, то вон дорога до твоего порога, и я тебя знать больше не знаю. А про жизнь я тебе скажу так: себя терять не надо, не опускаться до свинячьего уровня ни при каких обстоятельствах. И ещё, мы ведь как стали жить: всё под себя, все для себя. Из квартир музеи делаем, а выйди за крыльцо – кругом срам, грязь и нечистоты. Нет и не будет порядка в душе, пока нет порядка возле собственного дома.

– Вот уж не надо. У меня как раз всё на месте.

– Ничего ты не понял. Это я образно сказал, в переносном смысле. А уж если на то пошло... Сколько лет назад мы с тобой жильё в этом посёлке получали, лет пятнадцать будет? Тебе ли не помнить, с каким авралом его сдавали. За несколько минут до приезда комиссии возле домов еще благоустройство заканчивали, втыкали в землю тополя: озеленяли, так сказать, территорию. Часть из них прижилась (такое уж дерево неприхотливое), часть дети пообломали, а часть сами хозяева выбросили: на благородные породы заменили. Дерево это, известно какое, недаром его убийцей называют. Тянется, тянется вверх: ствол мощный, а нутро гнилое, крона разлапистая, а корень хилый. Вот чуть ветер посильней дунет, оно и валится куда ни попадя: на дом ли, на машину ли, а то и на

человека. Я уж не говорю про аллергию на тополиный пух. Тополь только у нас так растёт, в Европе его не узнать: подстриженный, причёсанный, а на юге он вообще другой – пирамидальный. Зато у нас ему любо-дорого: растёт сам по себе, как заблагорассудится, как Бог на душу положит. Но кому что нравится... Ты вот перед своим домом дал им волю – вон уже какие деревья выросли за пятнадцать-то лет. Только скажи, зачем тебе три от одного корня? Ведь провода электрические уже задевают. Спилить бы ты два ствола, и проблем меньше, и тополь сохранил бы, если уж он тебе так люб. Я вот со своими давно...

Не успел Виктор Леонидович закончить фразу, как почувствовал на себе цепкие Лёхины руки.

– Слушай ты, учитель, – в лицо Виктора Леонидовича пахнуло засто- ялым запахом нежилой коммуналки. – Если ты хоть пальцем до моего тополя дотронешься, я тебе руки пообломаю и ноги выдерну. Понял, интеллигент?

Он сплюнул под ноги и вполне протрезвевшим спустился с крыльца.

– Алексей, я что, тебя чем-то обидел?

Лёха оглянулся и с расстановкой угрожающе произнес:

– Ты всё понял? Я повторять не буду: моего дерева не касайся, а то худо будет.

И ничего больше не объясняя, направился к своему дому.

Алексей Смирнов хорошо помнил, как девятого мая пятнадцать лет назад справляли новоселье. Ещё не все вещи успели распаковать, и комнаты казались широкими и светлыми. За большим столом, плотно заставленным закуской и разнообразными бутылками, сидели в основном свои: Иван с новой женой, Костя с очередной лахудрой, дядьки и тётки, двоюродные братья и сестры, конечно, они с Зинкой, а во главе стола – родители: его мать и её отец. Тёща проигнорировала двойной праздник, но не больно все и расстроились, и так собралось народу предостаточно. Даже друзей своих, Вовчика и Саню, ему не удалось привести, а они ведь вещи таскали, надрывались, можно сказать. Но и Зинке никаких подружек, а он со своими дружбанами своё возьмет, и не далее как завтра на работе, у себя в кандейке.

– Что, братан, с новосельем, – Костя легко расправился с металличе- ской крышкой на бутылке и приготовился разливать.

– Не гони гусей, – одёрнул его старший брат.

– А что, Ванюша, пусть Костя-то разливает. Заждались уж, наверное, все, – вступилась за него мать, вся светившаяся от счастья за младшего сына, который наконец-то получил долгожданную квартиру.

– Как скажете, мама.

Все как будто только и ждали этих слов: гости загомонили, зазвенели посудой, и этот предвкушающий негромкий шум напомнил Лёхе филармонический зал перед началом концерта. В своё время он там бывал, но только этот шум и запомнил. Споро рушились горы салатов и прошлогодних заготовок. Пройдя по кругу, блюда возвращались на прежнее место с остатками закуски в виде утесиков и разлохмаченных куч.

– Выкладывайте всё, ничего не оставляйте, если надо, ещё принесем, – суетилась Зинка.

– А если не хватит, капустаки доложим. И не стыдно на стол выставить, и съедят, так не жалко, – в тон ей продолжил Костя, не забывая при этом опустошать очередную бутылку, разливая её в рюмки гостей.

– Я тебе сейчас её сразу навалю и всю сожрать заставлю.

– То-то, Костик, не связывайся с моей женой, – весело урезонил его Лёха, – целее будешь.

Тем и замечательно начало любого застолья, что не пристают ни к кому обидные слова, пролетают мимо, потом лишь всплывают в нетрезвом сознании, а уж после этого кому как повезёт.

Выпили за новоселье, за родителей, потом, разумеется, вспомнили про праздник: как-никак День Победы, а за столом четыре ветерана и мать в их числе. Как водится, дали им поговорить, поворошить былое. Про себя они говорили мало, все больше о маршалах да о героях, но все старички сразу как-то выпрямились, похорошели, а на загорелом от прожитых лет лице матери, изборожденном глубокими морщинами, молодым задором заголубели глаза.

– Хорошее было время!

– Вот те на! Чего хорошего-то? Война, кровь, грязь, ужас, смерть по пятам ходила, а вы – «хорошее было время».

– Так ведь молодыми были. А то, что жизнь на фронте и ломаного пятака не стоила, так оттого она и ценилась дороже. Каждый час, каждую минутку берегли больше, чем себя.

– Хорошее-то оно хорошее, да лучше бы его и не было вовсе.

За это и выпили, а потом пили кто за что хотел и кто с кем хотел. Свою норму всё перевыполнили, да и немудрено: заставляли пить и под тосты по второму кругу, и под баян с припевкой про месяцы рождения, и просто под уважение. Немало было выпито.

Солнце ещё плавилось на горизонте, а уж все хороши были: кто плясал, кто отношения выяснял, а кто-то уже и сны видел.

Братья, все трое, на крылечке стояли, воздухом дышали да друг перед другом похвалялись. Ванька учил, как лучше комнаты обставлять, коридор, кухню отделявать. Костя про жену Ванькину что-то молол, тоже его учил, а Лёха между ними толкался. Глядь, а у дороги мать копошится, с лопатой да с ведром что-то около деревьев делает.

– Да вот, Лёша, у тебя топольки возле дома криво-косо посажены. Так и вырастут внаклонку. И не политы, не удобрены, кто и сажал такой криворукий.

– Да озеленители. Наплевать, мама, пусть как есть, так и растут, что с них взять: ананасы, бананы все одно не вызреют.

– Всё бы тебе наплевать, – вмешался Иван. – Нет бы матери пособить, для тебя как-никак старается. Где у тебя инструменты лежат?

Нашли ещё одну лопату и пару ведер. Хоть и пьяные были, но под материнским приглядом весь хмель будто улетучился. Дружно работали. Последний раз, чтобы вот так, все вместе, и не припомнить, когда трудились: в детстве, наверное. Подряд все деревья заново перекопали да по материнской указке выровняли. Как свечечки вдоль дороги топольки встали. Остался последний, какой-то неказистый: три ствола из одного корня в один рост тянутся. Иван говорит: «Неси топор, сейчас мы его подправим». Тут мать и сказала:

– Не надо его трогать, пусть как есть, так и растёт. Деревья что люди: свалишь – не поднять, а этот тополёк как три сынка. Вот это ты – Иван, это – Костя-шалопут, а это – Лёшенька, миленький сыночек.

– Чудите вы, мама, – пробубнил Иван, но трогать тополь не стал, а окопал да вылил под него три ведра воды. На этом закончили и пошли в дом праздновать дальше.

После новоселья мать загостилась у Алексея вплоть до самого сенокоса. Помогала ему обустроиться на новом месте. С утра до позднего вечера находила себе работу, не забывала и за тополями ухаживать. Правда, из них немногие выжили, ну а тот самый, о котором идет речь, набрался сил, окреп и дал свежие побеги на всех трех стволах. Собираясь в дорогу, мать наказывала Алексею, что и как по хозяйству доделать. Не забыла и про тополь упомянуть. С тем и уехала.

Что было после, что было до, что сначала, а что потом – сейчас не собрать по порядку, не распределить по годам. Закрутилось колесо лихолетья, только успевай ставить заметы. Умерли друзья-«бухарики» Саня и Вовчик: один отравился спиртом «Роялем», другого прирезали в пьяной драке. Посадили Костика. Он, оказывается, в своем городе успел бандитом стать и получил срок на полную катушку. С Иваном все нормально: нашел свою «нишу». Торгует лесом, круглые «бабки» зашибает, говорит, караваны доверху груженных КамАЗов по ночной трассе гоняет. А почему по ночам? Да потому, что таможня спит, милиция дремлет, а налоговиков и в помине нет.

Лёху тоже в своё время нужда заставила бизнесом заниматься, когда столярный цех ликвидировали. Пришлось ему кооператив открывать, «Ясенем» назывался. Он в нем и начальником, и бухгалтером, и кассиром, и разнорабочим был. Тоже деньги водились, да все вывелись. Когда мать умерла, Лёха полгода не просыхал, все дела запустил, из ритма выбился, а инфляция итог подвела: свернуть пришлось кооператив. С тех пор он на Зинкином иждивении. Изредка «зашибет деньжевину» и уж потом от души семью гонять принимается. Сын в армии, некому его утихомирить, вот Зинка и орёт на всю округу.

– Убивают! Люди хорошие, помогите, убивают! – но видя равнодушное отношение к ней, меняет тактику. – Ах ты козёл плешивый, ах ты хорёк беззубый, да я тебя в милицию сдам. На пятнадцать суток посажу.

До милиции обычно дело не доходит. Поругается ещё скверными словами и уйдёт к своей мамаше. Тёща этому и рада: «Говорила я тебе, говорила?» «Договоришься ты у меня когда-нибудь», – злится у себя дома Лёха, но на тёщин двор ни ногой, хоть того пьянее будь. А вот к учителю сходить можно, «стрельнуть» сигаретку-другую.

«Тополь наш хотел срубить? – вдруг вспомнил Лёха. – Как там мама говорила: свалишь дерево – не поднять. Ему что, своих деревьев мало? Права не имеет мой тополь трогать. Тоже мне, учитель нашелся... Пусть только сунется к моему тополю. Я башку-то враз снесу. Эх, жизнь-зануда, до краю достала. Не видишь ты, мама, какая она теперь противная».

Вспомнив о матери, Лёха решил помянуть её. Открыл холодильник. В дверцах призывно звякнуло стекло, но бутылки там не оказалось, звенели склянки каких-то приправ и микстур. На решётках, кроме двух банок с солёными огурцами, ничего не было. Пришлось приступить к обширным поискам спиртного. Он зачем-то перебрал все пустые бутылки в углу возле холодильника. Пораскрывал все дверцы у собственноручно сделанных шкафчиков кухонного гарнитура. Непроизвольно отметил: «Фанеровка отклеилась».

Пугая тараканов, перешерстил горы порожних целлофановых пакетов из-под крупы и муки. «Всё равно найду! Не бутылку, так деньги на «палёнку». Совсем недалеко от его дома жила старая цыганка, которая в любое время могла продать водку по «смешной» цене и без всякой на то рекламы.

Кухню он обыскал тщательно и довольно быстро. Только в доверху набитом помойном ведре не стал смотреть, а в остальном везде пошарил, везде порылся, ничто не ускользнуло от его глаз. Лёха продолжил поиск в коридоре и во всех жилых комнатах. «Святое дело – маму помянуть», – повторял он про себя, раскидывая вещи по квартире. Ни денег, ни заначенной бутылки нигде не было. Правда, он собрал по карманам верхней одежды несколько рублей мелочью, но этого было мало.

«Святое дело – маму помянуть», – твердил он, круша всё на своем пути и уже не понимая, что ищет. В мутном сознании, как он ни старался, вместо образа матери застряло жёлтое бородавчатое лицо старухи цыганки. «Мама как говорила? Человек что дерево, свалится – не поднять. Штабелями уже лежат. И дружки закадычные там же. А всё она, злодейка, всё она, родимая. Еще «Бородавка» эта прицепилась... Отцепись, зараза, ненавижу...» Он заметил за собой, что часто шмыгает носом и вытирает рукавом текущие по щекам пьяные слезы. «Ненавижу эту жизнь, – распаялся Лёха. – Себя ненавижу. Старуху-самопальщицу ненавижу». Он огляделся вокруг. В комнатах всё было перевернуто вверх дном. Мать бы сказала: «Как Мамай прошёл». Лёха ещё раз пересчитал мелочь и окончательно понял, что водки ему сегодня не видать...

И тогда он неожиданно успокоился. Достал с антресолей свой ящик с инструментами, открыл его и взял в руки плотницкий топор. Топоров у Лёхи было несколько, но этот он держал дома, отдельно от всех, чтобы не попал в чужие неумелые руки. Накинул куртку и вышел из дома. На улице постоял у тополя и, примерившись, не спеша тюкнул по одному из стволов.

Виктор Леонидович проснулся от стука, потом что-то хрустнуло, хрястнуло, и комнату наполнил необычный белый свет, сопровождаемый потрескиванием электрических разрядов.

– Включи-ка свет, пожалуйста, – попросил он жену.

– Не включается.

– Всё ясно, – произнёс Виктор Леонидович, выглянув в окно. – Сосед дерево завалил на провода.

Приглядевшись, удивился:

– Странно, что не два, а только один ствол срубил. Недавно из-за него на меня бросался, а тут дня не мог дожидаться. Пойми этого алкаша. Ладно, давай-ка спать, утро ночи мудренее. Энергетикам завтра прибавится работёнки.

Прошёл год. Потом ещё несколько лет. Человек – что дерево: свалится – не поднимется... Алексей Смирнов пить не бросил.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Декабрь

В то время как в стране тысячами закрываются книжные магазины и библиотеки, Тюменская область идёт впереди планеты всей. В старинном сибирском городе Ишиме центральная городская библиотека имени члена Союза писателей России, заслуженного работника культуры Анатолия Васильева справила новоселье в просторном здании бывшего, долгое время пустовавшего учебного комбината.

Как отметил на церемонии открытия глава города Фёдор Шишкин, потребовавший больших вложений капитальный ремонт проведён в кратчайшие сроки, и без малого 100 тысяч книг заняли место на новых стеллажах. Библиотека сразу стала местом общения горожан и проведения различных мероприятий для людей самого разного возраста.

Библиотеки Ишима тесно сотрудничают с региональным отделением Союза писателей России. Так, на протяжении целого года действовал проект «Писатель в библиотеке», в рамках которого ежемесячно одновременно на нескольких площадках города проходили встречи с тюменскими писателями, приезжающими сюда почти за 350 километров.

В день новоселья тоже не обошлось без встреч читателей с писателями. Поэт Александр Новопашин выступал перед людьми старшего возраста, поэт и краевед Павел Плюхин из Нижневартовска – перед старшеклассниками, Григорий Кайгородов из Ханты-Мансийского автономного округа – Югры общался с малышами, а Леонид Иванов рассказывал о писательской организации и своём творчестве студентам педагогического института имени П.П. Ершова.

* * *

Только за декабрь при поддержке областного департамента культуры тюменские писатели провели в глубинке, отстоящей от областного центра за 300 и 400 с лишним километров, более 20 встреч, в том числе в деревенских библиотеках, где книга по-прежнему остаётся очень востребованной.

Во время литературных десантов члены Союза писателей России помимо встреч с читателями проводят мастер-классы и семинары с начинающими авторами, помогают им постигать хотя бы основы стихосложения.

* * *

В Ишиме под председательством главы города Фёдора Шишкина состоялось заседание оргкомитета по проведению торжественного награждения лауреатов 14-й Международной литературной премии имени П.П. Ершова, которая проводится под патронажем Союза писателей России.

В заседании приняли участие заместитель председателя Тюменской областной Думы Виктор Рейн, советник губернатора Тюменской области Александр Новопашин, руководитель регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов, директор Ишимского культурного центра Надежда Проскуракова, руководители структурных подразделений администрации города, местные предприниматели.

Принято решение торжественные мероприятия по награждению победителей 14-й Международной литературной премии имени П.П. Ершова и конкурса творческих работ учащихся провести в Ишиме 15 июня, одновременно с празднованием Дня города. Наряду с литературным традиционно для школьников области проводится конкурс творческих работ на тему «Старинная архитектура глазами детей».

Было также предложено провести в Ишиме в эти же дни литературный фестиваль, аналог тюменскому «Пикнику книг», на котором идёт торговля книгами, проводится литературный марафон, организуются различные развлекательные мероприятия для детей и взрослых. В областном центре этот праздник книги ежегодно собирает не менее 15 тысяч горожан.

* * *

В Тюменском региональном отделении Союза писателей России впервые в практике организации состоялось выездное заседание бюро. Оно прошло в духовной столице Сибири с участием руководства Тобольско-Тюменской митрополии.

Члены бюро и митрополит Тобольский и Тюменский Дмитрий обсудили возможности сотрудничества в деле укрепления духовно-нравственного воспитания, где писатели могли бы своими произведениями оказать церкви неоценимую помощь.

Писатели рассказали, что их коллеги, в первую очередь Сергей Козлов, Станислав Ломакин, Мирослав Бакулин, Елена Русанова и другие, не просто поднимают в своих произведениях вопросы духовности и нравственности, но и говорят на эту тему во время многочисленных встреч с читателями, особенно в учебных заведениях. Ответственный секретарь регионального отделения, редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири» Леонид Иванов отметил, что среди авторов альманаха есть православные священники из других регионов страны, и попросил владыку дать благословение тюменским священникам публиковать в издании свои литературные труды, поскольку некоторые из них пишут стихи и прозу на высоком художественном уровне.

Митрополит Дмитрий предложил завести в альманахе специальную рубрику, под которой печатались бы произведения духовной направленности всех четырёх мировых религий.

На выездном заседании бюро принято решение расширить рамки уже почти два десятка лет проводимого фестиваля «Православие и СМИ» с тем чтобы в нём была и номинация «Художественная литература».

* * *

В Тюменской областной научной библиотеке состоялось награждение победителей регионального конкурса «Книга года – 2018».

Эксперты и жюри определили лучшие издания в девяти номинациях, в том числе документальную книгу, книгу о родном крае, научную, учебную, патриотическую и другие. Победителем в номинации «Проза» признано произведение Николая Коняева «Берег белый, берег красный», лучшей поэтической книгой стал сборник стихов Николая Шамсутдинова, «Книгой года» жюри единогласно назвало альбом ямальского фотохудожника с мировым именем Сергея Анисимова и поэта Александра Новопашина «Поэтика бескрайней тундры».

Январь

В обществе русской культуры прошли традиционные писательские рождественские посиделки.

Члены Союза писателей России и Союза российских писателей отмечали праздник вместе с обществом русской культуры. Читали стихи, пели русские народные песни. А «гвоздём» мероприятия стало исполнение Дедом Морозом, в роли которого выступал член Союза писателей России, поэт Виталий Огородников, исполнение на фортепиано классических произведений. При этом музыкант играл, не снимая рукавиц.

* * *

В Тобольском педагогическом институте прошёл круглый стол, посвящённый 150-летию Григория Распутина. К студентам в гости приехали лауреат Государственной премии в области литературы, заслуженный деятель искусств, автор почти полутора сотен книг, в том числе романа «Григорий Распутин. Царский угодник», член Союза писателей России Валерий Повляев, писатель, известный ведущий на канале «РЕН-ТВ», автор нескольких книг о Распутине Олег Шишкин, владелец частного музея Григория Распутина в Санкт-Петербурге Дмитрий Филатов.

На следующий день встречи со столичными писателями прошли в Тюменской городской библиотеке и Музейном комплексе имени И.Я. Словцова, а в залах Тюменской областной научной библиотеки состоялась запись телевизионного ток-шоу, в котором вместе с гостями приняли участие и тюменские краеведы.

Февраль

В Тюменском региональном отделении Союза писателей России состоялось очередное общее собрание. На повестке дня главным был вопрос об обмене членских билетов.

Решение об обмене билетов в целях упорядочения учёта и наведения порядка в Союзе принято год назад на очередном писательском съезде. В печати это решение стали называть чисткой рядов. Комментируя такое определение, председатель правления Союза писателей России Николай Иванов отметил, что действительно пришла пора наводить порядок, что в некоторых региональных организациях из рук вон плохо налажен учёт, есть немало членов Союза, которые давным-давно утратили всякую связь со своими организациями, не принимают участия в литературной жизни и даже годами не пишут ничего нового. С такими писателями надо расставаться. В декабре этот же вопрос обсуждался на заседании пленума, где были определены сроки.

На собрании большинством голосов утверждён список членов Союза писателей России, которым будут выданы билеты нового образца. В этот список не вошли люди, давно утратившие связь с организацией. При этом писателями они продолжают оставаться, но не являются членами Союза писателей России.

* * *

В Казанском районе прошло торжественное награждение лауреатов литературной премии имени Ивана Ермакова. Эту премию называют народной, потому что лучших писателей определяют земляки великого сказителя. Учреждена она более 30 лет назад, но вручается не каждый год, а только когда появляются действительно яркие произведения и авторы. Так, лауреатами премии имени Ивана Ермакова в разные годы становились члены Союза писателей России Зот Тоболкин, Анатолий Омельчук, Александр Мищенко, Олег Дребезгов, Леонид Иванов, Ольга Ожгибесова.

В нынешнем году премия присуждена члену Союза писателей России, поэту Александру Новопащину.

Наряду с профессиональными писателями в Казанском районе несколько лет назад начали отмечать и местных авторов. Это Анатолий Савельев, Нина Свяженина, Сергей Боровский, Анатолий Худяков, Тамара Рагозина.

Коротко об авторах

АБРАМОВ Сергей Владимирович родился в 1960 году в деревне Бугинке Ярковского района Тюменской области. После окончания школы в 1978 году поступил в Троицкое авиационно-техническое училище гражданской авиации, по окончании училища в 1981-м работал авиатехником в аэропорту Рощино города Тюмени. В 1983-м переехал в село Ярково Тюменской области, трудился на Ярковской компрессорной станции («Сургутгазпром»), в 1989-м переехал в г. Сургут.

Автор сборников «Небесные истоки (2003), «Верста» (2005), «Задумчивые ночи» (2006), «Родные задворки» (2008), «Мгновение красоты» (2012). С 2002 года его стихи публиковались в периодических изданиях «Тюмень литературная»; «Сибирская православная газета», «Колокол», «Тюменская правда», газете «Парадный подъезд» и журнале «Пегас» (г. Санкт-Петербург), альманахе «Литературный факел» (г. Москва) и других изданиях. Член Союза писателей России с 2014 года.

АНДРЕЕВА (КАТОВА) Ирина Андреевна по образованию строитель, но с юности увлекается литературой. Писать сама начала лет с 30. Рассказы, зарисовки публиковала в районной газете «Красное знамя». Первую книгу повестей и рассказов «Знак бесконечности» опубликовала в 2010 году. За эти годы издала ещё несколько книг прозы. Пишет больше о деревне вчерашней и сегодняшней. Автор нескольких книг прозы, которые сама же иллюстрирует. Член Союза писателей России. Живёт в пригороде Тюмени.

БЕЦКО Анжела Михайловна родилась 1 июня 1968 года в городе Барановичи Брестской области (Беларусь). В 1993 году окончила филологический факультет Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. Более двадцати лет живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Автор трёх поэтических сборников: «В центре круга» (Ханты-Мансийск, 2014), «Яблоко» (Санкт-Петербург, 2015), «Бражник» (Екатеринбург, 2017) и книги прозаических миниатюр «Про одну девочку» (Роли, США, 2014). Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «Эринтур», «Чаша круговая», «Югра», «Буквица», «Наш Филиппок», «Рюкзачишка», поэтической серии «Антология живой литературы». Член Союза писателей России (2017). Живёт в городе Нефтеюганске (ХМАО-Югра).

БИРЮК Сергей Николаевич родился в 1977 году, в г. Псков. Окончил экономический факультет Псковского политехнического института Санкт-Петербургского государственного технического университета. Основные исторические интересы - история Русской Императорской армии 1877-1917 г.г., воинские формирования Сибири и Псковской губернии, Русско-японская война. Автор книги «За Веру, Царя и Отечество. Псковские полки в Первой мировой войне».

БОРИСОВ Виктор Авенирович родился в 1953 году в Костромской области, окончил художественно-графический факультет Костромского педагогического университета. Писатель, художник-график, преподавал в художественных училищах Кунгура и Вологды, участник нескольких выставок. Публиковался в журналах и коллективных сборниках. Вошёл в число победителей Всероссийского литературного конкурса в честь

70-летия Победы. С 2015 года председатель правления Вологодского Союза писателей-краеведов, живёт в Вологде.

ВАСЬКОВА Надежда Викторовна родилась 5 августа 1956 года в Тюмени, училась в старейшей в городе школе № 26, потом – в Тюменском государственном университете на историко-филологическом факультете. После окончания вуза работала в областном телерадиокомитете радиожурналистом, затем более 20 лет комментатором, редактором телевидения ГТРК «Регион-Тюмень». Трудилась в пресс-службе губернатора области, пять лет была директором музея изобразительных искусств. Преподавала в Тюменском институте культуры, теперь в драматическом театре – специалист по созданию музея театра и экспозиционной работе.

ВТОРУШИН Николай Михайлович родился в 1946 году в деревне Шалимово Уватского района Тюменской области. Автор шестнадцати книг прозы, стихов и песен. Заслуженный работник лесной промышленности ХМАО-Югры, почётный гражданин Ханты-Мансийского района, полуфиналист общероссийского конкурса «Герои ВОВ», член Российского Союза писателей и Союза писателей России. Проживает в посёлке Бобровском Ханты-Мансийского района.

ЕЛИСТРАТОВ Егор Николаевич родился 10 сентября 1982 года в г. Сургуте, член городского литературного объединения «Северный огонёк» с 2013 года. В сфере интересов – поэзия, музыка, психология. В феврале 2017-го получил диплом победителя второго литературного конкурса имени Петра Суханова в номинации «Поэтический дебют» за первый авторский сборник «Искатели счастья» (2016). Живёт в Сургуте.

ЕЛИСТРАТОВА Людмила Николаевна – член литературного объединения «Северный огонёк» г. Сургута. Родилась 9 сентября 1952 года. Окончила Воронежский государственный университет в 1975 году по специальности «Прикладная математика», работала инженером-программистом. В настоящее время на пенсии. Живёт в г. Сургуте с 1981 года. Публиковалась в газетах «Сургутская трибуна», «Нефть Приобья», «Литературный Амшен» (Абхазия), в поэтических сборниках «Поэзия земли Тюменской». Выпустила два авторских сборника стихов «Посох дружбы» (2010) и «Обретённая Атлантида» (2016).

ЗАПЛАВНЫЙ Сергей Алексеевич родился в 1942 году. Писатель, поэт, прозаик, публицист, общественный деятель. Родился в г. Чимкенте Южно-Казахстанской области. Выпускник Томского государственного университета. Работал в Томской областной газете «Красное знамя», был редактором областной газеты «Молодой ленинец», старшим редактором Томского отделения Западно-Сибирского книжного издательства.

Первые стихи опубликованы в 1960 году. С 1963 года – член Союза журналистов СССР. С 1974 года – член Союза писателей СССР. Автор 26 поэтических и прозаических книг, вышедших в московских и сибирских издательствах общим тиражом 1 млн. 375 тыс. экземпляров. Отдельные произведения переведены на латышский, болгарский, немецкий языки. Награждён несколькими медалями, в том числе большой золотой медалью Союза исторических городов и регионов «За вклад в наследие народов России» и почётным знаком «За заслуги перед городом Томском». Живёт в Томске.

ЗЕНЗИН Николай Васильевич родился 3 марта 1933 года, полковник ФСБ в отставке, член Союза журналистов России, лауреат премии имени В.И. Муравленко. С 2011 года выпустил пять книг о войне и разведке, сборник стихов. Другие данные можно найти на сайте «Память Зауралья, Николай Зензин».

ЗУЕВА Тамара Трофимовна родилась в городе Белогорске Амурской области. Образование высшее. Член Ханты-Мансийской писательской организации. Член литературного объединения «Замысел» г. Нижневартовска, член Новомосковского литературного объединения Тульской области. Автор трёх поэм и четырёх поэтических сборников. Тесно сотрудничает с молодыми поэтами Республики Дагестан. Стихи – переводы с аварского языка печатаются в региональных альманахах, в СМИ Республики Дагестан. Имеет публикации в различных коллективных поэтических сборниках. Живёт в Нижневартовске. Член Союза писателей России.

КАЛЕНОВА (ЗАПЛАВНАЯ) Тамара Александровна – томская писательница. Родилась в семье военнослужащего. Работала подручной каменщика и лаборанткой на строительстве новосибирского Академгородка. Училась в строительном техникуме. В 1967 году окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета (ТГУ). Преподавала в томских вузах латинский и современный русский языки. В 1972-м в Берлине на немецком языке издана её книга о детях «Первый год у моря». Член Союза журналистов СССР и России с 1964 года. Член Союза писателей СССР и России с 1970 года. Автор более 17 прозаических книг, изданных в Москве, Берлине, Новосибирске, Томске. Живёт в Томске.

КАРЛОВ Игорь родился в Туле в 1966 году. Кандидат педагогических наук, много лет преподаёт русскую словесность в средних, средних специальных и высших учебных заведениях. Занимается популяризацией русской культуры за рубежом. Отличник народного просвещения Монголии. Статьи, очерки и фельетоны Игоря Карлова публиковались в газетах и научных изданиях. Постоянный автор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Публиковался в «Литературной газете», журналах «Литературная учёба», «Современная русская литература», «Русский писатель» (Санкт-Петербург), альманахах «Белая скрижаль: лучшее», коллективном сборнике «В поисках жанра». Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова. Заведующий отделом международных связей всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

КЕРДАН Александр Борисович – российский поэт и прозаик, журналист, кандидат философских наук, доктор культурологии, полковник. Родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. В 1978 году окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище, педагогический факультет военно-политической академии имени В.И. Ленина и адъюнктуру Военного университета в Москве. Проходил службу в войсках Уральского военного округа в качестве политработника, преподавал на кафедре общественных наук Челябинского высшего военного автомобильного инженерного училища.

Член Союза писателей России с 1993 года. Сопредседатель правления Союза писателей России с 2009-го. С 2000 года по настоящее время – ко-

ординатор ассоциации писателей Урала. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Чаша круговая» и газеты-журнала писателей Урала «Большая медведица». Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Награждён орденом Дружбы и 23 медалями СССР, Российской Федерации, ГДР, Украины. Лауреат многих престижных литературных премий, в том числе Большой литературной премии России, премий «Полярная звезда», «Золотое перо», «Югра», имени П.П. Бажова, Губернаторской премии Алтайского края имени Р.И. Рождественского. Почётный профессор Уральского института бизнеса имени И.А. Ильина. Живёт в Екатеринбурге.

КУЗЬМИНА Альбина Семёновна родилась 17 марта 1953 года в селе Рынья Тобольского района Тюменской области. Окончила Всесоюзный Свердловский электротехникум Министерства связи СССР, Томский ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт имени С.М. Кирова (ныне университет). Прозаик, исследователь, журналист. Кандидат культурологии (2003). С 1996 года возглавляет городское литературное объединение «Замысел» в г. Нижневартовске. Рассказы печатались в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Мир Севера», «Эринтур», «Югра», коллективных сборниках. Автор книг «На священных берегах Ваха» в соавторстве с прозаиком М.К. Анисимковой (Нижневартовск, 1999); «Мой Нижневартовск» (Екатеринбург, 2000); «Главный лесничий» (Екатеринбург, 2001); монографии «Христианизация коренных народов Обского Севера: культурологический аспект» (Санкт-Петербург, 2004); «Звонкоголосая Сибирь» (Шадринск, 2005).

Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера». Живёт в г. Нижневартовске.

КУРБАТОВ Валентин Яковлевич родился 29 сентября 1939 года в г. Салаване Ульяновской области) – советский и российский литературный критик, литературовед, прозаик, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», член Союза писателей России. Член Общественной палаты России (2010–2014). Член Президентского совета по культуре. В 1978 году принят в Союз писателей. Академик Академии российской словесности с 1997 года, член правления Союза писателей России с 1999-го. Член редколлегии журналов «Литературная учёба», «День и ночь», «Русская провинция», «Роман-газета», редсовета журнала «Роман-газета XXI век», общественного совета журнала «Москва». Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий, в том числе Л.Н. Толстого (2000), имени Павла Бажова (2007), Горьковской премии (2009), Новой Пушкинской премии (2010), Патриаршей (2014). Награждён орденом Дружбы. Живёт в Пскове.

КУРГАНОВА Евгения Михайловна родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ имени Ленина, долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликованы в газете «Московские новости». Печаталась в журнале «Приокские зори», «Московский Парнас», альманахах «Лесной орех», «Ясноцвет», болгарской газете «Есенински булевард», литературном журнале «Страна и мы», сборнике «Вечерами у балкона». Вышли в свет книги «Люблю и верю» и «Снежный вальс». Лауреат литературного конкурса «Страницы семейной славы» и международного фестиваля «Русский лад». Член Союза писателей России.

МАКАШОВА Светлана Вадимовна родилась в г. Самаре. Специалист центра по мониторингу загрязнения окружающей среды. Автор сборника стихотворений. Печатается в коллективных сборниках, альманахах и журналах, размещает стихи на сайтах. Лауреат и призёр областных и международных конкурсов. Член Российского союза профессиональных литераторов.

МАЛЬЦЕВ Ярослав Владимирович родился в Тюмени в 1985 году. Окончил институт истории и политических наук по специальности «История». Пишет стихи с раннего детства. Публиковался в газете «Тюменская правда», является призёром конкурса «Лёгкое перо – 2017».

МАМАТКУЛОВА Олеся Ивановна – преподаватель биологии. Автор трёх сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Член Тульского областного музейно-литературного объединения в доме-музее В.В. Вересаева «Муза». Живёт в г. Алексине Тульской области.

ОГОРОДНИКОВ Виталий Петрович родился в 1956 году в Тюмени. Окончил Тюменский инженерно-строительный институт и с тех пор работает геодезистом. Бывал в многомесячных экспедициях за полярным кругом и в пустыне, увлекается велосипедным спортом, готовится совершить кругосветное путешествие на велосипеде. С детства увлекается поэзией, музыкой и изобразительным искусством. Автор персональной художественной выставки и двух поэтических сборников. Публиковался во многих газетах и журналах. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

ОЖГИБЕСОВА Ольга Адольфовна – журналист, писатель, сценарист докфильмов. Родилась в Екатеринбурге (Свердловске). Окончила философский факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. 18 лет преподавала на кафедре философии Тюменской медицинской академии, после чего ушла в журналистику. Творческий багаж – 11 книг (стихи, художественная и документальная проза), четыре документальных фильма. Многократный лауреат и дипломант журналистских, литературных и телевизионных фестивалей и конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

ПИОНТ Екатерина Лаврентьевна родилась и окончила школу в рабочем посёлке Берёзово Тюменской области. Работала многие годы в системе связи. Неоконченная учёба в Омском политехническом институте и текущая учёба в Литературном институте. Первая книга стихов «У родного порога» – 2000 год. Затем – «Раздумье», «Из Берёзово я», «Тогда ещё писали письма...», стихи для детей «Мне рано в школу». Сборник рассказов для семейного чтения «Много неба» – издательства «Российский писатель», 2013 год. Дважды лауреат газеты «Российский писатель» – 2016 и 2017 гг. Живёт в Подмосковье.

ПОТЁМКИНА Татьяна Николаевна много лет работала журналистом и по сей день остаётся верна этой профессии. Пишет статьи для газеты «Российская кооперация», еженедельника «АиФ в Западной Сибири». У Татьяны Потёмкиной, которая пишет прозу под псевдонимом Королёва, опубликовано три книги. Третья – сборник повестей и рассказов «Капля правды перевесит» – вышла из печати в октябре 2018 года. Как написал Владислав Крапивин, «в наш недобрый «ржавый» век Татьяна дарит чита-

телю возможность словно бы заново чистыми глазами взглянуть на такие понятия, как Вера и Любовь»... Член Союза журналистов России. Живёт в Тюмени.

СЕДЫХ Сергей Александрович родился в 1965 году в р.п. Черлак Омской области в семье речников. Детство прошло на палубах барж и пароходов. В 1982 году окончил среднюю школу, в 1984-м – Омское техническое училище № 56. В 1985-87 годах – служба в рядах Советской армии. Работал помощником механика по электрооборудованию на судах Черлакской РЭБ флота Иртышского речного пароходства. В 1994 году окончил заочное отделение Новосибирского института инженеров водного транспорта по специальности «Инженер-электрик». Активно и плодотворно занимается краеведением. С 2004 года живёт в Тюмени.

СИМОНЯН Наира Алексановна – поэт, переводчик, член Союза писателей Армении, лауреат национальной премии Армении в области культуры, награждена медалью имени Ованеса Туманяна. Автор сборников стихов на армянском языке «Блеск метеора», 1997, Ереван, Армения), «Я не принцесса жизни» (Ереван, Армения, 2004), «Ночные эскизы» (Ереван, Армения, 2014), сборник стихов и переводов на русском и армянском языках в соавторстве с П.Р. Черкашиным «Дорогами потерь и обретений» (Ханты-Мансийск, 2014), «Слёзы радости, слёзы печали» (Роли, США, 2016), книг «Здравствуй, солнце!» (Роли, США, 2015), «Дорогая мамочка!» (Роли, США, 2015), перевод на армянский язык рассказа и стихов П.Р. Черкашина. Живёт в Сургуте.

СМЕТАНИН Сергей Егорович родился 25 мая 1952 года в Стерлитамакском зерносовхозе (ныне п. Октябрьский) Стерлитамакского района Башкирской АССР. Учился в г. Омске в школе № 112 с 7-го по 10-й класс. Окончил факультет иностранных языков БГУ в Уфе (1975). Специальность: филолог (немецкий язык). Работал инженером, дворником в детсаду, редактором АИИК «Северный дом» (Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1991–1997), ответственным секретарём журнала «Югра». Лауреат международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А.Н. Толстого (2006), лауреат Международного конкурса «Золотое перо Руси – 2007». Автор полутора десятков поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

СТЕШЕНКО Александр Георгиевич – доцент, кандидат технических наук. Работал заведующим кафедрой АСУ, топ-менеджером компьютерной компании, был одним из руководителей комитета связи и информатизации Тюменской областной администрации. В настоящее время занимается творчеством. Живёт в Тюмени.

ТИХОМИРОВ Артём Юрьевич родился в 1989 году. Окончил Тюменскую государственную академию культуры и искусств. Дипломант и лауреат областного конкурса молодых авторов «Лёгкое перо» (2015, 2017). Живёт и работает в Тюмени.

ТИХОНОВ Александр Александрович родился в 1990 году в посёлке Большеречье Омской области. Работает заведующим экскурсионным отделом исторического мультимедийного парка «Россия – моя история.

Омская область». Стихотворения и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Сибирские огни» и других. Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), романов «Охота на зверя» (М.: АСТ, 2016) и «Синдром героя» (М.: АСТ, 2017), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016) и пьесы для детей «Волшебный планшет Джинна» (2017). Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (Тарханы, 2015), премии «В поисках правды и справедливости» (Москва, 2016), Национальной литературной премии для молодых авторов «Русские рифмы» (Санкт-Петербург, 2018).

ТОМСКИЙ Артур – литературный псевдоним автора. Один из победителей Всемирного литературного конкурса «День поэзии – 2018». Госслужащий, преподавал в высшей школе. В Тюменской области живёт уже 20 лет, известен под псевдонимом Артур Томский. Родился на Украине, занимается сочинительством около тридцати лет. Пишет на русском, но больше на украинском языке, печатался в коллективных сборниках и литературных альманахах в Киеве и Тюмени.

ТРОФИМОВА Ирина Николаевна родилась в 1960 году в Свердловской области. Окончила филологический факультет Тюменского университета, работала в школах Тюмени учителем, 7 лет заведующей кабинетом музыки и мировой художественной культуры в областном институте повышения квалификации учителей. Переехала в Тобольск в 1993 году. Пишет стихи и песни. Работает редактором журнала «Град Тобольск». Публиковалась в местных СМИ, соавтор поэтического сборника «На зелёном холме».

ЦУПРИКОВ Иван Валентинович родился 27 августа 1962 года в Крыму. В 1984 году получил диплом военного журналиста во Львовском высшем военно-политическом училище. В 1984 году работал военкором в десантной дивизии, расположенной в Литве. В 1985 году служил в Афганистане. Награждён орденом Красной Звезды. В 2007 году в московском издательстве «Газоил пресс» вышла его первая книга «Афера». Он стал автором романа «История Коцких Навей: агония демона», сборника охотничьих и рыбацких рассказов «Лых-хо», сборника рассказов об Афганистане «Укус Чёрной вдовы», повестей «В поисках палача», «Под крылом Чёрного ворона», «Последнее слово шамана», «Кремень», «Газотрасса», трилогии из трёх повестей «В маске Чёрного Файзуллы», политического детектива «Тень уходит последней». С 1989 года работает редактором корпоративной газеты «Транспорт газа» ООО «Газпром трансгаз Югорск». Член Союза писателей России. Живёт в городе Югорске ХМАО-Югры Тюменской области.

ЧЕКУНОВА Маргарита Геннадьевна родилась 22 июля 1993 года в Казахстане, детство прошло в Ялutorовске. Поэт, автор книг «Да не собьётся музыка стиха», «Воздушный змей». Автор и режиссёр игрового исторического фильма «Две тысячи вёрст до Ипокрены», в основе которого – поэтическая пьеса. Стихи неоднократно публиковались в «Литературной газете», журналах «Наш современник», альманахах «День поэзии», «Врата Сибири». Живёт в Тюмени.

ШАФРАН Яков Наумович – заместитель главного редактора, ответственный секретарь всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»,

выходящего под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, главный редактор альманаха «Ковчег», входящего в инфраструктуру журнала «Приокские зори». Член Академии российской литературы, член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий «Левша» имени Н.С. Лескова и «Белуха» имени Г.Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии имени Вениамина Блаженного. Имеет литературные медали, почётных знаки, дипломы, грамоты и благодарности, в частности, награждён дипломом Международной гильдии писателей в номинации «Сотворение» (Лейпциг, Германия, 2015) за сборник стихотворений «Льётся жизни стих». Живёт в Туле.

ЮРЧЕНКО Станислав Георгиевич родился 18 июня 1948 года в городе Кривой Рог Днепропетровской области. По окончании Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта направлен на работу в Магаданскую область. После службы в армии остался жить в посёлке Советском Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Работал в строительных организациях округа и Тюменской области. Заслуженный строитель Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, почётный гражданин Советского района. Автор нескольких стихотворных сборников, повести «Мост», сборника рассказов и повестей «Осколки», романа «Сезон суетливой сороки», сборника рассказов «В одном прекрасном месте». Член Союза писателей России с 2001 года. Живёт в Санкт-Петербурге.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы художника Анатолия Филипповича Квасневского

На обложке:

«Портрет жены»

Художник: Анатолий Филиппович Квасневский

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издаётся при финансовой поддержке правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 2001 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, оф. 1108

тел./факс: (3452) 49-00-18

e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410

Директор-главный редактор Скорбенко Александр Николаевич

тел. (3452) 49-00-18

Подписано в печать 15.05.2019 г.

Дата выхода номера в свет 17.06.2019 г.

Формат 70x108^{1/16}. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 1318. Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Вёрстка номера: Павлова Александра Павловна.

Корректоры: Рыжкова Елена Александровна, Ишимцева Оксана Ивановна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если её объём не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

